U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class

Book

YUDIN COLLECTION

Stanevich, Evstafii Ivanovitch
Besseda na grobie mladenca o bessmertii dushi.

БЕСѢДА
НА ГРОБѢ МЛАДЕНЦА
О
БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ,

ТОГДА ТОКМО УТѢШИТЕЛЬНОМЪ, КОГДА ИСТИНА ОНАГО УТВЕРЖДАЕТСЯ НА ТОЧНОМЪ УЧЕНІИ

ВѢРЫ и ЦЕРКВИ.

сочиненіе

Евстафія Станевича.

Второе изданіе.

по Высочайшему повелѣнію.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1825.

BT 921
.S67
1825

Позволеніе Цензурнаго Комитета на первое изданіе сей книги.

Отъ Цензурнаго Комитета Санктпетербургской Духовной Академіи печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы доставлено было въ оный Комитетъ законное число экземпляровъ. Сентября 3 дня 1818 года.

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Иннокентій.

Позволеніе тогоже Комитета на перепечатаніе онойже книги.

Отъ Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи, книгу сію перепечатать позволяется. 5 Іюня 1825 года.

Семинаріи Ректоръ Архимандритъ Іоаннъ.

4063
5772

БЕСѢДА

НА ГРОБѢ МЛАДЕНЦА

БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ.

127

Горестное ваше письмо я получилъ; я не могъ не раздѣлить съ вами скорби вашей: слезы, сія послѣдняя дань, потекли на могилу вашей дочери. Мысленно обнялъ гробъ ея, и сердце мое воздало ей печальное цѣлованіе. Рано увялъ цвѣтъ жизни ея. Не объиметъ она болѣе своей матери, не увеселитъ ее своею улыбкою. Одно осиротѣлое воспоминаніе, какъ легкое облако, плавающее въ освѣщеніи лунномъ, и уединенно носящееся надъ безмолвною пустынею, нѣкогда процвѣтавшею, осталось намъ. Но уже ли жизнь ея навсегда погасла? Уже ли все окончилось съ ея смертію? Уже ли какъ безсловесное животное и человѣкъ умираетъ? Мысль столько же ужас-

ная, колико и тягостная; мысль паче увеселяющая злодѣя, всякаго же добраго въ отчаяніе привесть могущая; мысль, съ принятіемъ коей всякому общественному благостроенію должно низвратиться, всякому изящному о добрѣ понятію погибнуть: какъ напротивъ съ отверженіемъ оной благолѣпіе порядка возникаетъ, цвѣтутъ добродѣтели, благіе нравы украшаютъ человѣчество, крѣпятъ союзы гражданъ, утверждаютъ общество и становятся твердынею царства, дражайшимъ возглавіемъ взаимнаго довѣрія, вожделѣннымъ союзомъ дружества, и сладчайшимъ залогомъ супружней вѣрности. Кратко, на уничтоженіи мысли оной, заря безсмертія возгарается на гробахъ тлѣнія, и денница вѣчности возсіяваетъ въ сердцахъ нашихъ: небо преклоняется къ землѣ и сопрягается съ нею любовію.

Человѣкъ имѣетъ жизнь и потому онъ отрѣваетъ отъ себя смерть. Жизнь его не можетъ пожелать уничтоженія себѣ. Жизнь любитъ себя и не любить не можетъ. (*) Она не можетъ пожелать своего

(*) Христіанинъ такъ не разсуждаетъ (Фил: I. 21). То, что внѣ Христіанства почитается жизнію, у него паче есть сотворенною способностію, почерпающею жизнь изъ источника жизни. Но какъ сочинитель издаетъ книгу

небытія. Жизнь и тлѣніе суть никогда не могущія содружиться между собою крайности, тѣмъ болѣе не могутъ онѣ замѣнять себя взаимно. Смертность не можетъ быть источникомъ жизни, ни жизнь источникомъ смерти. Естьли допустить съ Матеріалистами, что жизнь сама отъ себя,

---

сію уже для всѣхъ, то въ семъ мѣстѣ и обращается къ тѣмъ, кои не признаютъ Христіанской Вѣры, и отвергаютъ жизнь будущую; почему заемля свой доводъ противу нихъ отъ самаго того, чего они отрицать не могутъ, то есть, чтобы то, что они называютъ жизнію, не было уже жизнію. Въ таковомъ же образѣ тварности слѣдуетъ понимать и сіе выраженіе: *жизнь любитъ себя*, и проч: понятія таковы низки: ибо Христіанинъ, не обрѣтая ничего достойнаго любить въ себѣ, любитъ единаго Бога, и живетъ Его жизнію. Но ежели человѣкъ, сый созданный въ чести, не разумѣетъ себя, прилагается скотомъ несмысленнымъ и уподобляется имъ (Пс. XLVIII), съ таковымъ надобно употреблять доводы по мѣрѣ понятій его. Впрочемъ сочинитель не ограничивалъ себя богословскою точностію; но въ такомъ случаѣ почитаетъ долгомъ означать подобныя мѣста выноскою, дабы не содѣлаться въ иныхъ читателяхъ виною смѣшенія понятій Христіанскихъ съ языческими, отъ чего на западѣ возникло толикое множество вредныхъ заблужденій. Какъ ни грубо сіе понятіе, что *жизнь любитъ себя*, что есть началомъ самолюбія во всѣхъ

то какъ и въ таковомъ случаѣ учинится она смертію? Естьли жизнь отъ Бога, нѣтъ сомнѣнія, что таже воля, возжегшая оную, можетъ и погасить ее; но уже противно разуму мыслить, дабы возможно было содѣлать, чтобы человѣкъ, не преставая быть человѣкомъ, могъ изчезнуть. Можетъли быть свѣтъ свѣтомъ и вмѣстѣ тмою? И когда наступаетъ тма, уже-ли свѣтъ погибъ самъ по себѣ? Тма есть токмо удаленіе свѣта; а тако и смерть отлученіе есть жизни: слѣдовательно, какъ свѣтъ, тако и жизнь пребываютъ, доколѣ воля Господня хощетъ, дабы они пребыли тѣмъ, чѣмъ есть. А воля Господня такова, что даровавъ жизнь единожды, не можетъ не восхотѣть и продолженія оной: отсюда очевидно, что отрицающимъ продолженіе жизни за гробомъ, напередъ надлежитъ доказать, что такова можетъ быть воля Господня. Жизнь есть душа, а благо

его видахъ до самой гнусной самости, однако на семъ то опасномъ началѣ, толико знаменитый мужъ, какъ д'Агессо, основалъ свою Метафизику. Для чего небезполезно показывать сего опасность для тѣхъ, кои недовольно еще отдѣлили у себя ясныя понятія отъ сбивчивыхъ.

души есть Богъ. Отнять себя Богу у души, есть какъ бы отнять жизнь жизни ея, но не истребить самую душу. Поелику же Всеблагій не можетъ не восхотѣть даровать себя, ни отъять себя по своенравію, что предосудительно и въ человѣкахъ, какъ ни низко они упали: то какъ Всеправедный, конечно, Онъ отъемлетъ себя токмо отъ недостойныхъ, и хотя отъемлетъ, но ихъ не уничтожаетъ. Благость и правда Божія купно требуютъ продолженія бытія души человѣческой. Благость для возвращенія себя тѣмъ, кои возлюбляютъ, а правда на осужденіе тѣхъ, кои отвергаютъ Бога, скажемъ, Бога спасающаго. До созданія духовныхъ и разумныхъ существъ, никто не могъ быть ни достоинъ, ни недостоинъ: *ничто* не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. Не будь паденія, мысль о недостоинствѣ ниже бы представиться могла. Преступленіе же токмо вѣчнаго гнѣва ожидать долженствуетъ себѣ. Сіе-то состояніе души неуничтоженной есть смерть, какъ и обиталище ея тма смертная. Но поелику Богъ не вовсе отнялъ себя отъ человѣковъ; то сіе-то *не вовсе* и знаменуетъ, что гнѣвъ его не до конца, что есть мѣсто милосердію Его, что благость Его срящетъ насъ. Въ семъ-то *не вовсе* богомудрый съ радост-

нымъ и утѣшительнымъ упованіемъ приникалъ въ самую мысль Господню, и читалъ въ оной, аки въ свиткѣ пророческомъ, ожидающее его спасеніе. Онъ видѣлъ въ ней съ благоговѣйнымъ страхомъ, нако милость и истинна на крестѣ имѣли срѣтиться, правда и миръ облобызатися (*Пс.* 84) въ Божіемъ къ человѣкамъ благоволеніи, къ человѣкамъ возлюбленнымъ отъ Бога (*Лук. II.* 14). Самое состояніе падшаго человѣка, аки въ таинственной книгѣ, давало читать въ себѣ боящимся Бога, великую оную примирительную жертву, надъ коей праведный Судъ Божій долженствовалъ совершиться, и безъ которой не могла быть явлена и милость къ человѣкамъ. Но сія жертва есть ли что другое, какъ не средство къ возвращенію намъ Бога, преступленіемъ нашимъ отъ насъ отъятаго? Къ возвращенію намъ жизни нашей, безъ которой душа есть одушевленная токмо смерть? Изъ всего сказаннаго, вы видите, что оною жертвою никто не могъ быть иной, развѣ Самъ Богъ. А отсюда постигаете, сколь необходимъ для нашего спасенія Сынъ Божій. Но для того ли совершилъ онъ крестный подвигъ свой ради нашего спасенія, дабы душа наша купно съ тѣломъ въ смерть спогреблася?

Никакъ; Онъ есть животъ нашъ, и даетъ животъ всѣмъ тѣмъ, кои хотятъ принять его вѣрою и послушаніемъ: ибо первая безъ послѣдняго не бываетъ. Самый простый разумъ не убѣждаетъ ли каждаго изъ насъ, что послушаніе безъ наружнаго явленія, не есть послушаніе; и что самое слово послушаніе требуетъ той вещи, предъ которою могло бы оно себя оказывать. Сею вещію не можетъ быть каждый человѣкъ самъ для себя: ничего не можетъ быть сего нелѣпѣе. Равнымъ образомъ, не льзя ограничить сего обстоятельства единымъ чтеніемъ Св: Писанія, поелику надлежитъ предварительно имѣть въ себѣ и духъ Писанія: безъ чего всякой будетъ читать оное по духу своему, и толковать сообразно съ своимъ духомъ. Мы не можемъ разумѣть Писанія въ младенчествѣ нашемъ, когда видимъ, что и взрослые и престарѣлые сѣтуютъ на скудость разума своего по отношенію глубинъ Слова Божія. Однако отъ самаго младенчества мы уже въ опасности принимать въ себя духъ лукавства и злобы; весь міръ, лежащій во злѣ, утверждаетъ истину сію. А это не доказываетъ-ли, что напередъ нужно помыслить и попещися о изгнаніи изъ себя духа противнаго, о бытіи въ насъ коего мы

сами отъ себя нижѐ вѣдать можемъ; а потому не можемъ и помышлять о изгнаніи онаго. Что въ насъ есть, то мы за свое пріемлемъ; а пріемля за свое, защищаемъ, и въ томъ ничего злаго не видимъ. Да хотябы и видѣли, то какъ изъяли бы изъ себя, когда и болѣзни отъять отъ себя не можемъ. Мы же говоримъ о духѣ діавольскомъ. Изъять его, было бы крѣпче быть, чѣмъ онъ самъ. Скажутъ, сіе творитъ въ насъ Богъ; но развѣ Богъ творитъ сіе безусловно? Условіе же нужно для того, дабы имѣющій благую совѣсть, могъ удостовѣренъ быть по оному, что это въ истинну творитъ въ немъ Богъ; тотъ Богъ, который именуетъ себя Богомъ живыхъ, а не Богомъ мертвыхъ, Богомъ чуждымъ. Всякое условіе не требуетъ ли послушанія къ вещи, въ условіе поставленной? Послушаніе не бываетъ безъ условія; условіе безъ закона, оное условіе опредѣляющаго, и дающаго ему извѣстный образъ. Это камень, о которой должны разбиваться всѣ умствованія человѣческія. Сеюже вещію одно Писаніе не можетъ быть: поелику оно доставляетъ намъ одни письмена, а надобно еще быть и вещи, чрезъ которую могли бы мы

принимать и духа, оныя письмена оживотворяющаго въ насъ въ глаголы живота вѣчнаго. Писаніе есть свидѣтельство *той вещи*, (*) чрезъ которую Духъ Божій подается къ разумѣнію онаго. Въ томъ всѣ единодушно согласны, что дабы разумѣть Писаніе, нужно, чтобы Духъ Божій просвѣщалъ насъ при чтеніи онаго. *Божія никто же вѣсть, точію Духъ Божій* (1 *Кор. II.* 11). Для того нужно имѣть въ себѣ Духа Божія прежде, чѣмъ принимаются за чтеніе Св. Писанія. Какъ же придетъ въ насъ Духъ Божій, аще не плѣнимъ разума въ послушаніе Церкви и Вѣры? Ибо плѣнить разумъ въ послушаніе Вѣры, не той, которую содержитъ Церковь, есть творить Вѣру по началамъ нашего сердца, что означаетъ не имѣть ни того, ни другаго. Отсюда ясно, что въ Св. Писаніи Церковь и Вѣра есть одно и тоже, и одно за другое всегда пріемлются; поелику на землѣ ни Церковь безъ Вѣры, ни Вѣра безъ Церкви стоять и существовать не могутъ. Отдѣляющій Вѣру отъ Церкви, можетъ имѣть Вѣру, не споримъ, токмо не Вѣру Христову. Сказано, *и бѣси вѣруютъ* (*Iак.II.* 19), только они вѣруютъ по своему. О! и бѣси обходятъ Церковь истинную, и они

(*) То есть, Церкви.

желали бы не видѣть и слѣдовъ ея на лицѣ земли. Нѣтъ такихъ средствъ, коихъ бы они не употребляли на сокрушеніе ея. Міръ и адъ ревутъ съ ними на святыню ея: но она не подвижется. Небо и земля мимоидутъ, словеса же Господня не мимоидутъ. Потому-то всякъ преслушивающій Церковь, поставленъ самимъ Спасителемъ на ряду съ язычникомъ и мытаремъ (*Матѳ. XVII.* 17). Церковь опредѣляетъ Вѣру, и сама опредѣляется взаимно Вѣрою. Спаситель въ Евангеліи повелѣваетъ грѣшника приводить къ Церкви, когда уже всѣ средства, употребленныя на обращеніе его, окажутся безплодны по упорству его воли; но къ какой Церкви приведутъ его, когда о Церкви воленъ всякой судить, какъ кто похочетъ? Ахъ! когда Всесвятѣйшая Троица (*по предвѣчному своему совѣту*) заклала (*предала на закланіе*) по насъ единую воплотившуюся Ипостась свою, да насъ искупитъ: мы-ли не восхотимъ заклать своей (*воли. Колос. гл.* III. 5), да пріобрящемъ спасеніе наше? Гдѣ же будетъ оное закланіе безъ Церкви? Нѣтъ, естьли бы кто могъ имѣть и Ангельскую Вѣру, но какъ скоро хотя мало вознепщевалъ бы на Церковь, сей былъ бы Ангелъ тмы, въ Ангела свѣтла преображенный, и учинился

бы повиненъ геенне, поелику уничижилъ Церковь. Для того-то надобно, чтобы послушаніе имѣло общее правило, для всѣхъ единое, и ни для кого неизъемлемое. Сему-то послушанію учитъ единая Церковь. Чрезъ нее единую подаетъ намъ Богъ Духа Своего отъ самой купели. И сія Церковь есть купно наружная въ обрядахъ, и внутренняя въ принятіи даровъ Божественныхъ. Къ сей-то Церкви самою кровію своего Сына Богъ обязываетъ насъ послушаніемъ такъ, какъ бы къ Самому Себѣ: ибо она есть таинственное тѣло Богочеловѣка. Послушаніе же требуется на тотъ конецъ, что оно есть единственнымъ средствомъ къ недопущенію въ насъ духа злаго, или къ изгнанію онаго. Нѣкто сказалъ: Trouver le Sauveur hors de l'obeissance, c'est le perdre tout a-fait, хотѣть обрѣсти Спасителя внѣ послушанія, есть потерять его совершенно. Очевидно, здѣсь разумѣется о послушаніи по разсужденію къ Церкви: ибо послушаніе не есть послушаніемъ само по себѣ, но по отношенію къ вещи, и должно быть таково, какимъ та вещь быть оному предписываетъ. Каинъ проклятъ за убіеніе брата; Авраамъ же напротивъ за убіеніе сына своего былъ толико прославленъ отъ Бога, какъ ни одинъ

изъ живущихъ на земли. Ибо убіеніе Ісаака совершилось въ волѣ отца его, который не столько сына своего принесъ въ жертву Богу, колико собственную заклалъ волю свою; и сею-то вонею благоухающаго послушанія услажденъ былъ самъ Господь и вмѣнилъ ему въ правду. Потому одна Церковь знаетъ предписать каждому члену своему образъ, правило и предѣлы послушанія: безъ чего повиновеніе будетъ произволеніемъ собственнаго нашего духа, что есть сущая мерзость предъ Богомъ. Тогда, вмѣсто того, чтобы принять отъ Него условіе, мы сами станемъ предписывать Ему свое, и каждый сходно съ своимъ образомъ мыслей и чувствованій: болѣе сего не возтребовалъ бы и діаволъ. Упомянутый Писатель разумѣетъ о единообразномъ для всѣхъ послушаніи: ибо таково токмо и можетъ быть послушаніе къ Богу, который не можетъ потерпѣть, чтобы каждый изъ насъ приносилъ Ему мечтаніе свое на мѣсто подобающаго послушанія. Итакъ вышеприведенное мѣсто есть почти тоже, что: хотѣть обрѣсти Спасителя внѣ Церкви видимыя, есть отвергнуться его невозвратно. Токмо тамъ Вѣра, гдѣ послушаніе имѣетъ свой точный образъ.

Почто же нынѣ скорбѣть вамъ, когда

Церковь на то воспріяла въ нѣдра свои останки вашей дщери, чтобы соблюсти ихъ ко дню воскресенія общаго? Когда, море и смерть и адъ станутъ отдавать мертвецы своя (*Апок.* XX. 13), Церковь, святая Церковь, яко нѣжная Мать, соберетъ вѣрныхъ чадъ своихъ, и речетъ: *Се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ* (*Исаіи VIII.* 18.) Вы могли бы еще не повѣрить ей, естьли бы слышали ее глаголющую: *се азъ, и дѣти моя:* но слыша ее, что она не имѣетъ иныхъ дѣтей, кромѣ, *яже даде ей Богъ*, можете совершенно положиться на ея правду, что всѣ ея дѣти суть чада жизни и свѣта, поелику отъ Бога даются ей. Вопросите днесь у Церкви, сей общей нашей Матери, о вашей дочери, и вся Церковь всею утробою своею, яже суть святые ея, речетъ въ утѣшеніе ваше, жива она, жива не къ смерти, но къ жизни, и уже никакая сила, хотя бы и весь адъ подвигся, не возможетъ исхитить ее отъ руки Божіей. О щастливая мать! о блаженства дочери! о сладчайшаго утѣшенія Церкви своей вѣрному Христіанину!

Ничто не погибнетъ отъ вашей дочери. Духъ ея, разрѣшенный отъ узъ плоти, нынѣ воспріятъ въ ликъ Ангельскій: но по гласу послѣднія трубы, когда силы

небесныя подвигнутся, солнце померкнетъ и луна не дастъ свѣта своего, и звѣзды спадутъ съ небесе; тогда и вѣрнымъ возвратятся прославленныя тѣлеса ихъ. *Вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ сына Божія и услышавше оживутъ*, увѣряетъ Спаситель.

Самъ Бого-человѣкъ воскресъ во плоти нашей и вознесъ оную на небеса и облекъ во славу величества Своего. Симъ доказывается ощутительно, что Господь пріобщитъ тойже славѣ и тѣлеса вѣрныхъ своихъ. Странно было бы мыслить, что токмо одно Спасителево человѣчество не погибнетъ, когда Онъ для того и воскресъ въ тѣлѣ, да насъ увѣритъ, что ничто отъ насъ не погибнетъ; и что Онъ, не ради себя, но насъ ради облекся въ плоть нашу. Собственно человѣкъ по смерти своей не воскресаетъ; ибо духъ его, хотя бы Спаситель и не приходилъ на землю, пребылъ бы: но человѣкъ долженъ воскреснуть въ тѣлѣ своемъ, и это не прежде, какъ въ день суда, *да пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла* (2. *Кор. V*.10). *Яко сѣяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе: а сѣяй въ духъ отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (*Гал. VI*. 8.). Подъ истлѣніемъ не разумѣютъ изчезновенія, но лишеніе навсе-

гда Бога: ибо вторичнаго искупленія не будетъ, и быть не можетъ. Вѣрные же о *Хрістѣ вси оживутъ.* Не смотрите на истлѣніе тѣла вашей дочери; но внемлите утѣшающему васъ Апостолу: *подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе и мертвенному сему облещися въ безсмертіе.* (1. *Кор. XV.* 53). Когда ввѣряютъ землѣ сѣмена, не токмо не страшатся оныхъ тлѣнія, но паче огорчились бы, естьли бы онѣ пребыли въ невредимости своей: *ты еже сѣеши, не оживетъ, аще не умретъ* говоритъ тотъже Апостолъ. Положено зерно голое, оно тлѣетъ, между тѣмъ живущій въ немъ ростокъ прицѣпляется землѣ, посредствомъ коея питается и вбираетъ въ себя отовсюду жизненность, не теряя впрочемъ сущности своей, отъ коей заемлетъ видимое свое тѣло, коего вещественность есть таже, что и въ зернѣ была. Какова была наша жизнь, таковъ и ростокъ будетъ въ разрѣшеніи тѣла нашего; ростокъ душевный, или пристойнѣе сказать языкомъ Хрістіанина, жизнь обновленнаго во Хріста внутренняго нашего человѣка. Хрістосъ пришелъ искупить душу нашу, обновить ее въ Себѣ, содѣлать ее небесною, сообразно небесному Своему образу. Душа не уми-

раетъ ни добраго, ни злаго, но каждая по качеству своему всасываетъ, вбираетъ, воспріемлетъ въ себя свойству своему сообразную, духовную сущность. Почему душа перваго, преобразуется по свойствамъ своимъ въ славу, яко же отъ Господня Духа; а злаго питается сродными себѣ началами, якоже отъ духа тлѣнія, или духа преисподня. *Вѣмы*, говоритъ Апостолъ, *яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы храмину не рукотворенну, вѣчну, на небесѣхъ. Ибо о семъ воздыхаемъ, въ жилище наше небесное облещися желающе.* (2. *Кор.* V.)

Гробъ Христіанина не токмо не есть позоромъ отчаянія, но образомъ утѣшенія и назиданія. Мѣсто покоища его есть преимущественно убѣжище любви. Я понимаю о любви вообще, а не рузсуждаю по видамъ частныхъ явленій ея. Сверхъ того разумѣю о любви законной, а не зазорной, плоды которой всегда есть тлѣніе, смерти снабдѣніе.(*)

(*) Ла-Гарпъ по обращеніи своемъ написалъ: c'est avec le même coeur qu'on aime le Créateur ou la creature, quoique les effets soient aussi différens que les objets. M me de Sévigné dit de Racine: *Il aime Dieu comme il aimait ses maîtresses;* et

Чего станетъ искать порочная любовь тамъ, гдѣ все осуждаетъ ее? Для нея ли возжется безсмертіе и надежда воскресенія? Ахъ! сего-то наипаче и трепещетъ она; сего-то и не хощетъ. Но отнявъ сію надежду жизни, что обрѣтетъ она въ оби-

---

cela n'a rendu ridicule ni M-me de Sévigné ni Racine. *Quantum mutatus ab illo!* Этотъ примѣръ торжественнѣе всего доказываетъ, что значитъ быть ученымъ и прямымъ Христіаниномъ, которому подобаетъ родиться свыше. Можно ли себѣ вообразить было, чтобы такой тонкой критикъ, каковъ Лагарпъ, могъ уже по обращеніи своемъ сказать такую нелѣпость, чѣмъ показалъ, что онъ нижѐ первыхъ началъ Христіанскія Вѣры не могъ постигнуть, хотя умомъ своимъ обнялъ все, чѣмъ только древняя и новая словесность похвалиться могутъ. Есть любовь законная, и есть беззаконная, скотская. Первою любятъ все, что есть изящнаго въ истинѣ; другою, напротивъ, любятъ на разореніе самой истины. Одинакова ли это любовь? Но Лагарпъ былъ еще душевенъ, и не могъ пріимать, яже Духа Божія. Какая безконечная разность глаголать въ наученыхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, а не въ наученыхъ Духа Святаго! (1. Кор. II. 13). И естьли цѣломудренная жена не потерпитъ въ мужѣ наложничныя любви, то какъ примѣнитъ оную къ Богу? Не можно и жены любить тоюже любовію, какою

тели смерти? Кого оплачетъ? Порочный-ли имѣетъ сердце для плача? Порочное ли сердце знаетъ источать слезы любви и родства? И естьли бы гробъ былъ предѣломъ жизни человѣческой, почто бы порочному бѣжать отъ мѣстъ торжества его?

пылаютъ къ любодѣйцѣ; или сію потребить должно тою, или сія погасить первую: или закономъ должно истребить беззаконіе, или беззаконіемъ разорится законъ; а законъ и беззаконіе жить вмѣстѣ не могутъ, и никогда ни законъ не можетъ назваться беззаконіемъ, ни беззаконіе закономъ, какъ равно ни жизнь смертію, ни смерть жизнію. Все сіе ощутимо доказываетъ, что человѣкъ есть орудіе двухъ духовныхъ силъ, въ немъ дѣйствующихъ, изъ коихъ одна хощетъ оживотворить его духъ собою, какъ и названъ Христосъ, *Адамъ въ духъ животворящь*, (*1. Кор. XV.* 46); а другая ищетъ разорить все, что есть въ немъ Христово, да погубитъ душу его. Мы любимъ волею, но волею, которую та или другая сила движетъ, и потому хотя любимъ сами, поелику мы не ничто, но любимъ по духу дѣйствующей въ насъ силы. Кто любитъ по закону, тотъ любитъ вещь въ порядкѣ вещей; таковый ничего уже не терпитъ, что внѣ порядка. Напротивъ любящій внѣ закона по необходимости будетъ врагомъ порядка. Цѣломудренный ищетъ объятій непорочныя супруги, всякія же другія преплетенія любовныхъ объятій, суть мерзость ему. Первыя утверждаютъ домъ, послѣднія

Не туда ли бы приходить ему надлежало для посмѣянія надъ всѣмъ тѣмъ, что люди добродѣтельные изобрѣли въ обузданіе страстей, толико имъ лелѣемыхъ, въ устрашеніе сердца его и для отвлеченія отъ прелестей сего міра? Или паче, не туда-

---

разоряютъ; тѣ приносятъ существенныя утѣхи, а сихъ нижѐ можемъ вкушать безъ того, чтобы совѣсть не уязвляла, или чтобы не сравнялись съ скотами въ грубости чувствъ нашихъ. Все состоитъ въ волѣ и въ духовномъ началѣ, на нее дѣйствующемъ. Она по тому, или другому духу, т. е. Святому, или злому, преобразуетъ себя; она есть око духовное, которое, когда просто, то и все тѣло наше свѣтло, или темно, когда лукаво, когда духъ тмы, аки пленою, подернетъ оное.

Чтожъ касается до того выраженія Г-жи Севинье о Расинѣ, что онъ любилъ Бога тоюже любовію, какою любилъ и наложницъ своихъ, и что сіе не сдѣлало смѣшною ни ее, ни Расина; то это тѣмъ предосудительнѣе для того вѣка, когда духъ міра пріобщился болѣе духу маловѣрія, чѣмъ самой Вѣры. Придутъ времена и еще горшія, но не отъ времени должно брать доводы свои, а отъ духа Церкви. По крѣпкой мѣрѣ въ нашей Церкви, которой простота есть простота безпримѣсная, такое выраженіе показалось бы весьма непотребнымъ, и духъ Апостольскій тотъже часъ далъ бы ощутить каждому изъ сыновъ вѣрныхъ, что въ оной рѣчи кроется духъ чуждый

*

ли бы приходилъ онъ поучаться лицемѣрію, вѣдая, что обнаженное невѣріе не столько есть врагъ добродѣтельному, живущему въ Богѣ и отъ міра ничего себѣ не требующему, колико собственно для него самаго опасно? Убѣжденный ли въ ничтожествѣ

чистотѣ Евангельской, и что онъ происходитъ совсѣмъ не отъ начала той любви, еюже Богъ благоугождается во Святыхъ своихъ. Касательно же того, что тѣмже сердцемъ, которымъ любятъ Творца, любятъ и тварь, c'est avec le même coeur qu'on aime le Createur ou la creature, то это не справедливо. Когда любятъ Творца, какъ должно, то уже любовь сія такъ наполняетъ собою способность воли, что всякой другой любви не будетъ въ ней мѣста. Любить Бога есть любить Его любовію Духа Святаго. Наука сія есть помазаніе, наука сердца отрожденнаго, новаго; а тварь любятъ сердцемъ ветхимъ, необрѣзаннымъ. Срамно было бы сказать и о дитяти, яко бы оно любитъ тѣмже сердцемъ отца, что и собачку свою. Подобное смѣшеніе въ понятіяхъ происходитъ отъ того, что мы вовсе потеряли первообразныя понятія о самыхъ существенныхъ началахъ нашего разума. Все, что ни есть священнаго, извѣстно намъ по однимъ токмо понятіямъ, а не по сущности самой вещи. Вотъ отъ чего плотская наша любовь не судитъ о себѣ по тѣмъ первообразнымъ началамъ, но примѣняя къ себѣ, дѣлаетъ оныя тѣмъ, чѣмъ ей хочется, чтобы они были, забывъ, что

пощадитъ невѣрнаго? Нѣтъ, рука его скорѣе онѣмѣетъ надъ грудію добродѣтельнаго, но уже никогда не дрогнетъ при пораженіи нечестивца. Одушевленное ли безбожіе пощадитъ себѣ подобное нечестіе? Но и мечта добродѣтели, какъ называетъ

вещи остаются тѣмъ, чѣмъ есть онѣ. Вотъ что значитъ жить посреди тѣней и сѣни смертной. Мы судимъ о Богѣ, о Христѣ, о Вѣрѣ, не по нимъ самимъ, но по однимъ понятіямъ, и ворочая понятіями, какъ намъ хочется, воображаемъ, что мы разсуждаемъ поистиннѣ; какъ истину, выдаемъ свои разсужденія людямъ, и ахъ! напаяемъ ихъ тѣмиже мутными водами, какими и сами напоены отъ духа лжи. Вотъ что значитъ обходить Церковь, сей единый путь къ Источнику воды живыя, текущія въ животъ вѣчный.

Язычники любили Творца, какъ напримѣръ Сократъ, Платонъ; они познавали его изъ познанія истинъ, въ твореніи ими почерпнутыхъ: но и таковые язычники отвергали тогда любовь къ твари и обращали оную къ истиннымъ понятіямъ, и въ оныхъ, какъ бы ощупью, находили и любили Творца. Тоже бываетъ и со многими западными Христіянами, любящими Христа болѣе изъ познанія истинъ, какъ любили язычники Бога, нежели изъ отрожденія въ себѣ жизни Христовой. Не видя же между своими современниками, единаго съ ними исповѣданія, и таковой любви, они возбуждаются духомъ самонадѣянія, и дерзаютъ заимствовать голосъ Пророческій, а ученіе свое, едва струящееся жизнію, вы-

ее нечестивый, вселяетъ къ себѣ непреодолимое уваженіе, и нерѣдко силою своею побѣждаетъ самаго врага своего. Добродѣтель есть мечта! Почтоже отвергнувъ живую сущность ея, ищутъ себѣ утѣшенія даже въ видахъ ея, и стараются хотя сими прикрывать себя, дабы не казаться безобразными

давать за глубины Божіи. Прискорбнѣе же всего то, что сіи полудышущія истины, похожія болѣе на безобразное смѣшеніе, чѣмъ на Христіанское ученіе, долженствующее быть полно жизни небесной, что онѣ, говорю, передаются и посреди нашей Церкви за нѣчто достохвальное, съ желаніемъ увѣрить, что въ нихъ-то и скрывается жизнь Христова. Какъ! не уже-ли мы должны повѣрить, что оскудѣвшіе и по времени изсохшіе источники Израилевы на западѣ, суть тѣ самые, которые протекаютъ въ полнотѣ своей въ нѣдрахъ востока? Пусть для сыновъ тѣхъ исповѣданій нѣсколько капель отъ оныхъ источниковъ и довольно, но какъ намъ увеселять себя ими, когда видимъ у себя полныя рѣки, и, можно сказать, море водъ чистыхъ и прозрачныхъ?

Впрочемъ языческія понятія о Богѣ, гораздо ближе къ Христіанину, чѣмъ подобныя языческимъ понятія у Христіанъ о Христѣ, и смѣло сказать можно, по сравненію таковаго язычника къ такому же Христіанину, что язычникъ мудрецъ, не гонящій правды, постигъ правду, а Христіанинъ гоня правду, правды не постиже. Поелику сущій Христовъ ученикъ

въ собственныхъ своихъ глазахъ, и подъ сею личиною желаютъ еще снискать благоволеніе въ обращеніи съ ближними? Ахъ, какъ на всякомъ шагу порокъ и нечестіе обличаютъ себя! Злые ищутъ покоя и мира, а того вѣдать не хотятъ, что сихъ благъ не даютъ тѣ

знаетъ Христа не въ мертвенныхъ письменахъ, но въ самой жизни его, въ глаголахъ Духа и живота. Когда онъ съ жизнію Христовою и Духа его пріемлетъ, тогда токмо и понятія о Богѣ перестаютъ быть явленіемъ плоти и крови, по самою сущностію Христовою. Когда же и понятія о Христѣ не болѣе будутъ, какъ понятія, или яко письмя, изъ Писанія почерпнутое, то какъ оживотворится въ насъ Богъ? Желаете-ли познать сіе изъ примѣра, какая есть разность между живымъ о Христѣ ученикомъ и мнимымъ? Послѣдній обращаясь съ явными отрицателями Христа говоритъ о себѣ: Stillings Enthusiasmus für die Religion, hinderte ihn nicht, auch solche Männer herzlich zu lieben, die freyer dachten als er, wenn sie nur keine Spötter waren; т. е. Иступлепная любовь къ вѣрѣ не мѣшала Штилингу любить сердечно и такихъ людей, которые вольнодумнѣе были, чѣмъ онъ, лишь бы они не были кощунами. Напротивъ первый, вѣдущій, что не признавать Христа есть ругатися Христу, попирать кровь его за насъ изліянную, сей ученикъ говоритъ: *Аще кто приходитъ къ вамъ и сего ученія не приноситъ, не пріемлите его въ домъ и радоватися ему не*

начала, которыми они руководствуются; что напротивъ миръ и покой суть произведенія единыхъ добродѣтелей, ими за мечты признаваемыхъ, и что для пріобрѣтенія оныхъ, непремѣнно нужно содѣлаться напередъ добродѣтельными. Естьли добродѣте-

---

глаголите: глаголяй бо ему радоватися, сообщается дѣломъ его злымъ (*2 Іоан. I 10*). Впрочемъ иное обращеніе по любви Христовой въ чаяніи привлеченія невѣрнаго; а иное торжественное объявленіе, что мы ихъ любимъ, лишь бы они явно Христу не ругались, какъ будто бы сущность такого наруганія состояла въ словахъ, а не во внутренности воли. Въ первомъ случаѣ, можно сказать, мы носимъ крестъ, и исполняемъ въ себѣ лишеніе скорбей Христовыхъ и внутренно по Духу апостольствуемъ; между тѣмъ какъ въ послѣднемъ подлинно это будетъ сообщаться таковаго нечестивца дѣломъ злымъ. Какъ! Христіанину ли тѣхъ любить сердечно, въ сердцѣ которыхъ Христосъ видитъ себя распинаема, въ волѣ которыхъ Онъ зритъ все то совершающимся, что жестоковыйные Іудеи учинили надъ нимъ ужаснѣйшаго, съ сею притомъ разностію, что Іудеи не повѣрили Пророкамъ и Писанію, а нечестивые ни Христу самому, ни Апостоламъ, ни Церкви!

Не пропустимъ и сего безъ замѣчанія, что Штилингъ сказалъ, die freyer dachten als er, которые были вольнодумнѣе, которые свободнѣе мыслили, чѣмъ онъ; не то-ли значатъ слова оныя, что ежели

ли суть мечта, то могутъ ли быть чѣмъ нибудь покой и миръ? Можетъ ли мечта, сіе ничто, производить что либо существенное? Есть ли же покой и миръ суть дражайшіе плоды, толико и для злыхъ вожделѣнные, то какъ, безъ явнаго противорѣчія себѣ, приз-

---

тѣ совершенно отвергали Христа, то онъ отчасти? Можетъ ли быть средина въ дѣлѣ Божіемъ? Но мы знаемъ, собственно это значитъ, что Штилингъ умствовалъ о Христѣ по своему, а не какъ Церковь учитъ. Также, что значитъ Энтузіазмъ къ Вѣрѣ? Должна ли быть Вѣра любима съ исступленіемъ? Исступленіе слѣпо, а любовь истинная не по тому сильна, что она въ страсти, но поелику себя отрещися не можетъ, ибо знаетъ Христа и полна его жизни. Наконецъ, нѣкоторые люди, выдавая слова за вещь, имиже и обличаютъ себя. Кто не знаетъ, что такое есть ложный энтузіазмъ въ самой вещи? Рабъ Божій, вѣдая немощь брата своего и видя въ немъ имъ самимъ невидимое въ себѣ наважденіе демонское, хощетъ своимъ долготерпѣніемъ уловить его въ любовь Христову. Отсюда внутренное его страданіе; онъ носитъ Христа и въ Немъ Бога, уязвляется чрезъ ближняго демонскими стрѣляніями, уязвляется въ самомъ естествѣ своемъ, но побуждаемъ любовію къ ближнему, сноситъ боль сію, боль сугубую, поелику страждетъ яко немощный по естеству своему, и паче страждетъ отъ того, что вѣдаетъ, кого носитъ, и кто уязвляемъ въ немъ

навать ихъ за самое существенное, а то, что производитъ ихъ, нарицать мечтою? Однако и злые желаютъ покоя и мира, слѣдовательно и они желаютъ не мечты, но вещи самой. Столько уже они не будутъ не разсудительны сами съ собою, дабы сказать себѣ, что они желаютъ одного мечтательнаго понятія, когда самымъ желаніемъ доказываютъ противное; когда желать мечты было бы признакомъ отчужденія разума, а признавать вещь за мечту, и сей мечты желать какъ самой

ближнимъ его, для котораго токмо и претерпѣваетъ всѣ мученія свои. Богъ не можетъ воспаляться яростію, поелику всемощенъ. Единымъ словомъ Онъ мощенъ сковать адъ. Избранные его пріемлютъ отъ Него волю сію и въ безмолвіи злостраждутъ: ибо имѣютъ дѣло съ подобными себѣ человѣками, ихъ же Богъ спасти хощетъ дарованіемъ имъ жизни Христовой чрезъ увѣрованіе во Христа по ученію Церкви. И по тому-то истинные Христіане колико снисходительны къ слабостямъ ближняго, толико ревнительны за Церковь противу явныхъ нечестивцевъ, противу злохульныхъ еретическихъ на нее мыслей; себя же приносятъ въ жертву ей.

Напротивъ, діаволъ не терпя ничего себѣ противнаго, вооружаетъ адъ, и огнями его воспаляетъ міръ на гоненіе правды, и вотъ откуда всѣ образы и виды энтузіазма.

сущности, было бы уже совершеннымъ ума помѣшательствомъ. Не желать же себѣ покоя и мира есть нѣчто противное даже и злодѣю. Можно быть врагомъ другому, но не себѣ. Естьли бы миръ и покой проистекали изъ пороковъ, то бы злые наслаждались оными въ полной мѣрѣ. Когда же повсечасные опыты доказываютъ противное сему, то слѣдуетъ, что миръ и покой изникаютъ изъ противныхъ началъ пороку и злу, то есть, изъ началъ добродѣтели, и что добродѣтель уже не есть мечта. Миръ и покой не могутъ стоять и продолжаться безъ согласія, ни согласія быть безъ дружелюбія, безъ истинной любви ко ближнимъ. Будемъ таковыми, и мы будемъ добродѣтельными, а ставъ добродѣтельными, не назовемъ тогда добродѣтели мечтою, но жизнію, съ которою человѣкъ самъ перестаетъ быть мечтою, то есть, смертію одушевленною, существомъ внѣ Бога, отчужденнымъ отъ Его жизни.

О, нечестивый! почто ты убѣгаешь обители смерти, когда добродѣтель есть мечта, а жизнь условленный даръ природы, на время изъ ея сокровищницы въ сосудъ бытія твоего проліянный? Почитая себя мгновеннымъ ея образомъ, случайнымъ порожденіемъ, наподобіе воздушнаго явленія,

образовавшимся, почто надгробная тишина наводитъ на лице твое угрюмое смущеніе? Какое есть сокровенное сношеніе между тлѣющими останками усопшихъ и твоею совѣстію, долженствующею придавать новую бодрость твоей проповѣди, естьли бы во истинну могъ ты изъ нѣдръ ея почерпать убѣжденіе о ничтожествѣ всего того, что мы за безмертіе почитаемъ? Естьли же ученіе твое не изъ совѣсти, то откуда оно? Повѣдай намъ тайну сію. И естьли не отъ совѣсти, то откуда же и твое смятеніе? Почто ученіе твое не побѣдитъ совѣсти, но ею побѣждается? Ахъ! не для того ли убѣгаешь и ты надгробнаго размышленія, что тамо смертная тишина оковываетъ твои чувства, и у твоихъ страстей отъемлетъ все ихъ велерѣчіе; что тамо ты противупоставляешся прямо лицу твоей совѣсти, и въ бесѣдѣ ея, страшишся, аки въ чистѣйшемъ зеркалѣ, узрѣть свое безобразіе, познать преступленіе твое, исповѣдать вражду твою на Бога и убѣдить себя наконецъ въ продолженіи бытія своего по смерти.... Ты содрогаешся, хладный трепетъ проницаетъ до мозговъ костей твоихъ: ахъ! нещастный, повергнись лучше предъ Вѣрою, и искупи время твое заблаговременнымъ раскаяніемъ.

Но кто стонетъ тамо на гробахъ? Чей печальный, но въ самой печали спокойный образъ является озаренъ быть лучами безсмертныя надежды? Кто ищетъ посреди тлѣнія жизни? Не ты ли жизнедательница, о любовь, не могущая повѣрить тому, чтобы ты могла, кромѣ жизни, произвесть что либо другое? Слово смерть для тебя такъ ужасно, что стоило бы только произнести оное, и повергнуть самое тебя въ ничтожество, естьли бы токмо жизнь уничтожена быть могла. Но ты ощущаешь единый трепетъ отъ онаго, и съ тѣмъ вмѣстѣ лишь сильнѣе ощущаешь, что ты не можешь перестать быть собою; что слово смерть тебѣ столько же чуждо, колико жизнь чужда смерти, хладъ теплу и тепло хладу. Для того-то пришла пролить слезы; въ нихъ ищешь своего утѣшенія, и самымъ таковымъ желаніемъ свидѣтельствуешь, что твое утѣшеніе отъ источника жизни. Безъ онаго, не сущее ли бы было безуміе проливать слезы, которыми не льзя ни умершаго воскресить, ни себя успокоить, ни слѣдственно, утѣшить? Ты стонешь, но не безъ упованія. Ты плачешь, ибо тяжко разлученіе жизни съ жизнію, и для того плачешь, что слезы тебѣ утѣшительны; а утѣше-

ніе, на языкѣ сердца, не другое что означаетъ, какъ что разлука сія не вѣчна. Безъ того, отчаяніе былъ бы жребій нашъ. Что же до невѣрнаго, не знающаго ни утѣшенія, ни отчаянія, кто не видитъ, что это происходитъ отъ того, что онъ обходитъ сіе души своей состояніе, и не останавливается на немъ мыслію, какъ безобразный, дабы не зрѣть себя, пробѣгаетъ вскользь по зеркалу взорами; какъ человѣкъ, который существуя весь въ минутной своей страсти, отвращаетъ отъ себя всякое представленіе ожидающей его опасности, и не прежде познаетъ гибель свою, какъ уже когда низверженный въ пропасть, клянетъ часъ своего рожденія посреди терзающагоегоотчаянія.О!таинство Христіанскія жизни! Коль ты близко насъ, и коль вмѣстѣ далеко, коль просто и купно непостижимо. О! любовь, не для того ли приходишь сѣтовать на гробѣ умершаго, что уже не можешь, суща еще во плоти, соединиться такъ тѣсно съ тѣмъ, съ кѣмъ услаждала себя во время жизни его пришельническія; и нынѣ не обрѣтая между живыхъ подобнаго, чувствуешь сиротство свое, и стенаніями своими зовешь отшедшаго отъ тебя, да пріидетъ къ тебѣ хотя невидимо, увѣряя духъ его, что прико-

сновеніе его будетъ для тебя вожделѣнно и сладостно.

Можетъ ли растаться любовь съ тѣмъ, кого она всею сущностію своею любила? Сею-то любовію влечетъ Господь ко гробамъ умершихъ, да самый дикій, лишенный всякаго просвѣщенія, воскреситъ ею усопшаго, воскреситъ въ своемъ сердцѣ; да возжетъ въ ономъ первый, хотя слабый, лучъ упованія на безсмертіе, и да изнесетъ потомъ оный свѣтъ изъ сердца, и проліетъ на гробы ему любезныхъ, и утѣшится. Самый въ его сердцѣ возженный лучь безсмертія есть вкупѣ и свидѣтельство врожденнаго познанія о Богѣ: ибо кто сказалъ, безсмертіе, сказалъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что есть Богъ. Гробъ былъ колыбелію обширнаго просвѣщенія, возсіявшаго въ народахъ съ понятіемъ о безсмертіи. Гробъ былъ источникомъ, источившимъ въ міръ языческій первое утѣшеніе, достойное человѣческаго сердца, достойное быть облечено въ сіе слово, безъ коего всѣ прочія утѣхи суть токмо скотскія услажденія. Сущность утѣшенія есть упованіе на безсмертіе души нашей, есть сердечное познаніе бытія Божія. И потому безумной нечестивецъ, отвергающій то и другое, утѣшенія имѣть не можетъ. Истина сія напечатлѣ-

на на челѣ всѣхъ нечестивцевъ, а писаніе немолчно проповѣдуетъ оную. *Нѣсть радоватися нечестивымъ, глаголетъ Господь* (*Исаіи* 47. 22).

Подлинно, какое радованіе можетъ быть человѣку, отметающему бытіе Божіе даже по единому понятію? Но поелику всякую Вѣру вмѣняетъ намъ Богъ въ правду (*Мат:гл.* 12. 37), то есть, въ то, чего мы сами всею утробою себѣ желаемъ, то Господь отъиметъ Себя отъ нечестивцевъ. Онъ не дастъ имъ благъ обѣтованныхъ, и вмѣсто сладости бытія Своего, предастъ ихъ духовному гладу, который, не обрѣтая себѣ утоленія, станетъ пожирать собственную ихъ утробу, еюже возжелали они не быть Богу, почерпая въ самомъ отчаяніи души оныя силы къ сугубому своему мученію. Нынѣ возбужденная плоть гладомъ пробуждаетъ душу на изысканіе пищи; и обрѣтъ оную, насыщается и успокоивается. Но тамо гладная душа безпрестанно будетъ возбуждать духа, который не обрѣтая себѣ пищи, возкрежещетъ скрежетомъ отчаянія, и станетъ всѣми своими силами угрызать ее, между тѣмъ какъ истаивающая душа самыми своими желаніями станетъ втягивать въ себя пламя геенны, и онымъ воспалять духъ на лютѣйшія противу себя

неистовленія. — Пищи не будетъ, но питія огненнаго чрезъ мѣру! — Духъ злобы учинится вѣчно пылающимъ озеромъ, и своимъ вихремъ объиметъ всю преисподнюю,

О! коль блаженны всѣ уповающіе на Господа. Кто же уповаетъ на Господа, какъ не тотъ, кто сохраняетъ законъ его, и гдѣ же его законъ, какъ не посреди его Церкви. Да умолкнетъ дерзновенная ересь, мнящая постигнуть оный мимо Церкви. Хранилище законовъ человѣческихъ посрамитъ и заградитъ уста нечестивыя. Когда Царь возбраняетъ излагать по своемыслію разумъ его закона, и не смотря на извѣстную ложь міра, избираетъ отъ среды онаго блюстителей законныя правды, имъ же ввѣряетъ судьбу и жребій подданныхъ своихъ: нечестивецъ ли станетъ посреди сыновъ церкви увѣрять, что каждый изъ нихъ воленъ разсуждать о словѣ Божіемъ по основанію своего разума? Что сего злоковарнѣе могъ бы придумать и самъ ветхій змій на разореніе слова животнаго въ душахъ человѣческихъ? О! не внимайте такой лести нечестія, и не давайте себѣ свободы инаковой на уразумѣніе истины, какъ по наставленію Церкви, посреди которой бьетъ оный животворный источникъ живота вѣчнаго. Туда ток-

мо приходите почерпать ваше спасеніе. Не ищите къ просвѣщенію вашему иныхъ душъ, кромѣ тѣхъ, кои для напоенія себя и другихъ, почерпаютъ вѣру изъ источника Церкви: сіи токмо души суть источники Израелевы. Не разумѣйте о свободѣ Христовой превратнымъ образомъ. Христіанская свобода не должна быть духовнымъ своенравіемъ, нижѐ беззаконіемъ, но первымъ и послѣднимъ опытомъ единаго смиренія, единыя кротости. *Возмите иго мое на себя*, говоритъ воплощенная Премудрость, смирившая себя до смерти, смерти же крестныя. Въ чемъ же состоять будетъ оное иго, когда каждый изъ насъ свергнетъ съ себя благое иго Христовой Церкви, уповая на разумъ свой въ истолкованіи словесъ Божіихъ, какъ будто смерть, не учинясь напередъ животомъ, можетъ уразумѣть словеса жизни; ибо душа человѣческая, доколѣ не отродится во Христѣ чрезъ Его Церковь, по истиннѣ есть смерть, и разумѣть Христа не можетъ. Правда, вамъ могутъ сказать, что крещеніе отрождаетъ насъ въ чадъ Христовыхъ и творитъ уже чадами свѣта, могущими о Духѣ Святѣ непосредственно изъ самаго Писанія почерпать истину, но кто же отрождаетъ въ купели спасенія, какъ не таже

Церковь? Не она ли есть матерь наша, исполненная Духа Благодати, вмѣщающая посреди себя Христа, и того распята, да тако явится всесовершенною?

Церковь для насъ толикоже необходима, какъ необходима мать для зачатія и дарованія бытія младенцу. Но какая мать восхощетъ даровать бытіе младенцу на такомъ условіи, чтобы онъ отрекся ее, укорилъ ее, покинулъ ее, утверждая, что она есть любодѣйца? Вы ужасаетесь отъ единаго примѣра, взятаго отъ плоти, колико же болѣе должно ужаснуть васъ то по отношенію любви къ Церкви, о коей нѣкоторые говорятъ, яко бы она примѣшалась языческаго нечестія, и прочія безумія, о коихъ ежели расказывать подробно, то это будетъ уязвлять сердце наше въ самое живое его чувство толикратно, колико востребовалося бы словъ на описаніе ихъ нечестія. Не на тоже и Церковь крещаетъ, дабы сыны ея въ послѣдствіи отреклися ее, яко матери, лишившейся своей непорочности. Іудеи созидали гробы въ память Пророковъ своихъ, отцами ихъ избіенныхъ, и тѣмъ свидѣтельствовали, яко сынове суть избившихъ пророки, исполняли мѣру отцевъ своихъ (*Мат.* 23). Ибо дѣти свидѣтель-

ствовали зижденіемъ гробовъ пророческихъ, что они почитаютъ тѣхъ за праведниковъ, которыхъ отцы ихъ учинились убійцами: *аще быхомъ были во дни отецъ нашихъ, не быхомъ убо общницы имъ были въ крови пророковъ*, а отцы ихъ свидѣтельствовали, что они суть ихъ порожденіе отъ сѣмени ехиднова, отъ духа злобы, не устающаго въ проліяніи крови праведничей: тако исполнилась мѣра отцевъ ихъ. Не такъ ли и нѣкоторые посреди Христіанъ обносятъ на языкѣ своемъ имя Христово, проповѣдуютъ Вѣру, пишутъ Христіанскія книги, между тѣмъ, какъ все то суть одни пустые гробы и покрашенные раки, никогда не вмѣщавшія въ себѣ ни тѣлесъ пророческихъ, ни праведническихъ, и между тѣмъ какъ творятъ сіе надъ одною памятію, угрожаютъ избіеніемъ слугъ Христовыхъ, и потребленіемъ самой Церкви, якоже Жидове, зиждя гробы Пророковъ, распяли Того, онемъ же пророки благовѣстили. О Содомъ, о Египетъ духовнѣ нарицаемый; о градъ исполненный смѣшенія христіанскаго прелюбодѣянія съ зміиною мудростію, подъ личиною лжемистики появляющеюся!

Не плѣняйтесь и вы духовною свободою, нынѣ въ нѣкоторыхъ мистическихъ

книжнахъ проповѣдуемою. Подражайте Христу, который въ томъ первѣе явилъ духъ свободы, что покорилъ себя закону. Духъ истинно Христовый не въ томъ заключается, чтобы какъ татю, какъ разбойнику вторгнуться въ Церковь, и подъ предлогомъ очищенія Вѣры низвратить таинства ея, уничтожить обряды, нарещи жертву жизни служеніемъ смерти, примѣнить Церковь капищу, Христіанство сравнять съ язычествомъ, обезславить память святыхъ угодниковъ, наругаться ихъ чествованію, отвергнуть лики ихъ, хотя они доселѣ молитвами своими ограждали насъ отъ всякаго вражескаго навѣта, и источали, яко миро благовонное, благодать Божію, да мы потечемъ любезно во слѣдъ изліяннаго чрезъ нихъ благоуханія добродѣтелей. Образъ истинной свободы есть кротость сердца, духа смиреніе, ими же Христіанинъ закалаетъ волю свою и приноситъ ее въ жертву Богу. Но будетъ ли сіе пожертвовать волею своею, чтобы изъ подъ словъ смиренія, какъ изъ среди прекрасныхъ цвѣтовъ, удобнѣе изсунуть жало на угрызеніе видимыя Церкви? То ли, чтобы завивъ себя въ покровъ благочестія, вѣрнѣе преслѣдовать тѣ души, въ коихъ еще теплѣетъ жизнь истиннаго бла-

гочестія? Нѣтъ, кто пожертвовалъ волею своею Богу, тотъ умеръ міру, и живетъ единому Богу, имѣя животъ свой въ Немъ сокровенъ со Христомъ (*Кол. III.* 3). Икакъ таковый вознепщуетъ что-либо на Церковь, которую самъ Господь изъ живыхъ тѣлесъ святыхъ своихъ угодниковъ созидалъ въ жилище святому Духу, въ коихъ дѣйствовалъ всею благодатію, влагая въ мысли ихъ, что нужно къ украшенію ея, каковыя мысли, по образу Пресвятыя Дѣвы, они слагая въ сердцахъ своихъ, износили потомъ на благолѣпное устроеніе Господня дома. О Іерусалимъ небесный, созданный изъ равно возлюбившихъ въ тебѣ святое и святыхъ, бывшихъ едино по духу. О Іерусалиме! не о тебѣ ли глаголашася преславная, какъ о градѣ Божіемъ (*Пс.* 86), гдѣ друзей Божіихъ владычествія зѣло утвердишася, и гдѣ ихъ такое множество, что какъ началъ считать ихъ блаженный Давидъ, то нашелъ, что они паче песка долженствовали умножиться отъ неоскудныя къ человѣкамъ любви Божіей: *изочту ихъ и паче песка умножатся* (*Пс.* 138. 18). Ахъ! не ошибся ли сей Божественный любитель Святыхъ, коему друзья Божіи *зѣло честни быша*, который не вѣдая хладнокровной и неразборчивой терпимости со-

вершенною ненавистію возненавидѣлъ зиждителей лукавнующія Церкви, не ошибся ли онъ въ положеніи толь необъятнаго числа праведниковъ во градѣ Божіемъ? Страшусь за него, дабы не былъ обличенъ тѣми лжехристами, кои въ тайнѣ строятъ особую свою крамольную Церковъ, изъ которой исключаютъ всѣхъ принадлежащихъ къ видимой Церкви, и въ коей число истинныхъ боголюбцевъ, по ихъ счисленію такъ мало, что подлинно, есть ли имъ повѣрить, надлежитъ признать будетъ, что Давидъ или весьма грубо ошибся, хотя мужу вдохновенному отъ духа Божія ошибаться не можно; или надобно думать, что онъ разумѣлъ именно о видимой православной Церкви; ибо подлинно, токмо въ ней и набрать возможно такое неимовѣрное число поклонниковъ. Но слово утѣшенія вопіетъ: *у человѣкъ сіе не возможно есть, у Бога же вся возможна* (*Матѳ. XIX.* 26). Однако могутъ ли сыны Церкви безпогрѣшительно примѣнить къ себѣ сказанное оное слово? Нѣтъ ничего грѣшнѣе предъ Богомъ, какъ своевольное приложеніе изрѣченій божественныхъ къ частнымъ видамъ человѣческимъ, какъ будто за сіе страшное злоупотребленіе не воздадутъ страшнаго на страшномъ судѣ отвѣта. Мы истинные сыны Право-

славія наипаче должны устрашаться сего. Истина пребываетъ во вѣки тѣмъ, чѣмъ есть, не смотря на то, что люди играютъ словами, выражающими образы ея дѣйствій; она посмѣвается ихъ безумію, видя, какъ они сплетая лживымъ своимъ духомъ словеса ея, увѣряютъ, что передаютъ самую сущность ея, между тѣмъ какъ то есть сущность токмо лжи, облеченной въ одежду истины: нѣтъ, *Слово Божіе*, по произволу нашего духа не превращается. И такъ можемъ ли мы, не нарушая правды Божіей, и не искажая по лукавству невѣрныя совѣсти, приложить сказанное Спасителемъ къ нашей Церкви? Естьли на то въ св. Писаніи свидѣтельства? Уже и Святый Предтеча вопіетъ за насъ: *порожденія ехиднова, не начинайте глаголати въ себѣ, Отца имамы Авраама: глаголю бо вамъ, яко можетъ Богъ отъ каменія сего воздвигнути чада Аврааму* (*Лук. III.* 7, 8). Что можетъ быть простѣе камня въ природѣ по отношенію жизни? А таковы суть всѣ язычники въ разсужденіи жизни отрожденной, хотя бы это былъ премудрѣйшій между ими, безъ жизни Христовой, онъ не животнѣе будетъ камня. Но лучше быть таковымъ каменіемъ, чѣмъ порожденіемъ ехиднинымъ, то есть, чѣмъ носить по плоти имя жизни,

имя Израиля, Христіанина; а духъ имѣть смерти, духъ діавола. Вотъ для чего и гласъ вопіющаго въ пустыни употребилъ сіе противоположеніе въ смыслѣ иносказательномъ, дабы показать, что Богу возможно обратить язычниковъ; но чтобы изъ демонскаго порожденія породить сыновъ благодати, сего единаго нижѐ Богу возможно, не преставши быть тѣмъ, чѣмъ Онъ есть. Истина сія есть самая сущность Божія, такъ что доколѣ Богъ есть Богъ, діаволъ долженъ пребыть діаволомъ. Сія правда есть толикой простоты, что удобовразумительна для всякаго; однако нѣкоторые отемненные Христіане, по наважденію духа соблазна, духа прелюбодѣйнича, хотятъ увѣрить насъ, что будетъ въ вѣчности и для демоновъ, какъ и для ихъ порожденія, точка соединенія богоненавистной сущности съ естествомъ Божіимъ, что придетъ и для нихъ то время, когда Богъ возлюбитъ въ нихъ то, что прежде возненавидѣлъ вѣчно непреложнымъ Божествомъ своимъ. Ужаснемся таковыя богоотступныя мысли; да не уловитъ насъ діаволъ собственными нашими чувствами, и да не обратитъ въ насъ оныхъ на защищеніе своего демонскаго противу Бога дѣ-

ла; не отдадимъ ему воли нашей въ орудіе брани противу Того, кто отложа свое величество, пришелъ положить жизнь свою на искупленіе души нашей, да сооживитъ ее своею жизнію, и возвратитъ ее Богу. Вы теперь понимаете, для чего Предтеча указалъ ехидниному порожденію на каменіе. Онъ учинилъ сіе для посрамленія ихъ лжесвятости, поелику замѣтно, что таковые лживаго духа порожденія исключительно и постоянно однимъ себѣ присвоиваютъ святолѣпіе, и стольже постоянно порываются всегда на уничтоженіе истинныя святости, что также постоянно изобличаетъ и то, какого они духа сами. Наконецъ, онъ учинилъ сіе еще для того, дабы чрезъ то изобразить и самое множество тѣхъ простыхъ душъ, которыхъ Богъ обѣщалъ изъ смертной сѣни язычества привести въ жизнь вѣчную единороднаго своего Сына, и уневѣстить ему оныя. Итакъ оное множество вѣрныхъ неоспоримо принадлежитъ Христіанамъ, да еще самопростѣйшимъ. Слѣдовательно Предтеча сказалъ не другое что, какъ сказанное уже Давидомъ. Оба же они повторили только то, что самъ Богъ обѣщалъ Аврааму, и многократно подтверждалъ какъ ему, такъ и его потомству. *И сотворю сѣмя твое*,

яко песокъ земный: аще кто можетъ исчести песокъ земный, то и сѣмя твое изочтетъ. (*Быт. XIII.* 16); и на многихъ мѣстахъ подобное же обѣтованіе, устрашая притомъ проклясть и кленущихъ таковое неизчислимое множество благословящихся о немъ племенъ земныхъ (*Тамъже XII*). И подлинно, кто, окромѣ нечестивца, дерзнетъ положить предѣлы любви и благости Божіей, кто заключитъ теперь двери милосердія и путь къ Сіону, кто опредѣлитъ число вѣрныхъ, и какъ исчести утробу благодати Божіей, еюже предопредѣлилъ осуществить добродѣтели свои въ душахъ сотворенныхъ, умножая оныя, яко свѣтлости небесныя?

Какъ же послѣ толь явныхъ свидѣтельствъ, безъ явнаго съ нашей стороны безумія, повѣримъ нѣкоторымъ *волкамъ лукавымъ*, какъ нарицаетъ таковыхъ Писаніе, что будтобы Церковь Христова не есть Церковь видимая. но есть нѣкая другая Церковь, которая, яко бы въ тайнѣ пребывая, сохранилась непорочною, нерастлѣнною, сущею невѣстою Христовою? Миліоны племенъ, какъ самая извѣстность дѣла показываетъ, чтутъ видимую Церковь, и признаютъ ее за истинную: слѣдовательно по мнѣнію тѣхъ лукавыхъ учителей, всѣ сіи

племена не принадлежатъ къ ихъ собору. Слѣдовательно, ежели мы исключимъ ихъ, то, за исключеніемъ таковыхъ, останется толь малое число для наполненія онаго собора, что уже и малое дитя возможетъ исчесть оное. Богъ же напротивъ обѣтовалъ себѣ вѣрныхъ толь великое множество, *яко песокъ морскій, иже не изочтется отъ множества* (*Быт. XXXII.* 12). Однако противу толико-то яснаго обѣтованія Божія о Церкви своей, нынѣ превозмогаетъ лжесловное мнѣніе нелѣпыхъ учителей, чрезъ которыхъ діаволъ изливаетъ отъ духа своего, и дѣйствуетъ во всякой льсти неправды; поелику они любви истины не пріяли и не восхотѣли спастися. *И сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, воеже вѣровати имъ лжи: да судъ пріимутъ вси невѣровавшіи истинѣ, но благоволившіи въ неправдѣ.* (2 *Сол. II.* 11). Изъ сихъ словъ очевидно оказывается, что придетъ время, въ которое повѣрятъ лжи, что будутъ учители лжи (ибо безъ сего какъ бы и Вѣра лжи утвердилася?), что сія Вѣра будетъ имѣть своихъ лже-священныхъ, что поклонники ея будутъ имѣть свой соборъ, свою Церковь, храмину свою, что они соблазнятъ многихъ, что они назовутъ своимъ Господомъ отца лжи, иже есть ді-

аволъ. Назовутъ по тому, какъ назовутъ и свое лжевѣріе истинною Вѣрою: ибо всякой, даже и малосмысленный видитъ и вѣдаетъ, что людей никогда не соблазняютъ прямо лжею, но всегда заимствуя отъ истины виды ея и понятія. Само собою доводится, что сей родъ лукавнующихъ письмя Вѣры усвоитъ себѣ въ личину для прикрытія своего нечестія, и потому же діавола нарекутъ своимъ Господомъ. Вотъ до какаго неимовѣрнаго умоизступленія доводитъ (*попущеніемъ*, *Рим. I.* 28) истинный Господь дерзающихъ пролагать путь себѣ мимо Церкви. *Суть путіе мнящіися прави быти мужу, обаче послѣдняя ихъ зрятъ во дно адово* (*Прит. XVI.* 25).

Но для чего распространяться съ вами толико о Церкви? Для того, что желаю не токмо углубить въ вашемъ сердцѣ убѣжденіе о безсмертіи, но вмѣстѣ показать истинную Церковь, которая одна даруетъ истинное безсмертіе, и мимо которой не пріидетъ человѣкъ къ Богу, какъ бы впрочемъ о безсмертіи своемъ увѣренъ ни былъ. Ибо иное жить по смерти, иное пріити къ Богу, къ источнику безсмертія своего. Иное утвердить себя, что душа не умираетъ, иное же быть въ истину увѣрену, что Господь не отринетъ отъ себя души

нашей. Первое увѣреніе принадлежитъ и язычнику, какъ свойственно поучать и діаволу, послѣднее же собственно принадлежитъ Церкви. Въ комъ же такое о себѣ увѣреніе существуетъ безъ Церкви, сей творитъ самъ себя праведникомъ и требуетъ части себѣ у Бога, яко по праву принадлежащаго емудостоянія; тоесть, онъ требуетъ, чтобы Богъ даровалъ ему Себя по тому только, что онъ увѣрилъ себя, что онъ-то есть сей праведникъ и другъ Божій. Дѣйствительно, отвергнувъ Церковь, человѣку останется сіе одно самонадежное о себѣ увѣреніе, сіе единственное упованіе на правду свою. Но когда такое самоувѣреніе и подлинно можетъ быть отъ свидѣтельства собственныя совѣсти, а не отъ свидѣтельства Церкви, то оно и безъ Христа происходить можетъ. Не есть-ли совѣсть присна всякому, а совѣсть у нѣкоторыхъ Мистиковъ (*) не тотъ

(*) Здѣсь сказано у нѣкоторыхъ, по тому, что лжемудрые Мистики не имѣютъ всѣмъ имъ общаго начала, но каждая сторона держится своего, какъ и своихъ учителей и защитниковъ. Общее у нихъ у всѣхъ то одно, чтобы разными путями идти къ одному концу, то есть, потрясти Церковь, и низвратить истинное Христіанство. На другихъ мѣстахъ сего

же ли Христосъ? Тогда истинный Христосъ не надобенъ: ибо средства къ праведности будутъ окрестъ насъ, близъ насъ, въ насъ самихъ, и имѣя присущую внутрь насъ совѣсть, мы уже смѣло можемъ засвидѣтельствовать сами о достоинствѣ нашемъ предъ Богомъ. На что тогда Христосъ, когда дѣло и безъ него обойтися можетъ? Въ этомъ-то и состоитъ вся развязка хитрой Мистики. Человѣкъ (*невозрожденный*) самъ себя видѣть въ совѣсти (*ясно*) не можетъ (*Мат. XIX.* 16 *и* 20), а повсечасные опыты увѣряютъ, какъ самые беззаконные люди могутъ почитать себя правыми. И давно ли гнуснѣйшіе по мерзости души своей философы, не токмо сами свидѣтельствовали о праведности своей совѣсти и нелицемѣрной любви къ истинѣ, но и другихъ оставили въ томъже о себѣ заблужденіи, хотя на каждой страницѣ книгъ своихъ они были сама себя обличающая ложь и неправда? Слѣдовательно и Мистику при всей своей духовной мерзости, стоитъ токмо увѣрить себя въ правотѣ своей и воззвать: *Боже сердца моего и часть*

сочиненія укажется на другой родъ Мистиковъ, всѣхъ опаснѣйшій и искуснѣйшій. Впрочемъ здѣсь еще не упомянуто о Сведенборгѣ и его послѣдователяхъ, опять особомъ родѣ лже-Христіанъ.

моя Боже во вѣкъ : но уже-ли съ сими словами Богъ содѣлается для него въ самой вещи Богомъ его сердца и частію его во вѣкъ? Что сего безстыдства срамнѣе, и что несмысленнѣе, какъ вѣрить таковымъ баснямъ?

О сколь съ свидѣтельствомъ Церкви иное. Не одна только совѣсть уже говоритъ каждому, но и совѣсти каждаго говоритъ Церковь, или паче духъ живущій въ ней. (*Рим. IX*). Мы тутъ повѣряемъ токмо совѣсть. Каждое слово, что до нея доходитъ изъ устъ Церкви, приноситъ къ ней вмѣстѣ и духа испытующаго, тотъ ли самый духъ и въ ней живетъ? Въ нашей совѣсти духъ духа испытуетъ. Вотъ почему духъ лукавый не терпитъ Церкви видимой, колющей его въ самое око. Но отнявъ Церковь, какъ произойдетъ таковыхъ духовъ узнаніе? Для того-то намъ и нужно напередъ увѣрить себя въ правдѣ и истинѣ Церкви: ибо чѣмъ слабѣе будетъ оное увѣреніе, тѣмъ скуднѣе будетъ вмѣщаться въ насъ и духъ Церкви, тѣмъ испытаніе послѣдуетъ невѣрнѣе, сбивчивѣе, лукавѣе: лукавство же напослѣдокъ и вовсе затворитъ сердце наше къ таковому увѣренію, утѣснитъ и погаситъ въ немъ духъ Божій, и разлучитъ насъ съ Церковію;

прежде во основаніи души потаенно, отъ самихъ насъ сокрыто; а потомъ, когда такое раздѣленіе обращается въ навыкъ и увѣреніе, мы пріемлемъ оное за истину, и въ семъ предубѣжденіи, возбуждаемся на Церковь болѣе или менѣе явно, смотря по благопріятствующимъ намъ обстоятельствамъ, и также нашимъ свойствамъ. Когда же подчиняемъ совѣсть словесамъ Церкви, тогда мы распространяемъ въ себѣ владычество Духа Божія, и даемъ ему основать внутри насъ царство небесное. И въ сей-то Церкви есть оный Евангельскій многоцѣнный бисеръ, ради обрѣтенія коего должно продать всѣ бисери души нашей, дабы стяжать себѣ одного его. Тогда не мы о себѣ сказываемъ, что святы и праведны предъ Богомъ, но Церковь, неусыпная въ бодрствованіи надъ очищеніемъ сердецъ нашихъ, утѣшая, что Богъ, за наше къ ней послушаніе, не оставитъ насъ сирыхъ, и что самую надежду нашу сотворитъ нашею добродѣтелію. Ибо надежда не можетъ быть безъ вѣры въ Того, на Негоже надѣются. Но прежде вѣра, а потомъ уже надежда. Чтобы пріобрѣсть надежду, надобно напередъ повѣрить; но кому же повѣримъ безъ Церкви? Дабы повѣрить, надобно услышать; дабы услышать,

надобно, чтобы кто сказалъ: кто же скажетъ, какъ не Церковь? *Тѣмже убо Вѣра отъ слуха* (*Рим.* X. 17). Слухъ же бываетъ или непосредственно отъ Бога, или чрезъ преданіе: но надобно, чтобы преданіе сливалось въ глаголѣ Божіемъ, отъ коего начально и слухъ изшелъ во всѣ концы вселенныя, изшелъ не чрезъ Писаніе просто, но чрезъ избранныя имъ уста, содѣланныя чрезъ очищеніе достойными къ возвѣщенію Слова Божія. Ни Пророкъ, ни Апостолъ не потерпѣлъ бы, чтобы слушающіе инако понимали его слово, какъ онъ самъ, и какъ оно предано ему было непосредственно отъ Духа, глаголавшаго въ немъ: но таковый духъ, сокрывающійся въ Писаніи, сохраняетъ православная Церковь, и бдитъ, чтобы продолжающійся духъ вѣрныхъ былъ единаго духа съ тѣмъ, иже изшелъ отъ самаго Бога на Апостоловъ, безъ чего не могла бы стоять и Вѣра. Слѣдственно изшедшій въ Божіи глаголы Духъ Божій, непресѣчно долженъ продолжаться чрезъ всѣ времена Церкви. Но такая Церковь есть не другое что, какъ люди, удостоенные и избранные для сохраненія вѣры и духа Божія на земли. И вотъ наша Церковь видимая, богоуневѣщенная, святая, избранная. Тогда уже не совѣсть, но Богъ о Себѣ

свидѣтельствуетъ въ ней, что Онъ есть Богъ сердца нашего и часть наша во вѣкъ. Въ кого вѣримъ, на того и надѣемся; но льзя ли надѣяться и не любить? Вѣровать и надѣяться есть уже знать, а кого знаютъ, того или любятъ или ненавидятъ: но таковъ ли Богъ нашъ, чтобы ненавидѣть Его? Онъ есть самосущая сладость. Потому-то и Христіанинъ есть весь любовь, весь горитъ ею, исчезаетъ въ ней. И Апостолъ поставляетъ любовь надъ вѣрою и надеждою (1 *Кор. XIII.* 15), не по тому, чтобы оныя уже отложить, яко ненужныя, но поелику любовь одушевляетъ ихъ въ себѣ; она въ нихъ, и онѣ въ ней. Любовь безъ вѣры и надежды быть не можетъ, нижѐ можетъ слить ихъ въ себѣ до такой ужѐ непримѣтности, что какъ бы онѣ для нея и не существовали. Это значило бы выколоть у нея глаза: ибо вѣра и надежда суть глаза любви, коими она видитъ Того, Егоже любитъ. Хотя человѣкъ болѣе чѣмъ глаза, однако безъ глазъ онъ есть слѣпецъ; и хотя носитъ оныя почти не ощущая, что они есть у него, однако безъ нихъ быть не похочетъ. Всякое мистическое сліяніе образовъ и видовъ добродѣтелей духовныхъ есть не добраго духа изобрѣтеніе: хотятъ

остановить нашевниманіе на какой-тобезобразной свѣтлости, но это будетъ свѣтлое ничто, чѣмъ точно и есть Божество у лжемудрыхъ мистиковъ. Это сліянная изъ всѣхъ цвѣтовъ свѣтлость, не имѣющая ни имени, ни образа, ни вида. Повѣсь таковаго Мистика на воздухѣ такъ, чтобы онъ не зрѣлъ ни земли, ни предметовъ на ней, ни неба, ни свѣтилъ его, но чтобы взоръ его плавалъ въ одной свѣтлой пучинѣ дня, и это будетъ мистическое созерцаніе Бога, въ которомъ онъ видитъ все, не видя ничего, и въ которомъ видѣть что было бы у него обращеннымъ на себя самолюбіемъ. Такая хитрость демону нужна для того, дабы уловить оною тѣхъ, коихъ инако уловить было бы очень трудно: ибо они чтутъ Святыхъ, Церковь и прочія вещи въ Христіанствѣ: но чтутъ лукаво, такъ что естьли бы онъ восхотѣлъ ополчить ихъ къ примѣтному противу оныхъ вещей сопротивленію, то они по робости своей совѣсти могли бы возбудиться; ибо лукавая совѣсть робка: почему вѣдая сіе, онъ заходитъ къ нимъ съ противной стороны, и подъ видомъ мнимаго совершенства Вѣры, учитъ ихъ, всѣ ими неотвергаемыя вещи не уничтожать самихъ по себѣ, но сливать въ бездонной свѣтлости Боже-

ства такъ, чтобы онѣ для нихъ были во все непримѣтны. Иной говоритъ откровенно, я не признаю Святыхъ за Святыхъ, и сему подобное; онъ изыскиваетъ тогда средства къ оправданію себя предъ собою, и потомъ у него дѣло съ Богомъ есть вещь конченная; онъ увѣренъ, что правда его есть правда Божія, что Богъ инако взирать на эти вещи не можетъ, какъ и онъ. Но онаго рода люди страшатся быть такъ наглы, а чтобы увѣрить себя въ привязанности къ Церкви, то все признаютъ въ ней, только по своему, не какъ Церковь, научившаяся отъ Бога каждую звѣзду свою нарицать по имени ея (*Пс.* 146: *Исаіи* XL. 26). Они признаютъ словомъ, но не сердцемъ. Сердце кого любитъ, того и образъ въ себѣ печатствуетъ, нарицаетъ его по имени и не сливаетъ его какъ каплю съ моремъ, подъ предлогомъ, дабы видѣть одно море. Нѣтъ, такое отвращеніе мыслей отъ предметовъ и образовъ похвально точію по отношенію къ міру и всему тому, что слышишь и видишь въ немъ по неволѣ, и чего Христіанинъ ни видѣть, ни слышать не хотѣлъ бы. Почему чрезъ уклоненіе его воли отъ вниманія, всѣ сіи вещи хотя сами по себѣ продолжаютъ существовать, но для него онѣ аки

бы не существовали въ сліянномъ видовъ ихъ уничтоженіи: тогда онъ видя не видитъ, и слыша, не слышитъ. А оные Мистики поступаютъ такъ по отношенію Бога, Вѣры, Церкви, Святыхъ, за каковое лицемѣріе и Писаніе обличаетъ таковыхъ, поставляя то на равнѣ съ ожесточеніемъ людей невѣрныхъ, иже имѣюще очи, не видятъ, и уши не слышатъ (*Іер. V.* 21); или паче не хотятъ ни видѣть, ни слышать, да нѣкогда узрятъ и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся и Господь исцѣлитъ ихъ (*Матѳ. XIII.* 15). Потому-то Спаситель ублажаетъ вѣрныхъ своихъ: *Ваша же блаженна очеса, яко видятъ: и уши ваши, яко слышатъ.* Діаволъ учинилъ уже подобную хитрость съ понятіями просто человѣческими въ сердцахъ Философовъ истекшаго вѣка: онъ слилъ у нихъ всѣ добродѣтели въ свѣтлое ничто, и между тѣмъ, какъ не было такой языческой добродѣтели, которую бы они не пронесли до небесъ, они сами являли на себѣ образъ тѣхъ судорожныхъ движеній, которыя вскорости потомъ Европа осуществила въ себѣ повсемѣстными потрясеніями. Тогда-то въ первый разъ съ изумленіемъ увидѣли сіе дивное зрѣлище, что когда добродѣтели были въ устахъ каждаго, каждый признавалъ ее

быть въ себѣ, но не въ другомъ, и заимствовалъ оттуда вину къ помраченію въ ближнемъ всякаго достоинства. Всѣ были добродѣтельны; но взаимнымъ другъ противу друга неистовствомъ ясно говорили, что добродѣтели у нихъ были однѣ свѣтлыя слова, между тѣмъ какъ духъ злобы свирѣпствовалъ въ сердцахъ ихъ. Страшусь, чтобы еще горшаго чего нибудь не воспослѣдовало съ безъименною свѣтлостію лжемудраго мистическаго Христіанства, и когда небо обносится на языкѣ, адъ не изрыгнулъ бы себя изъ сердецъ ихъ.

Имѣя вѣру, вѣрятъ не токмо бытію Божію, но и въ Него, а сіе вѣрованіе не можетъ быть безъ надежды. Вѣровать въ Бога безъ надежды, не будетъ болѣе вѣровать въ Него. Вѣровать и не имѣть надежды, есть состояніе осужденія. Не льзя не вѣровать Богу, поелику онъ есть. Бѣсы признаютъ его и вѣрятъ, но въ Него не вѣруютъ; поелику лишены всякой надежды. Что же касается до отрицанія нѣкоторыхъ человѣковъ, то они собственно не отрицаютъ Бога; но не хотятъ на сей мысли остановить своего разума, дабы въ Божественномъ зерцалѣ совѣстисвоей не видѣть своего лица и не оцѣпенѣть отъ ужаса, усмотря въ немъ себя тѣмъ, чѣмъ каждый изъ нихъ

есть въ самой вещи. То самое, чѣмъ они мнятъ отрицать Бога, есть и для нихъ доказательствомъ бытія Его. Страхъ, уклоняющій ихъ отъ мысли повѣрить собственнымъ разумомъ истину своего отрицанія, есть оное доказательство: страхъ есть обыкновенный сопутникъ преступленія и вмѣстѣ обличитель его: это тѣнь нигдѣ и никогда его непокидающая, доколѣ свѣтъ Вѣры не облистаетъ его сердца. Всѣ страхи до Божественнаго усыновленія суть болѣе или менѣе признаки нашего беззаконія; то суть тѣни, по коимъ разсуждать можно, на колико солнце правды взошло надъ нами. Невѣріе есть тма нощи. Невѣрный, какъ тать, боится свѣта, дабы не вскрылась мерзость дѣлъ его: но самою боязнію своею обличаетъ себя, свидѣтельствуя, что онъ не *ничего* боится, но Того, Кто есть и не быть не можетъ. Итакъ, нѣтъ въ сущности (*въ собственномъ разумѣ*) безбожника, развѣ опредѣлимъ слово сіе по иному смыслу, сообразнѣе съ самою вещію: то есть, что подъ безбожникомъ станемъ разумѣть не того, кто отрицаетъ Бога, но въ комъ нѣтъ Бога, вотъ это другое дѣло. Нѣтъ и не бывало еще такого безбожника, который согласился бы на бытіе Божіе, и вмѣстѣ на то, что въ немъ токмо нѣтъ Бо-

га, поелику не было еще такого беззаконника, который бы восхотѣлъ наречь себя извергомъ посреди человѣковъ и ужасомъ природы. Но выше мы видѣли, что отрицаніе безбожника не есть самая вещь по отношенію бытія Божія, но токмо необращеніе на сію вещь разума, что и будетъ безуміе, то есть, неприложеніе ума на разсмотрѣніе вещи. Вотъ почему и Богъ нарицаетъ таковыхъ, по отношенію къ нимъ самимъ, ума неимѣющими, или безумными. Тоже бываетъ касательно всѣхъ вещей, въ которыхъ не упражняютъ своего разума. Величайшій мудрецъ будетъ совершенный невѣжа въ той вещи, на которую никогда необращаетъ своего вниманія. Но онъ по тому почитается мудрецемъ, что благороднѣйшую науку предпочелъ всѣмъ другимъ; а безбожникъ по тому безумецъ, что превосходнѣйшую науку оставляетъ какъ недостойную его занятія. Разность токмо та, что мудрецъ оставилъ другія науки поихъ ничтожеству, а безбожникъ отвращается отъ Боговѣдѣнія страха ради, дабы съ оною наукою не увидѣть мерзости своей, и не быть принуждену разстаться съ грѣхомъ, коего сладость толико возжделѣнна для него. Отсюда усматриваемъ, что безумцы могутъ быть, но не безбожники. Франція покусилась бы-

ло безуміе осуществить подлиннымъ безбожіемъ: но не многіе дни увѣрили ее, что Государство, не смотря на число безумцевъ, можетъ еще кое-какъ держаться: но уже съ безбожниками никакъ, и по тому поспѣшила признать, что есть Богъ. Но сего не довольно. Народы Христіанскіе не могутъ болѣе сохранять себя, какъ чрезъ исповѣданіе Пресвятыя Троицы. Какъ скоро свѣтъ Христовъ облисталъ народы, съ того времени онъ содѣлался союзомъ ихъ жизни; разорять имя его въ людяхъ не есть отрицать уже его, но погружать народы еще въ глубочайшую противу прежней тму, и вмѣсто сѣни смертной, посреди коей язычники не безъ какой-то пребывали надежды, возгнетать пылающіе мраки ада, гдѣ отчаяніе есть вѣчнымъ жребіемъ нераскаянныхъ грѣшниковъ.

Итакъ, безумецъ вѣритъ Богу, хотя и отрицаетъ Его, но въ Него только не вѣруетъ, поелику не имѣетъ на Него надежды. Не имѣетъже по тому, что чувствуетъ свое преступленіе, и знаетъ, что, доколѣ упорно пребывать въ ономъ будетъ, имѣть сей надежды не можетъ; чѣмъ и доказываетъ, съ одной стороны правду Божію, а съ другой обличеніе своего нечестія. Кто же вѣруетъ въ Бога? точію

надѣющійся на Него. Кто же надѣется, тотъ этимъ надѣяніемъ уже свидѣтельствуетъ, что онъ надѣется на милосердіе, на благость, надѣется получить то, чего не заслужилъ, что утратилъ онъ, и о возвращеніи себѣ чего воздыхаетъ. Ибо чего бы созданіе у Бога могло просить лучше, какъ не Бога? Но кто можетъ просить себѣ Бога у Бога? Богъ не могъ создать разумной твари на другой конецъ, какъ поставляя Себя началомъ и концемъ ея блаженства. Когда же человѣкъ лишенъ Бога, то ясно, не безъ какой либо вины съ своей стороны; вина сія есть преслушаніе или преступленіе, а то и другое слово означаетъ нарушеніе даннаго закона, что собственно и составляетъ грѣхъ и беззаконіе. Слѣдовательно надежда Христіанина есть возвращеніе ему Бога, возсоединеніе его съ Богомъ. Законъ оный былъ глаголъ Божій, поелику безъ глагола Божія и закона быть не могло; глаголъ Божій не могъ изнесенъ быть безъ духа Божія: слѣдственно, законъ оный, исполненный духа Божія, былъ и закономъ жизни. Но поелику дается законъ не безъ благаго намѣренія, еже есть совершеніе добра; слѣдовательно бытіе закона въ раи, съ одной стороны являло любовь Божію, съ другой нѣкоторымъ

образомъ свидѣтельствовало о бытіи зла, которое человѣку могло быть неизвѣстно, но отъ котораго Богъ желалъ предохранить человѣка. А какъ непристойно думать, чтобы тамъ нуженъ былъ законъ противу зла, гдѣ зло было бы самовидно и являлось во всей своей наготѣ: то весьма справедливо предполагать, что оное зло долженствовало имѣть прелестнѣйшую наружность самаго добра, коего наружность была бы свѣтла, прекрасна, а внутренность темна и безобразна. И естьли бы сіе пригожее зло могло оставаться безъ всякаго на человѣка существеннаго дѣйствія, то и тогда законъ Божій былъ бы излишнимъ дѣломъ, какъ всякой можетъ это видѣть. Слѣдовательно, покориться власти онаго дѣйствія какъ разъ и было то, что закономъ Божіимъ воспрещалося. Учинивъ же сіе, онъ нарушилъ, преступилъ законъ жизни, уничижилъ Слово Божіе, но съ тѣмъ купно отнялъ у себя и духа Божія (*). Се-

(*) Богъ глаголалъ; глаголъ Его былъ законъ, и, какъ сказано, былъ законъ жизни. Законъ жизни воспрещалъ всякое вкушеніе отъ заповѣданнаго древа. Но Ева услышала иной глаголъ съ того древа, преклонявшій ее ко вкушенію, въ противность глаголу жизни, глаголу Божію. Слѣдовательно оный глаголъ былъ

го-то возвращенія нынѣ онъ надѣется, чаетъ жизни и духа Божія. Но толь великій даръ можетъ ли ему возвращенъ быть безъ помилованія его, суща въ преступленіи? Это было бы противно Божіей правдѣ. Кто же въ состояніи помиловать его, какъ не тотъ, кто можетъ отпущать ему

чуждаго духа, и чуждъ былъ жизни; итакъ, то былъ глаголъ смерти, глаголъ врага Божія и завистника человѣческаго блаженства! Ева воспринявъ его дыханіе, сообщила и Адаму, итако въ міръ сей вниде смерть завистію діавольскою. (*Прем. Сол. II.* 24). Міръ сей покорился діаволу. Какимъ же образомъ, природа, міръ сей составляющая, можетъ быть откровеннымъ Словомъ Божіимъ? Нѣтъ: Слово Божіе дается на то, да въ немъ, а не въ природѣ, учатся познанію Бога. Одно изъ двухъ, или природа для сего не нужна, или слово Божіе, такъ какъ мы Христіане сіе понимаемъ. Учащійся въ открованіи пойдетъ ли еще усовершать свое познаніе о Богѣ въ природѣ? Ибо, или Слово откровенное выше природы, или природа выше откровенія. Слѣдовательно, или отъ Слова Божія не для чего возвращаться къ природѣ, или отъ природы не за чѣмъ идти къ Слову Божію. Естьли бы и Адамъ держался сего правила съ Евою, не пали бы и они. Кого оставалось имъ слушать послѣ Бога? Но едва учинили сіе и послушали инаго глаголющаго, то и Богъ отъ нихъ отнялъ Себя. Одно изъ двухъ. (*2 Кор. VI.* 14. XX. 17.)

и его прегрѣшенія? Но отпустить людямъ ихъ грѣхи, токмо одинъ Богъ можетъ. Положимъ, что и могла бы такова быть благая воля Божія къ человѣкамъ, да какъ бы про ту волю человѣкъ увѣдать могъ? Кто снесъ бы ему оную съ неба? Ангелъ ли? Но естьли это дѣло къ единому только человѣку, и естьли это дѣло простое прощеніе, а не принесеніе всему роду человѣческому спасенія съ возвращеніемъ ему паки жизни и духа Божія? Ужѐ ни слова о самомъ преступленіи, которое не можетъ остаться безнаказанно; наказаніе же его должно быть соразмѣрно величеству Бога, то есть, безконечно. А такое наказаніе не могло быть снято однимъ хотѣніемъ Божіимъ, но надлежало понести казнь за преступленіе. Совершить оную надъ самимъ человѣкомъ было бы потребить весь родъ его отъ лица вселенной; но сіе хотя бы и было наказать человѣка, но не удовлетворить оскорбленной Божіей правдѣ. Пусть бы рода человѣческаго и не стало, но оскорбленіе Божія лица не менѣе того оставалось бы. Самое уничтоженіе онаго, толь незначущее предъ тѣмъ оскорбленіемъ, было бы токмо слабою местію, покрывающею паче студомъ Мстителя-Бога, который таковымъ ничтожнымъ удовлетворе-

ніемъ измѣрилъ бы безконечность своего оскорбленія, и тѣмъ бы показалъ свою малость: ибо мѣра наказанія, есть вкупѣ и мѣрою оскорбленія, и есть цѣною, въ какую оцѣняетъ себя оскорбленный. Чтожъ касается до Бога, то надлежитъ, дабы заплата за оскорбленіе величія равнялась безконечности Существа Его: осудить же человѣка на вѣчную муку, не было бы помиловать его. Кто же могъ разрушить средостѣніе, препятствовавшее возсоединенію человѣка съ Богомъ, какъ не Самъ Богъ въ Словѣ своемъ, на Негоже люди уповать бы имѣли? Такъ говоритъ разумъ, почерпаемый изъ сущности дѣла, такъ свидѣтельствуетъ и пророчество, такъ утверждаетъ и Апостольство: *Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя себѣ, не вмѣняя имъ согрѣшеній ихъ, и положивъ въ насъ слово примиренія* (2. *Кор. V*. 19) (*). Надлежало,

---

(*) Преступленіе само за себя платить не можетъ, ибо оно есть преступленіе; кольми паче платить Богу. Въ законѣ Іудеевъ око за око и зубъ за зубъ. Въ этомъ замыкалась тайна Моисеева повелѣнія, которой Философы, скуднымъ умомъ не объемля, насмѣхались. Но въ законѣ благодати судъ предоставляется единому Богу, да въ терпѣніи стяжаваютъ

чтобы невинный понесъ казнь за виновнаго, и чтобы невинность его соравнялась

души своя; всякъ обязуется платить долгъ свой во свидѣтельство своего смиренія, сущность коего состоитъ въ исповѣданіи нашего недостоинства, и что нѣтъ въ семъ мірѣ толь уничиженнаго оскорбленія, коего бы каждый изъ насъ не заслужилъ преизлиха. Почему молчаніе и терпѣніе суть главныя свойства смиренія. Ибо Христосъ заплатилъ вообще за родъ человѣческій, но каждый изъ насъ порознь одолжается подражать Ему, яко образу своему, и несть крестъ свой. Образъ и правило всегда въ своемъ цѣломъ представляютъ то, что нужно для подраженія въ частности. Христіане платятъ нынѣ за себя въ Христѣ. Онъ далъ намъ оный образъ и правило, да каждый изъ насъ подраженіемъ кротости его души и смиренію духа, аки двумя руками, вынимаетъ для себя изъ общей сокровищницы искупленія Его цѣну искупа своего, и да оною, усвоивъ себѣ Христовы заслуги, заплатитъ за себя Отцу Его Небесному. Кто же отвергаетъ сіе, сей представъ предъ судъ Господень, яко безсрамный нищій, узритъ единый гнѣвъ, а не милосердіе Того, Кого въ семъ вѣкѣ онъ оскорблялъ отверженіемъ. Но что учинилъ Спаситель по отношенію всего рода человѣческаго, каждый одолжается творить то по отношенію къ себѣ, не яко что можетъ творити о себѣ, но поелику на семъ условіи подается ему благодать, да сила ея совершится въ его немощи. Тогда тотже Христосъ будетъ возмогать въ насъ, и намъ усвоивать свои страданія.

оскорбленной правдѣ Божіей, то есть, чтобы таковый былъ столько же невиненъ, колико Самъ Богъ праведенъ: кратко, чтобы во всемъ былъ равенъ Богу, кромѣ вины бытія своего: чтобы это былъ Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ, и чтобы сей Христосъ былъ по насъ клятва и жертва, троичною любовію закланная во всесожженіе, которую Отецъ обонялъ бы съ услажденіемъ, яко воню жертвы любви сыновнія, за спасеніе рода человѣческаго принесенныя, въ волѣ котораго видѣлъ бы Онъ свою волю и волю тѣхъ, за нихъ же Сынъ святилъ себя, *да и тіи будутъ священи во истинну* (*Іоан. XVII.* 19). Въ семъ распеншемся за наши грѣхи волею сынѣ Божіемъ, яко въ источникѣ живота вѣчнаго, Христіанинъ почерпаетъ живую свою надежду, что есть тоже, какъ бы почерпалъ оную въ лонѣ Самаго Бога. Но чтобы надежда сія была таковою, надлежитъ, дабы и вѣра таковая же ей предшествовала, вѣра во Іисуса Христа, за насъ распятаго. Кто же пріиметъ въ себя таковую вѣру и надежду, не понимаю, какъ сей не возгорится любовію всего своего сердца къ Тому, Кто насъ, сущихъ во грѣсѣхъ, толико возлюбилъ, что не пощадилъ и единороднаго Сына Своего, и за насъ Его предалъ; какъ не возлюбитъ всею

своею утробою Того, Кто согласился быть по насъ клятвою, да насъ Своею крестною смертію изъ подъ законныя клятвы искупитъ и примиритъ Богу, омывая кровію Своею наша беззаконія; какъ не возпламенитъ духа всего своего любовію и къ Тому, Имъ же себе принесъ непорочна Богу Христосъ въ совершеніе нашего спасенія (*Евр. IX.* 14)? Отецъ восхотѣлъ, Сынъ соблаговолилъ, Духъ Святый совершилъ, и человѣкъ спасенъ и помилованъ. Вотъ источникъ трехъ главныхъ Христіанскихъ добродѣтелей, Вѣры, Надежды и Любви, коими пріобрѣтается блаженное наше безсмертіе. Богъ приводитъ насъ Вѣрою къ нашей единственной надеждѣ, Христу; тогда Христосъ даетъ намъ духа, иже вразумляетъ насъ о любви ко Христу, да любовь учится у любви, како мы должны распинать со Христомъ земную нашу волю, которая, доколѣ таковою пребудетъ, не возможетъ возлюбить Бога по достоинству, возлюбить въ Духѣ и Истинѣ.

Такъ, то одно истина, чему учитъ истинная Церковь, съ которою всѣ Апостолы вопіютъ въ слухъ концевъ земныхъ: *Аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ* (*Гал. I.* 8. 9.) Церковь вмѣ-

щаетъ въ себѣ единаго Бога. Она есть обитель духа Божія, всякой чуждый ему духъ бдительно отъ себя отрѣвающая. Напримѣръ, нѣкоторые въ противность Церкви мыслятъ, что и для діаволовъ можетъ быть спасеніе въ вѣчности: естьли бы могло возпослѣдовать такое для нихъ въ вѣчности спасеніе, то какъ бы продолженіе приводимаго ими очистительнаго искушенія велико ни было, согласимся, что всѣ вмѣстѣ таковыя испытанія не болѣе предъ вѣчностью оскорбленной правды Божіей явились бы, какъ точкою. Согласимся, что преступленіе человѣка безъ всякаго сравненія есть менѣе преступленія Ангела отступника: но когда и оно не могло быть отъ него отнято иначе, какъ съ принесеніемъ на жертву праведному гнѣву Божію единороднаго Его Сына, и быть омыто какъ токмо проліянною Его кровію: то что послѣ этаго скажемъ о изглажденіи вины демонскія? Или признаемъ съ нѣкоторыми бѣснующимися, якобы человѣкъ былъ орудіемъ и средствомъ для того предъизбраннымъ, да и злые духи, читая въ душѣ его Христово благовѣстіе, возмогутъ оттуда заимствовать вину своего спасенія? Но гдѣ обрѣтается такая чудовищная мысль во всемъ Писаніи, когда оноже отъ первыхъ своихъ

страницъ до послѣднихъ, есть одна труба, оглашающая искупленіе человѣческое во всѣхъ его образахъ, видахъ, дѣйствіяхъ, съ такою точностію, что ни малѣйшая подробность не пренебрежена, не забыта? Тѣмъ же и учитель языковъ преизлиха вопіетъ, *и нынѣ паки глаголю, аще кто вамъ благовѣститъ паче еже пріясте, анаѳема да будетъ.* Что! для человѣка явилась быть необходимою жертва, содѣлавшаяся во Христѣ толико же безконечною, какъ Самъ Онъ есть въ Богѣ; а діаволъ, коего преступленіе есть соотвѣчающее вѣчности Бога въ Троицѣ, а діаволъ, говорю, избудетъ отъ онаго понесеніемъ мгновенныхъ, такъ сказать, мученій, коихъ самое пламя, яко предуготовляющее имъ вѣчность нескончаемаго за тѣмъ блаженства, будетъ уже прохладною росою, источаемою на нихъ небесно утѣшительною надеждою, которая посреди ада учинится для нихъ какъ бы древомъ жизни, въ которомъ возмогутъ облобызать клятвенными своими устами самую святость. Любовь діавола, и посреди ада!.. Обезумія человѣческаго! Но мы видѣли выше, что надѣяніе, въ коемъ видится несомнѣнное увѣреніе нашего избавленія, есть живая надежда, не инако какъ самымъ Христовымъ сердцемъ источаемая; есть сущность (*уче-*

нія) Христова; есть общеніе Христу; есть возрожденіе такой любви, каковой ниже Ангелы имѣть могутъ, которой они могли бы позавидовать; и позавидовали бы естьли бы токмо могли купить оную мученіями той мгновенной вѣчности, на каковую нечестивое ученіе заблудшихъ разумомъ осуждаетъ отпадшихъ: они бы умногократили еще сіе испытаніе, естьли бы токмо могли чрезъ оное усвоить себѣ любовь Святыхъ: ибо она есть толико же неоцѣненна и пресладостна, какъ и Самъ Христосъ, источившій оную чрезъ Духа Святаго изъ сердца своего въ сердца человѣческія. И вотъ преступленіе со всѣмъ особеннаго рода, преступленіе безъ преступленія, съ одной стороны демонски оскорбляющее величіе Божіе, съ другой какъ пылающее безконечною любовію еще паче возлюбить Христа. Ибо кто не восхотѣлъ бы тогда (*наслаждясь на земмѣ страстями*) продать всѣ многоцѣнные бисери свои, да идетъ и купитъ единый таковый бисеръ. Тогда бы адъ содѣлался передатель мъ такого бисера; тогда самое преступленіе, достойное геенны, учинилось бы райскимъ путемъ къ достиженію верховнаго блаженства; и что для того, дабы стать другомъ Божіимъ, надлежало бы напередъ объявить себя вра-

гомъ Его, и потоптать Его величіе, дабы вкусить всю онаго сладость. О, демонскаго наважденія! Что! не уже-ли превосходство вѣры, и изящество человѣка въ томъ наипаче должны заключаться, дабы не столько быть чувствительну къ оскорбленію величія и благости Бога, колико къ достойноправедной казни діавола? Въ томъ-ли, чтобы изъ сожалѣнія къ діаволу укорить Бога, когда дѣйствительно діаволъ осужденъ на вѣчность мукъ? Не будетъ ли это брать сторону діавола противу Бога? Не о такихъ ли разумѣлъ и Спаситель, когда сказалъ: *Вы отца вашего діавола есте и похоти отца вашего хощете творити.* Нѣтъ, оный то непреложный чрезъ всю нескончаемость вѣчности Судъ Божій надъ сатаною и аггелами его, и есть то, что долженствуетъ служить неугасаемымъ свидѣтельствомъ неизмѣнности праведнаго Его гнѣва на преступающихъ и уничижающихъ Его повелѣнія. Что же будетъ оное блаженство всеобщаго Царства Божія, о которомъ ходатаи злыхъ духовъ мечтаютъ себѣ, яко въ ономъ долженствуютъ нѣкогда соединиться и тѣ, кои никогда не оскорбили Бога, и тѣ, за коихъ Сынъ Божій святилъ себя на крестѣ, и наконецъ тѣ, кои отпали начально отъ Бога, какъ и тѣ,

кои попрали, презрѣли кровь завѣтную, и кои, можетъ быть, достойнѣе мукъ паче самаго діавола столько же, колико Святые будутъ превознесены предъ Ангелы? Что есть въ такомъ смѣшанномъ позорищѣ мнимаго повсемственнаго Царства Божія, плѣнительнѣе и достойнѣе благости и правды Божіей предъ тѣмъ, гдѣ Богъ, съ одной стороны видится вѣчно благъ и милосердъ, а съ другой вѣчно праведенъ и страшенъ? Во всемѣстномъ Царства Божіяго блаженствѣ, когда всѣ равно станутъ наслаждаться лицезрѣніемъ Божіимъ, когда бывшія испытательныя мученія минуютъ, аки бы и не были, какая будетъ разность между преступившими законъ Божій и наругавшимися Его Святынѣ, и тѣми, кои всегда пребыли благопокорными Его волѣ; между тѣми, кои любезно воспользовались предложеннымъ имъ средствомъ избавленія, и тѣми, кои распяли и поглумились еще страданіямъ Спасителя? Гдѣ правда Божія? Гдѣ неприкосновенность Святости Его? Ахъ, это ли Богъ, который и не столь важное перваго человѣка преступленіе измѣрилъ безконечностію величествія Своего, и не иначе могъ изгладить рукописаніе таковаго долга, какъ заплатою безконечныя жертвы сыновнія; тотъ ли Богъ, предъ кото-

рымъ тысяща лѣтъ, яко день единъ, забудетъ все посрамленіе нанесенное Его троичной безконечности, и до того учинится благъ на счетъ позора Сыновняго, что вмѣнитъ въ ничто и самое попраніе Его крови, и самое удареніе лица Его, творимое не руками уже ожесточеннаго Іудея, но Христіанина, Христіанина, вкусившаго силы грядущаго вѣка. (*) Ахъ, естьли изъ сихъ двухъ которому и можетъ быть пощада, то это первому, но уже послѣднему никакъ. Что сказали бы о Государѣ, который вмѣнилъ бы себѣ то въ благость, чтобы простить и принять въ милость свою на ряду съ вѣрнымъ рабомъ своимъ, того, кто умышленно и самымъ злостнымъ образомъ поругался бы лицу его? Но это человѣкъ. О! безумецъ, потому, что онъ человѣкъ, ты и разсуждай о безконечности между оскорбленіемъ его лица и лица Самаго Бога. Для чего Богъ одѣялъ и Царское лице въ такое

(*) Сочинитель разумѣетъ здѣсь о таковыхъ, которые въ такомъ ожесточенномъ ослѣпленіи невѣрія умираютъ: ибо доколѣ кто живетъ, имѣетъ полное дерзновеніе на милосердіе Божіе, всякой грѣхъ въ сей жизни побѣждающее. Богъ ожидаетъ единаго раскаянія отъ грѣшника, и отъемлетъ отъ него всякой предлогъ къ отчаянію.

величіе, какъ не для наученія насъ страху оскорблять всякаго рода величіе, тѣмъ вящше, величіе самаго Царя Царей. Народныя же лѣтописи глубоко и рѣзко напечатлѣли на дскахъ своихъ истину сію, что Цари ничѣмъ не причиняли толико бѣдъ народу, какъ забвеніемъ и уничиженіемъ должнаго въ лицѣ ихъ величія Божія. Ибо они уничижали съ тѣмъ вмѣстѣ власть и славу Божію. Времена таковыя постоянно видятся быть и временами послабленія Вѣры и нравовъ, что и поставляетъ всякое царство на краю гибели и паденія. А настоящія событія громогласно свидѣтельствуютъ, сколь дорого заплатили Государи за то, что въ этомъ дѣлѣ повѣрили болѣе зміямъ Философамъ, чѣмъ правдѣ Божіей. (*) И естьли оскорбленіе Царскаго величія не остается безъ казни, буде не отъ самаго Царя, то отъ Бога на всемъ народѣ; то что скажемъ объ оскорбленіи существеннаго образа Божія въ лицѣ Его Сына?

(*) Нынѣ змій сбросилъ съ себя кожицу, или личинку Философіи, и облекся въ мистическое Христіанство, почему и дѣйствіе яда его будетъ толико же опаснѣйшее, казнь Божія толико же ужаснѣйшая, колико Христіанство есть выше Философіи. Горестно слышать и читать съ какою недоброю ревностію

Но пускай бы (*злые*) ангелы и могли читать на широтѣ души человѣческой слово Евангелія, чтоже изъ того? Какое вывести оттуда заключеніе? Что мы назовемъ тогда въ душѣ человѣческой Евангеліемъ?

похваляются и у насъ сочиненія Дютуа и Сен-Мартена, изъ которыхъ перваго переведена на нашъ языкъ *Христіанская Философія*, и еще обѣщаютъ передать и его Philosophie Divine, а послѣдній извѣстенъ по переведенной его книжкѣ *о Заблужденіяхъ и Истинѣ*. Не не извѣстенъ мнѣ духъ настоящаго времени, почему очень знаю, какъ многіе вознегодуютъ за такой отзывъ мой о сихъ нынѣ лелѣемыхъ у насъ писателяхъ, но также знаю, что *повиноватися подобаетъ Богови паче нежели человѣкомъ* (*Дѣя.* 5. 29). Придутъ времена, прореченныя Іисусомъ, Апостолами и Пророками, когда Анти-Христъ возсядетъ на мѣстѣ святѣ, а вѣдь онъ сядетъ не безъ помощи людей, которые равно будутъ защищать его Царство и ученіе: вотъ и тогда избранные не почтутся ли за безумцевъ? Чувствуя лесть оныхъ Писателей, уже-ли должно мнѣ быть столько безстыдну, чтобы убоясь человѣковъ, забыть Судъ Божій, и измѣнить Церкви и Богу? И уже-ли я долженъ повѣрить ученикамъ, когда вижу, по благодати Божіей, заблужденія ихъ учителей? Да, правда, послѣ того, что ученики сіи изрыгнули уже на Церковь свою, быть отъ нихъ поношаему, есть утѣшеніе для вѣрнаго; имъ-же скажемъ: *и оправдися*

Письмя-ли это? Смерти-ли буква? Не должно-ли быть Евангеліе самою святостію, жизнію Христовою и духомъ Его? Какимъ же образомъ духъ злобы, зло осуществленное, возмогъ бы взирать на оное въ чело-

---

премудрость отъ чадъ своихъ всѣхъ. Объ оныхъ-то упомянутыхъ Писателяхъ не льзя уже сказать съ Апостоломъ: *Что убо, обаче всяцѣмъ образомъ, аще виною* (лицемѣріемъ), *аще истиною, Христосъ проповѣдаемъ есть: и о семъ радуюся, но и возрадуюся* (*Фил. I. 18*). Хотя выше сего и сказалъ Апостолъ, что они отъ рвенія Христа возвѣщаютъ *нечистѣ*, но сіе относится не къ поврежденію ученія Христова и церкви, но по разсужденію его лица, *мняще печаль нанести узамъ его.* Иначе бы Апостолъ не могъ радоваться. Напротивъ оные Писатели превращаютъ ученіе Христово и возвѣщаютъ оное *нечистѣ* по духу: ибо они совсѣмъ разумѣютъ не то подъ тѣми рѣченіями, заимственными изъ Библіи, что мы Христіане. У нихъ подъ тѣми словами совсѣмъ особенная духовность, чуждая Церкви и Христу. Они дѣлаютъ одно злоупотребленіе изъ Библіи, которое есть самое ужаснѣйшее изъ всѣхъ злоупотребленій. Поелику же они совсѣмъ противнаго духа, то во всѣхъ ихъ писаніяхъ болѣе или менѣе, прямо или косвенно, примѣчается нѣкая потаенная ненависть противу церкви и освященныхъ проповѣдателей Слова Божія, которая ненависть въ ихъ ученикахъ и того болѣе оказывается.

вѣкѣ безъ ужаса отъ собственнаго своего состоянія, взирать, можно сказать, на самое лице Божіе, и не вострепетать отъ онаго? Ибо въ комъ изъ человѣковъ Евангеліе есть тѣмъ, чѣмъ ему быть должно, тотъ уже есть одушевленный храмъ и обитель Самаго Бога; какимъ же образомъ встрѣтится тамо духъ злобы?

Человѣкъ теряетъ и губитъ въ себѣ Слово спасенія чрезъ многообразныя искушенія: но отъ кого уже искушаемы діаволы? Люди слишкомъ для нихъ слабы, а добрые Ангелы не искушаютъ ко злу. Человѣкъ приводится на искушеніе чрезъ діавола, діаволъ же отъ кого? Ибо хотя Апостолъ и пишетъ: *Кійждо же искушается отъ своея похоти влекомъ и прельщаемъ* (*Іак. I.* 14): но сіе не разоряетъ истины демонскаго на человѣка дѣйствія, и относится къ человѣку по тому, что онъ пріемля въ себя оное дѣйствіе волею своею, сопричащается чрезъ то воли діавольской, и творитъ похоть его, какъ и Спаситель свидѣтельствуетъ о томъ (*Іоан. VIII.* 44); почему и не имѣетъ вины къ своему обезвиненію, и есть самъ въ себѣ преступникъ по собственной своей волѣ. Влекомъ отъ своея похоти, онъ бываетъ прельщаемъ духомъ злобы (1. *Кор. VII.* 5), и тогда *таже*

похоть зачевши раждаетъ грѣхъ, грѣхъ же содѣянъ раждаетъ смерть: то есть, діаволъ возбуждаетъ въ человѣкѣ вожделѣніе, чрезъ которое, аки растворяетъ въ немъ душу, и сія зачевши съ нимъ, раждаетъ грѣхъ, а послѣдствіе грѣха, всегда есть смерть, то есть, отчужденіе отъ нея Бога, отнятіе отъ нея жизни его. Потому тотже Апостолъ остерегая насъ отъ прелести таковыхъ внушеній, и желая показать разность божественныхъ, свидѣтельствуетъ, что только то *даяніе благо, которое свыше есть, сходяй отъ отца свѣтовъ, у него же нѣсть премѣненія, или приложенія стѣнь*. Но естьли діаволъ ни отъ кого не искушаемъ, а самъ отъ себя, то онъ долженъ быть весь похоть, весь ложь, посему то и речено: *нѣсть истины въ немъ* (*Іоан. VIII.* 44). Какимъ же образомъ, будучи весь ложь и похоть, и не имѣя вовсе истины, возможетъ онъ любить истину въ человѣкѣ, и изъ оной, яко отъ источника животнаго, пить живую воду своего спасенія? Но тогда діаволъ не токмо бы не былъ, какъ говоритъ о немъ Спаситель, *человѣкоубійца искони*, но еще видя въ немъ единый путь и къ своему спасенію, онъ вмѣсто подстреканія его ко злу, употребилъ бы всѣ силы свои на отвращеніе его отъ зла. Что же бы

тогда оставалось дѣлать добрымъ Ангеламъ? И естьли нынѣ человѣкъ такъ сильно увлекается во слѣдъ зла, что Св. писаніе приписываетъ наважденію діавольскому: то какъ бы онъ возмогъ такъ сильно прилѣплятся къ оному, естьли бы діаволъ искалъ въ немъ своего спасенія? Или тогда человѣкъ былъ бы еще болѣе діаволомъ, чѣмъ самъ діаволъ? Вотъ какъ выводимыя разсужденія изъ началъ лжеученія постоянно приводятъ насъ къ познанію того, откуда оно: ибо прямо упираютъ насъ въ адъ и діавола, и съ ужасомъ заставляютъ правосовѣстнаго отступить вспять поспѣшно.

Наконецъ, ежели принять сіе, то вышло бы еще, что человѣку, на пріобрѣтеніе спасенія, дается время токмо краткой, и то неизвѣстно когда окончавающейся его жизни: а діаволу все продолженіе времени существованія его. И между тѣмъ, какъ человѣкъ отовсюду окруженъ сѣтьми прелестей сего міра, діаволъ, яко существо духовное, и отъ сего опасенія свободенъ. И выдетъ, что Сынъ Божій воплотился бы не столько для спасенія человѣческаго, колико. . . . . но перо выпадаетъ изъ рукъ отъ сердечной болѣзни, и далѣе писать не дерзаетъ. Дополнимъ токмо, что естьли

бы тоже средство оставалось и для человѣковъ по смерти ихъ: то бы дѣло искупленія не столько принадлежало къ сему міру, колико бы относилось къ духовному.

О да остережемся отдавать сродную человѣчеству жалость, яко орудіе, въ руки діаволу, къ превращенію Суда и правды Божіей, къ потемненію свѣта Вѣры, и къ поколебанію ученія Церкви!

О торжества Церкви и нашего веселія! О Марѳо, Марѳо печешися и молвиши о мнозѣ: едино же есть на потребу; Маріа же благую часть избра, яже не отъимется отъ нея. О превосходства восточныя Церкви, никогда инаго не желавшей, никогда иному не учившей дѣтей своихъ, *какъ сидѣть при ногу Іисусову, и слышать слово Его*, возбраняя всякую суетливость и молву *о мнозѣ службѣ* въ разсужденіи пытливыхъ разысканій Слова Господня, породившихъ на западѣ толико праздныхъ толковъ. Горе міру, когда тѣни разума, вмѣсто того, чтобы имъ ложиться отъ Востока къ Западу, станутъ обращаться къ Востоку, и тѣмъ предвѣщать склоненіе вѣры, и незамедленное наступленіе всемірной нощи. Нѣтъ ничего свѣтлѣе простоты, ни сладостнѣе разума; но колико оная простота спасительна, толико сладость послѣдняго опасна;

ибо возбуждаетъ къ изобрѣтенію многообразнѣйшихъ способовъ для наслажденія духа; а сіе-то и вредно, поелику всякое многообразіе уклоняетъ отъ начальной простоты: печешися и молвиши о мнозѣ: едино же есть на потребу. Между тѣмъ простота держится единаго своего пути, Христа, послѣдствуетъ Ему, и въ слышаніи Слова Его полагаетъ верхъ своего разума, да не како мало уклонится отъ него, и подастъ діаволу радованіе и надежду на отнятіе у нея Божественныя ея свѣтлости. Сидѣть при ногу Іисусову, вотъ сладости ея. Самое превосходнѣйшее сердце, каково было и Августиново, хотя конечно, будучи исполнено любви и страха къ Богу, Христу и Его Церкви, не дастъ заблудить разуму, и какъ бы шествіе сего многообразно ни было, оно проведетъ его надъ пропастями безопасно, и всѣ трудныя пути нагорнаго возхожденія одолѣетъ: но сердцу Августинову не сущу, свѣтлые пути разума его останутся приманкою для многихъ. Сіи-то не имѣя внутреннія чистоты его и потому имѣя око вѣры болѣе или менѣе потемненное, подобно худо зрячимъ, пойдутъ не столько по тѣмъ путямъ его, колико по тусклымъ отблескамъ оныхъ, и заходя въ непроходимыя дебри и пропасти пытли-

ваго разума, восхотятъ темную духовность свою выдать за свѣтъ Христовъ. Сіе-то есть причиною порожденія на Западѣ нѣкакого духовнаго языка, который съ такимъ хитрымъ искуствомъ умѣлъ соединить свѣтлость съ своею темнотою, что самые искуснѣйшіе у нихъ учители не усматривали лукавства духа злобы; и даже тѣ, кои ощущали въ себѣ нѣкакую къ тому противность, но обманутые свѣтлостію, въ обманъ вдавались. Отсюда породилось въ Западной Церкви толикое множество чудовищныхъ духовностей, и уродивыхъ толкованій на Священное Писаніе, исполненныхъ темныхъ свѣтлостей: напротивъ Восточная Церковь, какъ самый свѣтъ дневный, проста, въ которой до днесь ереси пребыли тѣмъ, чѣмъ имъ быть подобаетъ, то есть пятнами, между тѣмъ какъ на Западѣ онѣ одѣвали себя во всевозможныя прелести, и оными успѣвали ослѣплять самые тонкіе разумы. Разумъ въ нашей Церкви инако не являлся, какъ *луна подъ ногама ея*, между тѣмъ какъ она сама облечена въ солнце. Самый высочайшій разумъ есть токмо подножіе Церкви. Долгъ его не учить, но внимать ей.

Одинъ изъ усерднѣйшихъ, а потому и знаменитѣйшихъ поборниковъ по Церкви

своей на Западѣ, Боссюетъ, не могъ не вдаться въ обманъ по отношенію разсуждаемаго нами предмета. Но самый обманъ его есть почти невольное слѣдствіе духа разума, владычествующаго издавна въ Церкви его. Говоря о Златоустѣ и Августинѣ, онъ пишетъ о первомъ: „Сей „ученый Отецъ, по истиннѣ, не уступаетъ ни одному изъ нихъ, какъ здравымъ разумомъ, такъ и силою красноречія; но чтобы въ немъ было толикое „же основаніе и глубокомысліе, или такова же цѣлость во всемъ ученіи, гдѣ „бы все было связано, какъ сіе видится „быть у бл: Августина, который подлинно „какъ орелъ между всѣми учителями, то „со всѣмъ подобающимъ нашимъ уваженіемъ и удивленіемъ къ сему свѣтилу Греческія Церкви, признать сіе воспрещаетъ „истина.“ (*) Мы не станемъ касаться допреимущества сихъ великихъ Учителей: не наше дѣло судить о нихъ. Я чту и лобызаю память Святителя Церковію моею прославляемаго. Какъ сынъ не могу не любить одного паче другаго, но какъ Христіянинъ страшусь предварять судомъ человѣческимъ судъ Божій. Естьли же мы

(*) Defense de la tradition etc.

восхотимъ вникнуть въ ихъ учительство по отношенію пользы Христіанъ, то здѣсь потребенъ самый простый разумъ, дабы узнать, тотъ-ли вѣрнѣе поведетъ по прямой дорогѣ (ибо дорога одна), кто прямо по ней ведетъ насъ, не останавливаясь ни на какихъ предметахъ, какъ бы они прекрасны ни были; или тотъ, кто останавливая наше вниманіе на каждомъ, подводитъ къ оному, разливается въ красотахъ описанія его, и потомъ приводя паки на путь, продолжаетъ многократно дѣлать сіи устраненія. Слова нѣтъ, что кто велъ, тотъ зналъ путь единый, но позабылъ, что когда онъ оставитъ ученика своего, у сего память сохранитъ множество прекрасныхъ образовъ (идей), но зато ясность и простота пути затмятся, и самый путь перепутается въ его мысляхъ. Сей будетъ много знать, окромѣ простоты пути, котораго или уже не найдетъ, или станетъ посреди великихъ страховъ мало по малу наизнова отыскивать. Читая Августина мы порываемся съ нимъ умствовать. Разумъ его, черпая всю свою сладость изъ сердца, является сладокъ самъ о себѣ, и тѣмъ въ обманъ завлекаетъ. Напротивъ, читая Златоуста, или инаго учителя Восточныя Церкви, самая про-

стота ученія, первѣе всего, умерщвляетъ въ насъ киченіе разума, отъемлетъ у него всякое естественное безпокойство его. Никакая любовь къ вѣрѣ не вмѣняется намъ въ предлогъ къ умствованіямъ; всякое покушеніе отсѣкается, да первѣе научатся повиновенію и тому знанію, что никто самъ о себѣ ничего не знаетъ и знать не можетъ. А когда такъ, то остается единое на потребу, сидѣть при ногу Іисусову и слышать слово Его. Кто же сіе творитъ, тому-ли до разглагольствій. Наши Святители поражали нечестіе духовнымъ мечемъ слова Божія и служеніемъ своей ревности, не прибѣгая много къ красотамъ разума. Самъ Боссюетъ въ послѣдствіи ревностію вооружился противу опасныхъ поученій, порожденныхъ мистицизмомъ, и самъже онъ испыталъ на дѣлѣ, сколь трудно бороться съ свѣтлымъ, многоизгибистымъ зміемъ, не по тому, чтобы не довольно видны для него были его излучистыя хожденія, но что самые избранные сыны Церкви, обольщенные его свѣтлостями, пріобщаются его духу. Самъ Боссюетъ, говорю, испыталъ не токмо сильное противоборствіе, но еще подвергся укоризнѣ, якобы все его нападеніе происходило отъ недовѣдѣнія глубинъ духовнаго. Онъ видѣлъ

съ прискорбіемъ, что многіе изъ духовныхъ, едва ли не того же мнѣнія были о немъ. Самъ Римъ принялъ не искреннее участіе въ его отраженіяхъ, и, кажется, уступилъ болѣе нуждѣ и необходимости, чѣмъ убѣжденію; болѣе настоянію Лудовика XIV, чѣмъ правдѣ стороны защищаемой. Кажется, самые описатели жизни его какъ бы съ нѣкоторымъ нехотѣніемъ отдавали ему справедливость противу соперника его. Боссюетъ не могъ не чувствовать трудности своего положенія, но польза и ревность его къ Церкви превозмогли. Духъ прелюбодѣянія тогда дѣйствовалъ на Западныя Церкви, и на семъ основаніи, нѣкоторые даже изъ служителей оныхъ, начали созидать странную и духу Церкви чуждую и противную любовь къ Богу, извѣстную подъ именемъ *мистической* любви, достойной паче именоваться *духовной похотію*. Сія-то любовь, заявшая въ то время толико прелестей отъ воображенія, въ духѣ коей плавалъ Западъ, сія-то любовь, говорю, была тогда признана, въ примѣненіи оныя къ Богу, за нѣкакое изящество сердца человѣческаго; но сіяже любовь, какъ всякой удобно, по ходу дѣйствій ея, замѣтить можетъ, слила въ себѣ Христіанство съ язычествомъ, чѣмъ уже и тогда

обличала себя, изъ какого она источника. Фенелонъ имѣлъ нещастіе быть искушенъ отъ оной. Боссюетъ чувствовалъ, что имѣетъ дѣло весьма нѣжное, не по тому, чтобы трудно ему было бороть такого соперника, каковъ Фенелонъ; но Фенелонъ стяжалъ уже мірскую славу, и по сродству начала своей любви съ міромъ, всегда могъ имѣть великое число приверженцевъ. Всего этаго Боссюетъ не могъ не вѣдать; онъ сего и не устрашался, естьлибъ это касалось до его лица собственно; но дѣло шло о Церкви. Онъ зналъ, что естьли потерпитъ сему, то это падетъ на Церковь; а естьли ополчится ревностію, то сіе паки припишутъ или частнымъ его видамъ, или духу нетерпимости. Но Боссюетъ видя, такъ сказать, въ самой святости своего дѣла, въ самомъ торжествѣ своемъ уничиженіе свое со стороны міра съ самой щекотливой для сердца точки, восхотѣлъ лучше быть уничиженъ, нежели измѣнить правому дѣлу. Скажемъ однако смѣло, что сіе самое уничиженіе, коимъ міръ хочетъ обременить его память, и есть торжество его предъ Церковію, есть великая жертва, принесенная сердцемъ его на олтарѣ служенія своего. Такъ, естьли Боссюетъ можетъ имѣть своихъ преискреннихъ за-

щитниковъ, безъ всякаго духовнаго раздвоенія, это конечно въ сынахъ Восточныя Церкви, въ коихъ сохраняется вся простота ея духа, духа всегда ревниваго по чистотѣ своей, невѣдущаго по лицемѣрію послаблять ереси, и хотя бы она явилася во образѣ Ангела, не менѣе непоступнаго на вящее тѣмъ осужденіе его. Что значитъ Фенелонъ, что Римъ, что весь міръ и вся вселенная противу Церкви? Пусть и великъ Лудовикъ XIV по своимъ земнымъ дѣламъ, но что вся великость земная? Нѣтъ, онъ превзошелъ земную великость полнымъ своимъ довѣріемъ къ дѣлу Церкви въ лицѣ Боссюетовомъ: се его прямая великость, которую, хотя бы не почтилъ во злѣ лежащій міръ, но тѣмъ сугубѣе почтитъ небо.

Впрочемъ, какъ ни велика была простота духа Боссюетова, какъ ни великія дѣла она внушала ему, но, мнится, и онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ усумнялся въ себѣ. Хотя, ободренный Государемъ своимъ, не робко преслѣдовалъ змія, но въ нѣкоторыхъ недомышленіяхъ пребывалъ въ нерѣшимости, и, послабляя, соглашался.

Естьли бы кто возразилъ мнѣ, для чего я, вѣдая пользу простоты, вдаюся самъ въ обиліе слова? Отвѣчаю, я человѣкъ мірской, и инаго способа и права не имѣю, дабы

сражаться съ ересью, какъ тѣмъже орудіемъ, каковое и ересь употребляетъ, тщася соблюсти токмо голубиную цѣлость, то есть, цѣлость ученія моея Церкви. А успѣлъ ли въ томъ, не сужу самъ, но предоставляю судить о томъ тойже Церкви, и естьли бы угодно было Верховнымъ ея стражамъ потребить до послѣдней строки изъ написаннаго мною, нижѐ тайнымъ словомъ возпрекословилъ бы. Ибо такъ сужу: естьли пишемое мною дается мнѣ по благодати; убо, уничижая оное, даръ Божій уничижаютъ, не меня. Мое дѣло молчать, и нижѐ втайнѣ вооружаться противу слугъ и стражи Церкви. Естьли же паче чаянія, обрѣлось бы, несмотря на всю любовь мою къ Церкви, нѣчто отъ моего заблужденія въ сужденіи, о неизреченной благодати Божіей тогда и паче, что не оставилъ насъ безъ Церкви, какъ и Церкви своей безъ достойныхъ пастырей.

Благодарите же Небо, что даровало вамъ щастіе родиться въ Восточной Церкви, единой пребывшей въ чистотѣ духа своего и нерастлѣнной простотѣ своего Апостольства. Сія-то Церковь днесь утѣшаетъ васъ на гробѣ вашей дочери, и учитъ не столько сожалѣть о ней, колико о самой себѣ; не о ней, о себѣ плачитеся

нынѣ. Она же блаженна; Церковь ручается за ея блаженство; вамъ же предоставляетъ бдѣть и молиться, дабы не постигла васъ напасть, приводящая душу къ печали, и чрезъ сію къ немощи плоти, да ослабитъ бодрость духа. Познайте изъ сего благодѣяніе Божіе въ дарованіи намъ Церкви. Съ нею вопрошаю, о чемъ скорбѣть? Или не вѣрите ей, что дочь ваша не умерла, но жива, и еще существеннѣйшею жизнію, чѣмъ здѣсь? Ужели одна плоть ея жила? Но тогда и вяще, о чемъ плакать и крушиться? Стоитъ ли разсыпавшаясь плоть той боли, которую она приключаетъ намъ своею разлукою? Что есть самое разлученіе, сей разрывъ союза жизни остающейся съ жизнію погасшею? Для чего не подражать тѣмъ, кои хотя возчувствуютъ по своей природѣ боль по умершемъ, но тщатся изобрѣтать тонкія разсужденія, дабы погасить тревожащую ихъ печаль, и черпаютъ свои доводы не отъ источника безсмертія, не отъ жизни Божіей, но отъ тлѣнія, ничтожества и смерти непробудной? Печаль ли толико ихъ угнѣтающая на сіе ихъ движетъ? Но то было бы самаго гнуснаго самолюбія и безчувствія. Страшатся ли узрѣть въ безсмертіи Бога. Но то былъ бы страхъ единыя преступныя совѣ-

сти и самосознающагося порока. Отсюда видимъ, что умерщвленіе въ себѣ печали по усопшемъ въ нѣкоторыхъ людяхъ происходитъ или отъ обнаженнаго самолюбія, или совершеннаго нечестія.

Въ обоихъ случаяхъ, не будетъ ли то уничтожать въ себѣ человѣчество, и содѣлаться существомъ богомерзскимъ, отъ коего вся природа пришла бы въ трепетъ, естьли бы Господь доколѣ не удерживалъ силъ ея, готовыхъ на устремленіе къ наказанію толикаго злочестія? Вотъ два случая и оба противу нечестивца, дерзающаго, въ оскорбленіе своего естества, погашать въ себѣ жизнь дыханіемъ смерти; погашать не такъ, чтобы она дѣйствительно погибла, о! сіе бы составило ихъ блаженство, но погашать въ себѣ останки сущія жизни, возпріятіемъ, на мѣсто дыханія Божія, дыханія духа злобы, духа въ началѣ сотвореннаго для вѣчнаго блаженства, но по гордости отъ Бога отпадшаго, и съ того времени жизни Божескія отчужденнаго. Сей-то духъ и есть духъ смерти, ищущій дыханіемъ своимъ погашать въ человѣкахъ жизнь истинную. Сего-то духа и нечестивецъ въ себя пріемля, черпаетъ отъ него всѣ темные свои доводы, и хощетъ узрѣть

тамо смерть, гдѣ нѣтъ ея. Когда человѣкъ умираетъ дѣйствительно всемъ своимъ существомъ, то надъ кѣмъ печалиться, по комъ скорбѣть? Тогда печаль есть сущее безуміе; тогда и между живущими всѣ связи не должны быть слѣдствіемъ нравственныхъ привязанностей, но выкладками расчотливаго самолюбія, для котораго позволено будетъ приносить въ жертву все, что обрѣтется для него помѣхою на пути къ достиженію его цѣли: но, ахъ! и тогда, самой ненасытностью души своей, измѣнилъ бы себѣ безумецъ: пожирая, самаго ада пространнѣйшею алчностію, міръ и яже въ мірѣ, онъ пришелъ бы наконецъ на край бездны ничтожества и, возгорѣлъ бы желаніемъ безсмертія.

И вы-ли нынѣ притекли съ плачемъ сердца матери, лучше всякаго мудрованія постигающаго тайну сокровенныя своей жизни? Вы-ли для того притекли на гробъ, дабы оплакать единое тлѣніе вашей дочери? Пусть такъ; но отходя оттуда, кого ищетъ паки заботливое сердце матери? Не сестеръ ли, не брата ли отнятой у васъ смертію? Почто, какъ бы желая умилить печаль свою, возпріемлете ихъ съ бо́льшею нѣжностію въ свои объятія, и преклоняя надъ ними главу свою,

каплете слезы утѣшенія, какъ бы желая слить съ оными жизнь усопшей сестры ихъ съ собственною ихъ жизнію? Почто сіе торжество природы, когда дочь ваша не существуетъ болѣе? Ахъ! и не токмо она, но и сущія съ вами дѣти равно тогда не существуютъ. Для чего бы они существовали, когда тоже ничтожество, или небытіе, ожидаетъ ихъ? Напротивъ, ваша къ нимъ нѣжность возрастаетъ нынѣ. Кажется, усопшая ваша дочь, предваряя ихъ своимъ отшествіемъ въ блаженную вѣчность, какъ будто осуществила для васъ путь оный, по которому вы должны туда вести оставшихся дѣтей вашихъ. Кажется, для ихъ будущаго блаженства, она пожертвовала настоящею своею жизнію. Не видите ли въ самой смерти вашей дочери благодѣянія Божія къ вамъ и дѣтямъ вашимъ? Ахъ! естьли бы вы и могли когда либо имѣть нещастіе усумниться въ истинѣ будущія жизни, то сердце ваше поспѣшило бы отвергнуть сію ужасную и въ немъ помѣститься не могущую мысль: ибо, съ принятіемъ оной, вы бы должны были отвергнуть чувство материнскія любви въ себѣ, отрещися дочери своей, и кромѣ гноища ничего не зрѣть въ ней болѣе. Тако съ смертію вашей дочери вы постав-

ляетесь самою необходимостію исповѣдать безсмертіе и жизнь будущую: она есть нынѣ путь, указующій вамъ страну вѣчныя жизни, и путь сей составленъ изъ собственной вашей жизни. Вы уже не можете безнаказанно и безъ отреченія отъ названія матери попрать онаго. Ибо вы попрали бы съ тѣмъ вмѣстѣ и прахъ вашей дочери. Отсюда познаете всю важность материнскихъ обязанностей, о коихъ нынѣ толико нерадѣютъ родители, поелику вознерадѣли о вѣрѣ и Церкви. Нынѣ познаете живѣе, нежели когда либо прежде, чѣмъ вы обязаны вашимъ дѣтямъ, коихъ нѣкогда возтребуетъ отъ васъ Божія правда и кровь Христова. Вы познаете, что все ваше существованіе должно посвящено быть для спасительнаго блага сущихъ дѣтей вашихъ, и что вы должны воспитать ихъ, не по собственному руководству, но по назиданію Церкви, и прилѣпить къ ней сердца ихъ какъ можно преискреннѣе. О коль истинно сіе, что одно удостовѣреніе въ будущей жизни соединяетъ здѣсь людей одного съ другимъ, кольми паче родителей съ дѣтьми. Тогда-то мы существуемъ съ пользою одинъ для другаго. Но что значитъ опять существовать одному для другаго? Не то ли, чтобы кому

нибудь одному изъ нихъ жертвовать своею любовію, чистою и святою, для блага другаго; жертвовать своими утѣхами? Опредѣлимъ самыя утѣхи, что онѣ такое? То, что міръ и люди нынѣ подъ тѣмъ разумѣютъ, есть собственно нарушеніе закона, правды, святыни, и всего отсюда проистекающаго: вотъ подлинное существо утѣхъ, за которыми люди тлѣнія гоняются, и для коихъ готовы всемъ жертвовать. Ибо прямыя, существенныя утѣхи не почитаются отъ міра за утѣхи: онѣ суть часть и достояніе добродѣтельныхъ, коихъ совѣсть обязываетъ всѣ побужденія, къ утѣхамъ влекущія, отсѣкать отъ сердца, и приносить въ жертву закону и порядку. Естьли бы міръ изъ таковыхъ токмо состоялъ, нижѐ говорить бы тогда о безсмертіи стали, такъ точно, какъ не говорятъ о необходимости воздуха, коимъ всѣ равно дышутъ. Подобно, какъ никогда не говорятъ такъ мало о вѣрѣ, какъ въ тѣ времена, когда вѣра наиболѣе съ искренностію всѣми пріемлется. Безсмертіе было бы дыханіемъ жизни. Итакъ существенныя утѣхи состоятъ паче въ жертвѣ, въ подчиненіи всего себя закону, и суть собственно лишеніе мірскихъ утѣхъ. Но когда нѣтъ безсмертія, на что жертва сія,

на что покореніе воли, не скажу, общему благу, чѣмъ Философы мнили доказать необходимость добродѣтели, но благу частному? Тому благу, о которомъ нижѐ увѣрены могутъ быть, чтобы оно таковымъ осуществилось въ тѣхъ, для коихъ должны жертвовать собою. Ктому же, выше мы согласились, что называемое вообще людьми благомъ, суть точію утѣхи, изъ беззаконія черплемыя. Когда же лукавыя совѣсти могутъ тѣмъ оскорбиться, поелику истина сія досягаетъ во внутреннѣйшее ихъ чувство, и поелику оскорбленіе ихъ оттудаже происходитъ, а не то, чтобы они ревновали противу лжи по правдѣ: то допустимъ, что естьли благо ихъ не есть беззаконіе, то оно долженствуетъ быть тогда по необходимости закономъ; а законъ требуетъ не утѣхъ, но умерщвленія утѣхъ. Тогда мы должны будемъ умерщвлять себя (*т. е. плоть свою, со страстьми и похотьми Гал.* 5. 24), да научатся отъ насъ томуже и другіе, и да подобно намъ полагаютъ свое благо въ умерщвленіи (*страстей*), которое, чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ и благо содѣлается сладостнѣе. Сіеже не будетъ ли умереть міру, да и міръ умретъ намъ? Словомъ, тогда для содѣланія рода человѣческаго блаженнымъ, потребно бы было, чтобы родъ человѣческій умеръ

міру и принесъ его въ жертву. Но тогда вопросятъ добродѣтельные, для кого же оная жертва, кто сей, обоняющій таковую сладчайшую воню сердца? Ибо жертва есть всегдашнимъ свидѣтельствомъ бытія того, для кого оная приносится? Мы же разсуждаемъ о мнимой правдѣ отвергающихъ безсмертіе души; и ежели на это согласиться съ ними, то принуждены будемъ согласиться и на то, что міръ сей долженъ пребыть цѣлію нашего блага; а когда такъ, то утѣхи праведниковъ не суть его утѣхи: его же утѣхи будутъ съ сими въ противуположности, и будутъ утѣхами беззаконнаго, то есть, никакого закона невѣдущаго, и вѣдать не хотящаго самоугодія. Это ясно доказываетъ, какого свойства суть тѣ, для коихъ безсмертіе есть предразсудокъ, для коихъ все Святое, все то, что крѣпитъ общественныя связи, есть мечта; и сами они суть мечта, токмо мечта пожирающая, и нижѐ закланіемъ всего рода человѣческаго насытить себя могущая.

На сей-то конецъ я такъ часто вопрошаю у васъ на гробѣ вашей дочери, почто скорбѣть, какъ естьли она погасла навѣки? Почто искать себѣ утѣшенія въ обращеніи мыслей своихъ на оставшихся дѣтей? И они не погаснутъ ли? Для

чего же ходить и на гробъ умершихъ? Для того ли, чтобы почерпать оттуда сію страшную мысль, что человѣкъ въ сущности не болѣе и не лучше безсловесной твари, и что остающіяся дѣти не заслуживаютъ нашего попеченія, иначе быть не могущаго, какъ съ пожертвованіемъ оному всего себя? Но вы цѣпенѣете отъ ужаса, и какъ отъ лютаго звѣря, тако устрашенное лице свое отвращая отъ лжемудрованія, спѣшно устремляетесь въ простертыя объятія Церкви, и слышите раздающійся посреди ея гласъ Іисуса: *Азъ есмь воскрешеніе и животъ: вѣруяй въ мя, аще и умретъ, оживетъ.*

Потому-то Церковь не столько учитъ о безсмертіи, сколько проповѣдуетъ родъ безсмертія; и всякому, егоже пріемлетъ въ свое лоно, дарствуетъ съ безсмертіемъ блаженство. Ибо чрезъ нея Богъ подаетъ себя во Христѣ, и творитъ блаженство каждаго избраннаго.

Почто же человѣкъ отвергаетъ, какъ самая жизнь, утѣшительную мысль о безсмертіи души своей? Что преклоняетъ его на это? Ахъ! спросимъ напередъ, для кого полезнѣе продолженіе жизни, для злаго, или для добраго? Въ томъ никто не сумнѣвается, чтобы не для послѣдняго, для ко-

тораго она есть внутреннее убѣжденіе, самой опытъ сердца его; убѣжденіе, которое таковымъ бы могло быть и для злаго, естьли бы злой не погашалъ въ себѣ онаго духомъ непріязни. Но не всѣ ли равно согласны и въ этомъ, что не злому должно вѣрить въ правотѣ словъ, но доброму. Ибо не на злыхъ утверждаются и общества, а на добрыхъ. Царства цвѣтутъ добрыми, отъ злыхъ же погибаютъ. Отсюда усматривается, что добро созидаетъ, зло же, напротивъ, разоряетъ, разсоединяетъ, обваливаетъ, сокрушаетъ. Какое же довѣріе зло можетъ пріобрѣтать къ себѣ? Зло есть образъ и вѣстникъ смерти; почто же не убѣгаютъ отъ него, какъ и отъ самой смерти? Такъ дивно-ли, естьли оно, отъемля у человѣка все въ этой жизни, хощетъ еще похитить у него и послѣднюю надежду на будущее? Ибо доколѣ сія остается доброму, дотолѣ злой не можетъ не ощущать, что онъ не токмо ничего не похищаетъ у него, но еще самъ учиняется виною къ полученію ему гораздо большихъ благъ. Доколѣ доброму оставаться будетъ въ утѣшеніе безсмертіе, дотолѣ самое сіе утѣшеніе для злаго пребудетъ чувствомъ казни и страха. Для освобожденія себя отъ оныхъ радъ бы онъ былъ

возвратить сторично все имъ заграбленное, естьли бы токмо могъ онымъ потушить въ сердцѣ добраго сіе утѣшительное упованіе на продолженіе жизни за гробомъ. Толико-то справедливо, что чувство безсмертія и сердце, есть одно и тоже въ человѣкѣ; что не имѣть одного есть не имѣть и другаго; и что по мѣрѣ оживленія чувства безсмертія, самое сердце оживаетъ и разширяется, какъ и напротивъ. Чувство безсмертія есть внутренній барометръ, или указатель состоянія сердца. Доколѣ сіе благое чувство одушевляетъ добраго, дотолѣ оно есть зеркаломъ, отсвѣчивающимъ въ себѣ всѣ виды злобы нечестиваго, не воспріемля однако въ себя оныхъ сущностію; дотолѣ злой не можетъ уничтожить въ себѣ смущающей его мысли о Богѣ, яко Судіи дѣлъ своихъ, и не трепетать не можетъ. Ахъ! естьли бы мысль о Богѣ и безсмертіи не отражалась изъ души праведника въ его душу, онъ бы еще простилъ ему оную, какъ праздное мечтаніе. Тогда подобная мысль учинилась бы для злаго благотворнымъ средствомъ къ удобнѣйшему у него похищенію всего, чѣмъ сей ни обладаетъ. Но естьли бы и подлинно такая мысль могла быть токмо химерою, а не самою подлинностію, то бы истинно

добрые долженствовали быть паче лицемъ глупости, а не образомъ высочайшей мудрости. Оная мысль могла бы тогда назваться химерою, когда бы противная ей могла быть сущимъ убѣжденіемъ для злаго. Тогда конечно онъ оставилъ бы въ покоѣ добраго, какъ нынѣ добрый оставляетъ самаго его въ покоѣ за силу своего убѣжденія, въ коемъ созерцаетъ заранѣе небо, безсмертіе и Бога; онъ по чрезмѣрной великости сихъ предметовъ судитъ сравнительно о ничтожности у него отъемлемаго. Онъ бы могъ вооружиться противу такого у него отнятія, и по праву природы противупоставить силу силѣ, и неправдѣ хитрость коварства; но не природа даетъ ему блаженное безсмертіе, и потому не на ея началахъ основываетъ и онъ право свое, какъ и правду убѣжденія своего; не природа есть цѣль его достиженія; не у нея онъ учится какъ поступать ему съ ближними, но у Бога. И сей-то Богъ поставилъ завѣтнымъ съ человѣкомъ условіемъ, неинако обрѣсти Его въ будущемъ вѣкѣ, какъ съ умерщвленіемъ въ себѣ всего того, что происходитъ отъ настоящаго вѣка. Сей Богъ вѣдать и слышать отъ вѣрныхъ не хощетъ ни природы, ни человѣчества для полученія Его, но Христа, да

единое сіе имя будетъ у нихъ и словомъ ихъ языка, и сущностію ихъ сердца, и дѣломъ ихъ опыта. Внѣ Христа, все есть безуміе и запустѣніе. Внѣ Христа нѣтъ, и нижѐ быть можетъ блаженное безсмертіе. Поучающій иному, ругается Христу, и упраздняетъ крестъ его. Естьли кто учитъ, якобы могло какое либо блаженство быть по ученію немощныхъ и худыхъ стихій природы, сей отметаетъ Христа, и нѣсть Христовъ, но Анти-Христовъ. Истинный Христіанинъ вѣрою хромать не долженъ, хотя бы и хромалъ ученіемъ тѣлеснымъ, которое *вмалѣ есть полезно.* Добрый служитель Іисусъ Христа отрицается скверныхъ и бабіихъ басней, питаемъ будучи *словесы Вѣры*, по ученію Апостольской Церкви (1. *Тим. IV.*)

Тако самое простое разсужденіе убѣждаетъ насъ въ безсмертіи души человѣческой. Отрицаніе оной злыми обнаруживаетъ нѣчто другое. Поелику же не бываетъ дѣйствія безъ причины, такъ и сему отрицанію должна быть причина. Ибо и у добрыхъ мысль о безсмертіи есть дѣйствіе, коего причина есть Богъ. Добрый говоритъ, я есмь, слѣдственно есть и Богъ, есть тотъ, кто сотворилъ меня. Сотвореніе есть дѣло всемогущества, а человѣкъ

есть одна немощь. Немощь не можетъ дать бытія себѣ. Слѣдственно, я есмь, есть и Богъ. Природа не есть я, не есть разумъ, но вмѣстилище однихъ силъ и вещества, разумомъ приспособляемыхъ къ дѣлу и направляемыхъ къ цѣли: кольми паче природа не есть сердце. Ибо, естьли бы сердце могло быть произведеніемъ природы, никогда бы не обрѣлось такого чудовищнаго сердца, которое для того бы презрѣло природу, отвергло матерь свою, дабы облобызать свою мечту, назвать ее существеннымъ своимъ благомъ и Богомъ, и все это предъ лицемъ самой природы, въ нѣдрѣ ея, на персяхъ у нея; которое бы всѣ сокровища ея, яко изгребіе, и всѣ утѣхи, яко прелесть и обманъ, повергло предъ единою мыслію о безсмертіи въ Богѣ. И естьли злой въ обладаніи дарами природы полагаетъ все свое блаженство, то онъ-ли, видя оныя съ такимъ презрѣніемъ повергаемыя, не поспѣшилъ бы утвердить въ добромъ такого его безумія, которое чрезъ то самаго его надѣляетъ такими благими? Но нѣтъ, естьли злой съ усердіемъ изыскиваетъ средства къ отнятію у ближняго богатствъ его, то уже съ неистовленіемъ посягаетъ на погашеніе въ немъ мысли о безсмертіи; мысли, которая, по собственному его увѣ-

ренію, есть мечта, порожденіе предрассудка, плодъ боязливой совѣсти, и въ слѣдствіе которой однако онъ получаетъ то, въ чемъ, по егоже самоубѣжденію, состоитъ все его щастіе. Добрый хочетъ остаться даже и при одной мечтѣ своей, какъ называетъ міръ надежды его; но злой, уже отнятыя имъ у него сокровища, готовъ съ такою же охотою возвратить ему паки, съ какою злобою посягалъ на исторженіе оныхъ, лишь бы добрый исторгъ самъ у себя мечту свою, погасилъ надежду на будущее, потребилъ въ себѣ понятіе о Богѣ, въ несуществованіи коего злой, естьли положиться на слова его, увѣренъ, какъ не льзя болѣе. О безумія людскаго! Можетъ ли нечестіе болѣе обличать свою неправду, и отрицать то въ своихъ дѣйствіяхъ, чему поучаетъ словами? Не дѣйствія ли есть живый языкъ нашего сердца, не они ли свидѣтельствуютъ на неправду языка нашего, когда мы стараемся съ такою силою бороть то, что нами же за мечту почитается? Ахъ! не сими ли дѣйствіями мы ясно говоримъ, что сердце не вѣритъ тому, что проповѣдуетъ языкъ нашъ, и что напротивъ оноже невольно тому вѣритъ, что боритъ: ибо естьли бы не вѣрило, естьли бы то не было его собственнымъ

убѣжденіемъ, то бы оно того и не бороло. Но человѣкъ боритъ, поелику не можетъ наслаждаться въ мирѣ жизнію, доколѣ въ свѣтлой истинѣ безсмертія созерцаетъ свое беззаконіе и читаетъ свой судъ, предъ коимъ все наслажденіе, все то, что для него есть дражайшаго, чему уже принесъ неслыханную жертву, погубивъ душу свою, предъ коимъ все то, говорю, принужденъ бы онъ былъ признать за уметы и отребіе, и убѣдить себя наконецъ уже не въ ничтожествѣ безсмертія и грядущаго міра; но что онъ душу свою промѣнялъ на свою блевотину, и на калъ тинный (2 *Пет. II.* 12).

Для чего же сердце добраго разширяется за предѣлъ видимаго, естьли бы природа была предѣломъ всего существующаго? Не отъ того ли, что носитъ въ себѣ сѣмя безсмертія, духа ищущаго сообразнаго себѣ наслажденія, для коего все земное есть не по вкусу, которое для него есть противно, ненасытительно? Для чего же сердце злаго отвергаетъ оное? Тайна сія доколѣ въ немъ самомъ пребываетъ (хотя ничто же есть покровенно, еже не открыется: и тайно, еже не увѣдѣно будетъ). Она не есть уже тайною и для добраго, не токмо для самаго злаго: естьли же и есть тайною, то потому токмо, что злой

бѣжитъ отъ свѣта, да не обличатся злыя дѣла его. Онъ самъ сіе вѣдаетъ; ибо имѣетъ сердце; но не хочетъ вѣдать. И естьли онъ не хочетъ вѣдать о истинѣ безсмертія, то уже не можетъ не вѣдать того, что онъ утѣсняетъ въ себѣ чувство сіе: это есть вседневный опытъ его; онъ не можетъ не знать того, колико онъ боится пробужденія въ себѣ такой мысли, и что когда боритъ оную въ одной части воли своей, то не можетъ не вѣдать, какъ въ другой осуждается за то. Потому-то онъ не хотѣлъ бы ни обращать вниманія на сію мысль, ни бороться съ нею: ибо то и другое раждаетъ досадительный свѣтъ на обличеніе мерзости того, что для него драгоцѣнно, и къ чему онъ прилѣпился всемъ своимъ сердцемъ.

Какая бы могла быть причина отрицать злому продолженіе бытія своего за гробомъ, естьли бы это было одно простое токмо продолженіе его жизни, каковою она уже и здѣсь есть? Въ самой этой жизни можетъ-ли онъ желать и не желать жить? Не употребляетъ ли онъ всевозможныхъ способовъ къ продолженію сей жизни? Почему же она, будучи для него здѣсь вожделѣнною, за гробомъ же могла бы внезапно показаться толико ненавистною? Откуда

сіи противуборствующія одно другому желанія въ одномъ и томже сердцѣ? Не носитъ ли уже въ себѣ настоящая жизнь полнаго свидѣтельства о несомнѣнности бытія будущей? Какимъ желаніемъ вожделѣваетъ въ себѣ человѣкъ продолженія жизни, откуда онъ почерпаетъ въ себѣ оное? Сладкой напитокъ не самъ-ли о себѣ возбуждаетъ желаніе пить его? Не изъ горечи-ли отвратительнаго напитка раждается въ насъ къ нему отвращеніе? Слѣдственно, ежели желаніе жить есть внушеніе отъ жизни, то откуда бы въ насъ было, при жизни самой, нежеланіе продолженія оной? До самаго издыханія мы не можемъ не желать оныя (*). Всѣ умирающіе суть тому живое доказательство, что доколѣ жизнь въ насъ, мы не можемъ почерпать изъ нея инаго, кромѣ желанія продолженія жизни; и когда всѣ уже ближніи остаются безъ надежды по отношенію къ умира-

(*) Нѣкоторые случаи сему положенію противорѣчатъ. Ибо многіе хотятъ смерти отъ старости, болѣзни, нещастныхъ встрѣчъ, малодушія, отчаянія, и проч. но всѣ таковые случаи суть токмо прикосновенные къ жизни; а сочинитель разсуждаетъ о побужденіи самой жизни. Устрани всѣ оные случаи, и не одного не останется, кто не пожелалъ бы жить.

ющему, одинъ онъ живетъ надеждою, и еще не умеръ жизни своей. На краю самаго гроба было бы сущимъ безуміемъ не желать жизни; какъ же не будетъ оно таковымъ и того болѣе при полномъ наслажденіи жизни? Самый нечестивецъ, ощутивъ уже конецъ свой, хотя бы и сказалъ что за гробомъ нѣтъ жизни, не болѣе былъ бы достоинъ вѣры, какъ и юноша отдаленный отъ смерти своей многими еще годами. Несправедливо доселѣ въ отверженіе безсмертія иные говорятъ, никто, де, еще съ того свѣта не приходилъ. Кромѣ того, что сіе несправедливо, но естьли бы и можно было допустить такое предположеніе, то оно было бы и тогда противъ невѣрія: ибо равно никто не приходилъ съ того свѣта увѣрить насъ, чтобы не было и жизни; между тѣмъ, какъ ни одного не было, который, умирая, не желалъ бы еще жить, особливо жить благополучно. Благополучіе же есть обстоятельство токмо прикосновенное къ жизни. И потому подъ какимъ бы кто предлогомъ ни хотѣлъ жить, не менѣе того желаніе сіе не отъ благополучія было бы, а отъ самой природы желающей жить всегда.

Впрочемъ, естьли бы то могло быть доказательствомъ ничтожества, что ни

кто изъ умершихъ не приходилъ съ того свѣта: то и на сіе съ большею правдою отвѣтствуютъ, что были таковыя умершихъ явленія; но невѣріе имѣетъ нужду не признавать истины таковаго свидѣтельства по тойже причинѣ, по которой оно нудитъ себя отрицать и Бога. Сверхъ того, естьли души человѣческія продолжаютъ жить и по смерти тѣла, то симъ доказывается вмѣстѣ, что есть Богъ: слѣдовательно явленіе умершихъ, разсуждая вообще, не можетъ быть произвольно: сіе могло бы произвесть очевидный безпорядокъ въ здѣшнемъ мірѣ. Почему требуемое нечестивыми явленіе мертвыхъ, какъ бы это было нѣчто естественное здѣшнему тѣлесному міру, противно смотрительству о насъ Промысла. Да нечестивые не могутъ также не вѣдать и того, что дѣло у насъ о Вѣрѣ, а явленіе духовъ содѣлало бы оную безполезною. Кромѣ того, люди умираютъ и злые и добрые; какимъ же бы образомъ возможно было согласить произвольныя ихъ явленія послѣ смерти безъ ужаснѣйшихъ изъ того послѣдствій? Вотъ какъ мало понимаютъ нечестивые силу собственныхъ словъ своихъ. Не отъ того ли, что они говорятъ біяй воздухъ, и суть яко мѣдь звѣнящая, или

кимвалъ звучащій? Одинъ отголосокъ безумія.

Не надлежитъ смѣшивать въ человѣкѣ двухъ оныхъ чувствъ, желанія жить, и желанія уничтоженія жизни. Подобныя противорѣчія испещряютъ всѣ дни человѣческіе, не уничтожая однако единства бытія его. Нерѣдко въ одну и туже минуту онъ желаетъ вещи, и пребываетъ въ нерѣшимости. Такое состояніе его явно показываетъ въ немъ двѣ склонности, или двѣ силы въ единой его душѣ заключающіяся. Начало желанія жизни отъ Бога: начало нежеланія жизни отъ діавола. Естьли видятъ тварей на нѣкоторыя мгновенія какъ бы въ нерѣшимости: то это происходитъ отъ того, что душа ихъ состоитъ въ зависимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній, хотя съ неравною, но ощутительною равно силою въ одно время на нее дѣйствующихъ, и оставляющихъ ее въ нерѣшимости. Промежутокъ сей кратокъ, за которымъ послѣдуетъ выборъ, или паче невольное остановленіе на единомъ какомъ либо изъ ощущеній, опредѣляемомъ большею сложностію полученныхъ впечатлѣній. Сверхъ того, у тварей такое перемеженіе нежеланія ни того, ни другаго, обыкновенно происходитъ отъ дѣйствительнаго присутствія сущихъ

предметовъ; да и состояніе оное не есть у нихъ противорѣчіе, но пріостановленіе всякихъ чувствъ. Какъ скоро же одно какое нибудь впечатлѣніе всѣ прочія пресилитъ, они предаются оному, и успокоиваются. У человѣка, напротивъ, выборъ не зависитъ собственно отъ внѣшнихъ предметовъ, но отъ внутренняго состоянія воли его, которая не сложностію предметныхъ впечатлѣній на душу рѣшаетъ себя; но по тѣмъ понятіямъ, какія человѣкъ составляетъ себѣ о благополучіи. Тщетно противныя его понятію о щастіи предметы станутъ представляться ему, и дѣйствовать на него со властію; напримѣръ: тщетно другъ его, видя его заблужденіе, сталъ бы истощать предъ нимъ все богатство и прелесть краснорѣчія: онъ отъ того содѣлается лишь угрюмѣе. Пасмурность обляжетъ лице его, мрачное молчаніе осѣнитъ долу уклоненный его взоръ; все покажетъ, что оныя дѣйствія остались не безъ силы своей, но что ихъ впечатлѣнія, вмѣсто чаемаго убѣжденія, произвели одно смущеніе и безпокойство. Откуда же сіе безпокойство и смятеніе, когда тѣже предметы и тѣже истины, предложенныя другомъ, составляютъ въ немъ самомъ услажденіе души и увеселеніе

духа его? Когда бы человѣкъ состоялъ изъ однихъ душевныхъ желаній, сумма впечатлѣній составляла бы весь его выборъ; люди, будучи одинакаго естества, одинаково бы принимали и впечатлѣнія окружающихъ предметовъ, всегда дѣйствующихъ съ непреложною одинаковостію. Откуда же въ нихъ толико многообразная разность въ принятіи впечатлѣній, какъ не отъ умственной силы, не состоящей въ области видимаго, но творящей свой міръ, такъ что самый безбожникъ, всякую духовность отрицающій, не менѣе въ духовности своего рода пребываетъ, и въ ней живетъ и движется. Ибо не вещь имъ обладаетъ, но понятіе сотворенное имъ о щастіи своемъ; щастія же, какъ существа, и какъ произведенія природы, въ природѣ нѣтъ. Слѣдовательно, нельзя занимать щастія отъ того, у кого нѣтъ онаго. Природа не можетъ вмѣщать въ себѣ блаженства: ибо быть блаженнымъ есть быть въ такойже мѣрѣ и разумѣтельнымъ. Вѣдѣніе и блаженство не живутъ порознь: ибо блаженство не бываетъ безъ вѣдѣнія. Вѣдѣніе безъ блаженства есть адское состояніе; блаженство безъ вѣдѣнія есть довольство безсловесныхъ животныхъ. Имѣть вѣдѣніе и блаженство и пребывать въ безпокойствіи,

будетъ ощутимое противорѣчіе. Быть блаженну есть уже быть и спокойну. Почему верховное блаженство будетъ и верховнымъ вѣдѣніемъ, и купно верховнымъ спокойствіемъ. Но такова ли природа? И такъ не она творитъ человѣка щастливымъ, который однако ничего такъ не ищетъ, какъ щастія, и тѣмъ доказываетъ, что и въ немъ оное не обрѣтается. Онъ бы не искалъ быть щастливымъ, естьли бы не ощущалъ внутръ себя желанія къ тому. И какъ бы въ немъ образовалось оное желаніе, естьли бы чувство оное не было врожденнымъ? Но откуда взялось бы оное чувство? Само собою оно не изникаетъ, какъ не можетъ быть и слѣдствіемъ предразсудка, ни воспитанія. Природа же не могла насадить того, чего сама не имѣетъ, и чему удовлетворить не можетъ. О слѣпотствующій человѣкъ! доколѣ пребывать ему съ самимъ собою въ противорѣчіи? Доколѣ закоснѣвать въ злочестивомъ своемъ упорствѣ? Доколѣ ему искать и убѣгать отъ своего истиннаго щастія? Ахъ! естьли бы діаволу возможно было на единое мгновеніе выйти изъ своей сущности, онъ бы вострепеталъ видя человѣка въ такомъ оже-

сточеніи къ принятію предложеннаго ему средства спасенія.

Сіе-то насажденное въ человѣкѣ чувство блаженства и есть то, что творитъ его, суща здѣсь, или щастливымъ, когда оно въ немъ сообразуется съ своимъ первообразнымъ, по коему человѣкъ состворенъ; или злополучнымъ, когда онъ обращаетъ оное на исканіе тамъ щастія, гдѣ нѣтъ его вовсе. Да познаетъ отсюда человѣкъ вину всѣхъ своихъ противурѣчій и возмущеній. Когда набожный другъ изображаетъ предъ нимъ красоты вѣры, да уловитъ оное внутрь его воздыхающее по щастію чувство; мирныя слова его касаются въ немъ того чувства, онъ ощущаетъ въ себѣ сладостное сіе прикасаніе: но имѣвъ уже нещастіе привязаться къ понятію, по образу своему о щастіи составленному, онъ вмѣсто того, чтобы духомъ своимъ облобызать дружескихъ оныхъ словъ прикосновеніе, возмущается при самомъ началѣ бесѣды спасительной, и, заключая упорностію въ себѣ свое чувство, воспящаетъ оному принимать въ себя словеса утѣшенія, которыя Богъ подаетъ ему чрезъ подобныя орудія. Тогда заградивъ всѣ входы и исходы сердца собственнымъ своимъ духомъ, слышитъ одни безплодноуда-

ряющія о совѣсть его словеса; и, чувствуя укоризны, исполняется горечи неудовольствія. Тогда самовольное невниманіе ставитъ въ извиненіе своего непониманія, не примѣчая даже того, что такая бездѣльная отговорка и дѣтей въ смѣхъ приводитъ; и что онъ не другое учиняетъ, какъ что творитъ и негодное дитя, когда противурѣчатъ господствующей въ немъ страсти.

Такимъ образомъ, когда нѣкій гласъ говоритъ душѣ, что она есть жизнь и умереть не можетъ, то въ нѣкоторыхъ людяхъ она соглашается на сіе и составляетъ съ онымъ единое убѣжденіе: но въ другихъ она отметаетъ оное. Почто же одинъ пріемлетъ, а другой отмещетъ? Естьли бы не было разумной, въ душу втекающей, силы, душа не могла бы разумѣть сама себя. Такъ токмо Божество само въ себѣ разумѣтельно. Почто же душа, будучи у всѣхъ людей единаго естества, у однихъ отвергаетъ разумѣтельную оную силу, у другихъ пріемлетъ? Можетъ ли сіе происходить безъ достаточной и внѣ человѣка существующей причины? Ни подъ какимъ видомъ. Естьли бы это могло быть безъ причины, то какъ бы одинъ свое понятіе о безсмертіи обращалъ въ причину, движущую его

на отрѣченіе отъ всего міра и самой жизни, но не отъ онаго убѣжденія; другой напротивъ, хотя бы въ жертву своему понятію и не принесъ жизни, которую едину и чтитъ верховнымъ своимъ благомъ, но готовъ бы былъ учинить великія пожертвованія для того, кто согласился бы съ нимъ въ мысляхъ на уничтоженіе нашего бытія по смерти. Итакъ оба они не дѣйствуютъ ли въ слѣдствіе нѣкакихъ на ихъ склонности дѣйствующихъ силъ, изъ которыхъ одна просвѣщая о Богѣ, проливаетъ въ него съ тѣмъ вмѣстѣ свѣтлое убѣжденіе о безсмертіи души. Другая, напротивъ, силясь изгладить всякое о Богѣ понятіе, старается не допустить до блаженнаго увѣренія въ бытіи Его, и на сей конецъ воздвигаетъ въ грѣшникѣ лукавые помыслы на устрашеніе виновныя его совѣсти. Для успокоенія своего таковый человѣкъ вымышляетъ разумъ и природу, хотя всечастыми своими страстями, поставляющими его въ противурѣчіи съ самимъ собою и съ другими, очевидно доказываетъ, что ему не извѣстны ни разумъ, ни природа; и что то и другое, какъ ни присущи сами по себѣ, есть токмо призракъ того, что онъ и самъ подъ тѣми словами разумѣть хочетъ. Ибо въ подлинности нѣтъ ни существен-

наго разума, ни разумной природы. Христіане же, и даже язычники, каковъ былъ Платонъ, не другое что подъ природою разумѣли, какъ видимые предлоги къ возбужденію въ насъ не разума собственно, но разумѣтельной въ душѣ способности, въ которую разумъ проливается свыше. Потому-то отчуждающій себя отъ Бога, и не имѣя свѣта, по необходимости пребываетъ во тмѣ. А какъ и пребывающій во тмѣ, не остается безъ какой либо дѣятельности, то душа его находясь въ движеніи, вмѣсто того, чтобы воспринять свѣтъ отъ свѣта, разверзаетъ себя къ принятію тмы грѣховной, или духа отъ Бога удаленнаго. Но сей духъ также не безъ силъ; а сіи силы возбуждая въ немъ сообразныя естеству своему движенія, увлекаютъ его напослѣдокъ къ непризнанію Бога, и къ отрицанію безсмертія. Тако діаволъ есть отецъ лжи: ибо вѣдаетъ, что есть Богъ, вѣдаетъ, что есть безсмертіе, поелику самъ пребываетъ въ осужденіи; но внушаетъ противное, дабы погубить человѣка невѣріемъ, и посмѣяться надъ нимъ, что онъ повѣрилъ ему, губителю души его, а не повѣрилъ Богу, ниже себя пощадѣвшему ради его спасенія.

Когда говорятъ невѣрующему о безсмертіи, онъ чувствуетъ, что съ признаніемъ сей истины, должно будетъ согласиться и на то, что есть Богъ. Что же заставляетъ его отвергать Существо оное? Чувства ли его доброты, правоты, истины, любви, щастія? Ахъ! естьли бы это такъ подлинно было, не поспѣшилъ ли бы онъ облобызать съ нами сего Бога, который есть весь добро, весь правда, весь истина, весь любовь, весь блаженство; и въ дополненіе, который ничего такъ не желаетъ, какъ чтобы человѣкъ былъ блаженъ чрезъ все продолженіе вѣчности? Но вѣроятно, онъ по тому такъ судитъ, что бытіе Божіе кажется ему не возможно: почему же оно учинилось возможнымъ для его ближняго? Но да разсудитъ, что когда бы не было природы, то есть, естьлибы всѣ доставляемые ею способы питанія были отъ него отняты, не сталъ-ли бы онъ мало по малу ослабѣвать въ своихъ силахъ, или съ возвращеніемъ пищи паки укрѣпляться: да разсудитъ, естьли бы не было Бога, то откуда бы взялись у вѣрныхъ силы желать Его, и для обладанія Имъ жертвовать всемъ? Можетъ-ли одно ничтожное изобрѣтеніе понятія о Богѣ творить сіе, естьли бы въ самомъ суще-

ствѣ Его не было? Ахъ! нещастный, повѣрь хотя разуму твоему, который, какъ ни ничтоженъ, совсѣмъ тѣмъ, скажетъ тебѣ иное, естьли только самъ ты не похочешь бѣжать отъ собственнаго уже твоего разума; когда токмо не станешь отвращать вниманія твоего отъ порядка выводимыхъ имъ заключеній. Онъ свяжетъ для тебя оныя одни съ другими, аки звѣнья, и, можетъ быть, составитъ цѣпь, которой одинъ конецъ будетъ привязанъ къ видимости, а другой къ престолу Божію. Но невѣрующій столькоже не хочетъ внимать разуму своему, колико вѣрить тому, что есть Богъ. Онъ столькоже лжетъ на свой разумъ, колико на самаго Бога. Послѣдуя нашимъ разсужденіямъ, онъ не можетъ не чувствовать возмущенія: противоборство его, въ семъ случаѣ, было бы напрасно. Кто же лучше, какъ не самъ онъ чувствуетъ и сію причину, что онъ для того отпалъ отъ вѣры, что напередъ отринулъ благую совѣсть (*Тим. I.* 19), что не покорилъ ея Церкви; и внутренно воставши на сію, оставилъ совѣсть безъ руководства, исказилъ ее по своимъ началамъ, и тако впослѣди отпалъ отъ Вѣры. Говорить съ нимъ о безсмертіи, есть тоже, какъ бы говорить ему о ожидающихъ его на-

казаніяхъ, коихъ онъ не терпя, не терпитъ съ тѣмъ вмѣстѣ и безсмертія. Кто же имѣетъ причину устрашаться наказанія, какъ не тотъ, кто чувствуетъ себя, что онъ достоинъ того, и потому достоинъ, что, какъ говоритъ Апостолъ языковъ, отринулъ благую совѣсть, и съ оною Божію истину, чрезъ которую Богъ внутренно открываетъ себя человѣку, и Самъ Себя объясняетъ ему.

Не душа въ человѣкѣ собственно отвергаетъ безсмертіе, умереть сама немогущая, но грѣхъ чрезъ нее и съ нею живущій, и на вся побуждающій. Душа, имѣя умъ отъ Бога озаренный истиною, различаетъ добро и зло и увѣряетъ себя, что одно не можетъ быть другимъ; что одно другому есть противно, и что одно столь же есть вожделѣнно, колико другое бѣдственно. По уму же Христову знаетъ она съ полнымъ убѣжденіемъ, что однимъ все созидается на сохраненіе; другимъ напротивъ, все изобрѣтается и приводится къ разрушенію. Одно творитъ любителей своихъ ноги красны на сотвореніе нагорнаго благовѣстія, приносящаго миръ и вся благая во спасеніе, и воцаряетъ Бога въ Сіонѣ, да всякой увѣсть, яко *ту есть* (*Исаіи* 52); другое же творитъ ноги люби-

телей своихъ скори, еже изліяти кровь, нозѣ бо ихъ на зло текутъ (*Пр. I.* 16), и содѣлываетъ ихъ мудрыми, еже творити злая, благо же творити они не познаша (*Іер.* 4. 22). Не невѣдаетъ и душа, что учинясь рабою духа злобы, и пріявъ въ себя дыханіе его, она толико упивается отъ вина ярости его, что всѣ производимыя имъ въ ней возбужденія, сливаетъ съ бытіемъ своимъ, творитъ въ себѣ и чрезъ себя всѣ его пакости, и тако нещастная содѣлываетсяустами или протокомъ, чрезъ которой адъ проливаетъ въ міръ сей тму свою: или учиняется жерломъ, сквозь отверстія коего курится изъ преисподнія геенскій дымъ, исполненный ѣдкой горечи на поврежденіе духовныхъ очейчеловѣческихъ. Потому-то сіи люди не сами по себѣ отвергаютъ Бога и безсмертіе, но они творятъ сіе беззаконіе по наважденію діавола, который самой ложью своею свидѣтельствуетъ о бытіи истины: ибо ложью свидѣтельствуетъ онъ, что есть Тотъ, о Комъ говоритъ. Когда бы не было того, не на кого было бы и ему лгать, не о комъ было бы и говорить. Ложь не могла бы быть тогда ложью, но истиною. Говорятъ: нѣтъ истины, нѣтъ безсмертія; а того не хотятъ замѣтить, что тотъ,

кто говоритъ такъ, долженъ говорить либо ложь, либо истину. Когда первое, то онъ лжетъ, и потому вѣры не достоинъ; а когда говоритъ истину, то уже самъ есть истина, и потому паки истина есть. Но можетъ ли истина лгать на саму себя, и отрицаться себя? Никакъ: слѣдовательно тотъ говоритъ ложь на истину, и самой ложью показываетъ, что истина есть, и не токмо есть, но что ложь знаетъ истину; знаетъ въ ней судъ свой, страшится пресвѣтлаго лица ея; и, не могши ничего сдѣлать ей самой, вымѣщаетъ на человѣкахъ: тако не нанося ей самой никакого вреда, губитъ человѣковъ чрезъ учиненіе ихъ сообразными съ собою. Когда наступитъ царство свѣта, и тма навѣки удалится, истина воцарится, а о лжи нижé помину будетъ; тогда всякое прекословіе упразднится; нынѣ же самимъ противурѣчіемъ доказывается, какъ бытіе истины, такъ и существованіе лжи. Но бѣдный невѣрный, отвергнувъ единственный способъ къ узнанію истины, не можетъ уже и знать ее; а потому и отрицать оную безумно. Чрезъ это онъ впадаетъ въ такое уже обезумленіе, что онъ нижè того выразумѣть хочетъ, что естьли нѣтъ истины, то чѣмъ будутъ собствен-

ныя слова его? Безъ истины, они будутъ ложь. Естьли же онъ подъ симъ разумѣетъ о истинѣ превѣчной, яко Божество самосущей, и что такой-то истины нѣтъ, и оной-то существованіе онъ отрицаетъ; то естьли онъ заподлинно увѣренъ въ томъ, такъ что же отрицаетъ онъ? Не будетъ ли сіе, по собственному его сознанію, отрицать *ничто;* а то и еще было бы не вѣроятнѣе, чтобы *ничто* могло возмущать его до ненависти къ ближнему, хотящему, напротивъ, увѣрить его въ бытіи истины. Что же было бы другое помѣшательство ума? Ахъ, естьли можетъ быть въ жизни сей наказаніе за отрицаніе истины, то не можетъ быть ничего онаго наказанія ни естественнѣе, ни справедливѣе, ни сообразнѣе съ состояніемъ и сущностію самой вещи, какъ быть лишену познанія о самой истинѣ. Когда же невѣрный, по самому отрицанію истины, не чувствуетъ того, что есть она, и отрицаетъ оную потому только, что не хочетъ на семъ чувствѣ остановить вниманія своего, да почерпнетъ изъ онаго свѣтъ своего спасенія: то онъ есть вмѣстѣ и ожесточенный безумецъ и врагъ Божій, тѣмъ несмысленнѣйшій, что ниже́ того разсудить хочетъ, что таковымъ отрицаніемъ онъ истинѣ нисколько повре-

дить не можетъ, а себя погубляетъ навѣки. Отрицаніе его можетъ продлиться не далѣе гроба, а правда бытія истины не престанетъ, чрезъ всю свою нескончаемость, пожигать его огнемъ отчаянія.

Сей-то ради причины сказалъ я выше, что не должно смѣшивать въ человѣкѣ двухъ оныхъ чувствъ, желанія жизни, и желанія уничтоженія жизни токмо по ту страну гроба: ибо по сію желалъ бы онъ пребывать вѣки цѣлыя и цѣлую вѣчность, чѣмъ самымъ, какъ бы указуетъ на то, что ему несносна жизнь токмо въ той вѣчности. Онъ обличаетъ свой языкъ во лжи, и доказываетъ послѣднимъ своимъ положеніемъ, что онъ не отрицаетъ быть вѣчности своего желанія, но лишь бы оно могло сбыться по его началамъ. Но намъ нѣтъ дѣла до побочностей; ибо разсуждаемъ не о томъ, что можетъ быть прикосновенно къ бытію жизни, но о самой жизни. Блаженство же и муки, суть вещи токмо прикосновенныя къ нашему предмету. Злой не отрицалъ бы своего безсмертія, естьли бы только увѣренъ былъ въ полученіи блаженства. Онъ бы не потребовалъ и того, чтобы оное блаженство было точно по его понятію, какое стяжалъ о немъ въ семъ вѣкѣ; тѣмъ бы вожделѣннѣе оно для него

было, когда бы онымъ могъ быть Самъ Богъ. Но о чудесности святыя! Никогда зло не могло встрѣтиться съ именемъ Бога и, не восчувствовать невозможности своего соединенія съ Нимъ. Оно само сознаетъ въ себѣ гнусность и свое недостоинство, и что потому только и отрицаетъ Бога: ибо страшится Его правосудія и трепещетъ суда Его. Горе человѣку пришедшему въ погибель, и о себѣ уже нерадѣющему. Онъ чрезъ то самъ на себя свидѣтельствуетъ, что уже со всею искренностію облобызался съ діаволомъ и утвердилъ съ нимъ завѣтъ адскій. И вы ходатаи демонскаго спасенія, не льстите себѣ. Діаволъ никогда не престанетъ быть тѣмъ, чѣмъ есть онъ. Не ругайтесь Богу; Богъ поруганъ не бываетъ. Богъ не воспріиметъ въ себя діавола; но за ваше беззаконное мнѣніе вселитъ съ нимъ самихъ васъ на вѣки, и то отдастъ вамъ, чѣмъ вы дерзали здѣсь оскорблять Его благость, мысля прицѣпить къ ней діавола, аки нѣкое украшеніе, аки драгоцѣнное ожерелье, аки честный камень, достойный обрѣтаться посреди вѣнца Искупителева. Умолкните уста адовы. Мірской безумецъ толико уже предпочтительнѣе предъ безумцемъ лжехристіанствующимъ, колико

отрицать бытіе Божіе, когда увлекаются на то пороками своими, есть менѣе предъ тѣмъ, чтобы ругатися Богу, уничиживъ напередъ дѣло Единороднаго Сына Его, и проповѣдать о Богѣ, не то, что Церковь исповѣдуетъ о Немъ, но что влагаетъ діаволъ въ уста своихъ избранныхъ. Какимъ образомъ діаволъ отъимется самъ отъ себя, и, не преставая быть собою, содѣлается благимъ? Куда же денется то, что въ немъ было демонскаго? Какъ измѣнится злая сущность на естество благое? Вотъ какъ безуміе само съ собою мало обстоятельно, связавши одни наборныя слова, ниже́ разумѣетъ того, о чемъ говоритъ. Вѣдаемъ, что у лже-мистиковъ чистительный огонь благодати всегда готовъ: но они и тутъ не смыслятъ, что доказываютъ: ибо огонь чистительный есть огонь очищающій: отъ чего же станетъ онъ очищать зло? Онъ очищаетъ золото: это любимое у таковыхъ мистиковъ доказательство: но священное Писаніе говоритъ о семъ огнѣ примѣнительно къ естеству человѣческому, а не къ демонскому. Ибо и огонь не золото отъ золота, но всякую, золоту чуждую примѣсь, отъ самаго золота очищаетъ; самой же примѣси никогда въ золото не обращаетъ. Доколѣ въ чело-

вѣческой воли сколько нибудь остается еще непринадлежащаго демону, дотолѣ онъ не безъ надежды на спасеніе; онъ можетъ паки вообразить въ оной образъ истины, освобождающей его отъ тмы, и содѣлаться чадомъ благодати: но когда воля его содѣлается уже престоломъ волѣ похотей діавольскихъ, тогда сей человѣкъ изъ сына свободы, творится сыномъ погибели, творящимъ похоти отца своего.

Нечестивый въ имени Бога обрѣтаетъ уже причину къ отрицанію Его; поелику признавая себя недостойна его благости, инаго ничего себѣ не чаетъ, какъ суда и казни; и оныхъ устрашаясь, отмещетъ того Бога, который вопіетъ къ нему, какъ отецъ, *тамо убояшася страха, идѣже не бѣ страхъ.* (*Пс.* 13. 5), и ничего инаго не требуетъ, да возвратится и воздохнетъ, и уразумѣетъ, гдѣ былъ (*Исаіи* 30. 15), и да во свидѣтельство искренности своего къ Богу воздыханія, глаголетъ лишь самъ беззаконія своя прежде, и Господь не помянетъ ихъ и оправдитъ (*Исаіи* 45. 26). Но ахъ! *боязливая злоба своимъ свидѣтельствомъ осуждаемая, вину пріемлетъ во умъ лютая содержима совѣстію* (*Прем. Сол.* 17. 10.

Не станемъ искать въ душѣ желанія самоуничтоженія, сего духовнаго само-

убійства, сего желанія скрыться въ небытіи отъ лица Божія: ниже́ грѣхопаденія не могли бы возбудить въ душѣ преступной таковой на самое себя мысли. Грѣхъ не есть грѣхъ, когда происходитъ отъ невозможности познать его. И потому-то душа, суща безъ грѣха, никогда бы не пожелала себѣ уничтоженія. Одна грѣховная душа зачинаетъ въ себѣ сіе беззаконное желаніе, которое въ ней есть сѣмя, или плодъ отъ духа зміина; отъ беззаконнаго сочетанія воли съ его волею, которая, кромѣ грѣха въ душѣ человѣческой, ничего не производитъ, а грѣхъ содѣлываетъ смерть, образуя всего человѣка по Ангелу тмы. И сіе-то беззаконіе есть одно изъ величайшихъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ и Апостолъ (1 *Кор.* 6. 16). Неудивительно тогда, ежели духъ отъ плода смерти смерть и возвѣщаетъ, такъ какъ праведной отъ плода жизни проповѣдуетъ жизнь. Всякая вещь сама о себѣ сказываетъ. Нечестивый, по отношенію къ себѣ, говоритъ сущую истину; ибо мертвецу-ли проповѣдывать о жизни? По крайней мѣрѣ онъ въ этомъ искреннѣе тѣхъ, кои, зная токмо по наслышкѣ о жизни духовной, о которой Церковь возвѣщаетъ вѣрнымъ, и по внутреннему убѣжденію, что душа без-

смертна, мнятъ о себѣ, что живи, а они мертви суть: ибо внѣ Церкви нѣтъ жизни. Разность между плотскимъ и духовнымъ нечестивцемъ есть та, что первый хотя чувствуетъ свое безсмертіе, но воображаетъ, что онъ сего не чувствуетъ; и злѣ упорствуя въ своемъ заблужденіи, уничтожаетъ свою душу. Напротивъ послѣдній, сказывая себя быть чтителемъ Вѣры, по сему единому не можетъ уже признавать уничтоженія души своей: съ этой стороны онъ и не лукавствуетъ, не боритъ въ себѣ сего вопіющаго о себѣ чувства. Да не льзя ему учинить сего и по тому, что душа составляетъ его науку. Онъ, подобно язычнику, научается изъ разума самой души, разуму безсмертія. Но какъ первый лукавствуетъ противу самаго безсмертія, такъ послѣдній противу рода или образа безсмертія. Одинъ отвергаетъ Бога, а другой Церковь. Одинъ страшится признать Бога, дабы не услышать отъ него: ты безсмертенъ и примешь мзду за свое нечестіе: другой уклоняется отъ Церкви, дабы не услышать отъ нея: ты мнишь самъ о себѣ, *яко имя имаши яко живъ, а мертвъ еси* (*Ап.* 3.). Одинъ самъ себѣ готовитъ ничтожество и обманется: а сей самъ о себѣ сказываетъ, что уже онъ пра-

веденъ, богообразенъ, и льститъ себѣ на свою пагубу. Мірской нечестивецъ самымъ своимъ богоотрицаніемъ какъ бы воздаетъ правду Богу, и себя осуждаетъ; поелику самъ о себѣ мыслитъ, яко недостоинъ соединиться съ Богомъ. Напротивъ, мистическій нечестивецъ превращая въ мысляхъ мерзость свою во святость, дерзаетъ по собственному о себѣ непщеванію устремляться въ воображаемое имъ лоно Божіе. Апостолъ же не смотря на любовь свою ко Христу и Церкви Его, свидѣтельствуетъ о себѣ *ничего же бо въ себѣ свѣмъ, но ни о семъ оправдаюся* (1. *Кор.* IV. 4.), и предоставляетъ все на день пришествія Господня, когда онъ *во свѣтѣ приведетъ тайная тмы, и объявитъ совѣты сердечныя: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога.* Невѣрный боится остановить свое вниманіе на Богѣ, лжемистикъ на Церкви. Почему одинъ Бога, а другой постоянно отвергаетъ Церковь: или, ежели и не отвергаютъ нѣкоторые прямо, то представляютъ себѣ, одинъ Бога, а другой Церковь, такъ смутно и сбивчиво, что каждый изъ нихъ остается при своихъ мракахъ. Но мы Христіане научены отъ самаго Слова животнаго, что Богъ есть свѣтъ, и Вѣра есть свѣтъ, и что ходящіе по симъ пу-

тямъ именуются чадами свѣта, такъ какъ чадами тмы ходящіе во мракѣ. Мы Христіане не должны вѣрить совращеннымъ братіямъ паче самаго Христа, глаголющаго о себѣ: *Азъ свѣтъ въ міръ пріидохъ, да всякъ вѣруяй въ мя во тмѣ не пребудетъ* (*Іоан.* XII. 46). Вотъ здѣсь и слово спасенія, и Вѣра, и вѣрованіе назнаменованы свѣтомъ. Солнце на небѣ, день въ мірѣ, свѣтъ повсюду; люди наслаждаются для всѣхъ равно удѣленнымъ свѣтомъ, и не знаютъ сего непотребнаго сластолюбія, дабы вымышлять на распутіяхъ, кто изъ мимоходящихъ близорукъ, кто подслѣповатъ, и тому подобное; но всѣ вкупѣ радуются о Господѣ. Вотъ образъ состоянія Вѣры и обращенія вѣрующихъ между Христіанами: а не такъ какъ лжемистики, кои для того превозносятъ мракъ свой, дабы другіе заключали о полнотѣ ихъ свѣта; для того поютъ о своихъ бѣдностяхъ, дабы другіе судили, колико они облагодатствованы, что уже для нихъ и самые дары Божіи суть аки ничто, поелику увѣряютъ, что пріобрѣли самаго Дателя; которые ничего уже не видятъ, кромѣ вымышляемаго ими Бога; ни Христа, ни прославленнаго Его человѣчества, ни Святыхъ: все то сливается въ ихъ Богѣ, какъ капля теряется

въ сліяніи съ моремъ. Они не болѣе оставляютъ для лукавства своего, какъ чтобы узрѣть, по видимому, въ томъже Богѣ пятна Святыхъ, надъ коими они торжествуя, уничижаютъ ихъ память, да въ умахъ чтителей умалятъ подобающее ихъ святости уваженіе, бывъ увѣрены, что на колико оно умалится ко Святымъ, въ толикойже мѣрѣ, и еще вяще возрастетъ къ нимъ, яко учителямъ новаго ученія. Однако тутъ есть примѣтная между тѣмъ и другимъ разность: ибо доколѣ память истинно Святыхъ чествуется вѣрными, дотолѣ образующаяся въ сердцахъ ихъ привязанность сливается въ единую любовь къ Церкви, такъ что кажется Святые на то даются, дабы послужили какъ бы протоками благодати къ проліянію въ сердца наши, того духа, который и творитъ въ насъ привязанность къ Церкви живою, существенною. Но едва сія честнѣйшая привязанность начнетъ ослабѣвать въ насъ отъ обращенія нашего сердца къ лжемистикамъ, мы нечувствительно съ тѣмъ вмѣстѣ охлаждаемся къ видимой Церкви, подкапываемся подъ ея основаніе, зиждемъ особую Церковь, укоряемъ болѣе или менѣе Святыхъ, или и во все погашаемъ Святую любовь къ нимъ, и возжигаемся нѣкакимъ

чуждымъ Церкви огнемъ. И сей-то огонь, какъ легко всякой, по собственному чувству, то испытать можетъ, естественно приводитъ мистиковъ на сіе заключеніе, что они не того чтутъ Господа, котораго Церковь исповѣдуетъ съ своими Святыми. Такимъ образомъ само собою обнажается, что у подобныхъ мистиковъ видимая Церковь есть языческое капище, а поклоненіе идолослуженіе; и вообще все Христіанство будетъ вѣрованіемъ не во Христа, но во Анти-Христа. Судите посему о различіи духовъ, проливающихся въ сердца народныя. То однако очевидно и достовѣрно, что духъ, который подается чрезъ Святыхъ безконечно не тотъ, который нынѣ проливается чрезъ лжемистиковъ, и что одинъ которой нибудь долженъ созидать, а другой разорять: а какое качество изъ сихъ двухъ приписать тому или другому, предоставляемъ на судъ каждаго. — Дѣло говоритъ само за себя такъ ясно, что стыдно было бы указывать на это и юношѣ, хотя мудрые вѣка сего и не видятъ: ибо Господь ослѣпилъ ихъ очи собственнымъ ихъ лукавствомъ, какъ того и достойны они. Естьли кто не хочетъ дать Церкви исторгнуть изъ души его горькаго корени лукавства, тогда справедливо, что-

бы уже Господь залѣпилъ ему тѣмъ и глаза его, дабы таковый ожесточенный безумецъ пребылъ во своемъ ослѣпленіи.

Изъ таковыхъ-то началъ происходитъ, что душа наша, зная противу чего погрѣшаетъ, противу того и борится. Одни грѣшатъ на Бога, другіе на Церковь, открывающую Бога. Первые отметая Бога, оставляютъ себѣ натуру, которая нѣма и безгласна; а сіи удерживая письмя о Богѣ, разоряютъ Церковь, дабы не слышать живаго глагола о Богѣ. Ибо тогда не было бы мѣста ни киченію разума, ни похотѣнію воли; тогда затворилась бы всякая дверь ко входу діавола въ міръ сей. Естьли бы мы всѣ наши воли слили во единую волю Церкви, чрезъ какія двери влезъ бы тогда и діаволъ въ стадо Христово? Конечно, Слово Божіе есть пища: да гдѣ же мѣсто пажити? И развѣ всякой злакъ произрастаетъ вися на воздухѣ, и развѣ стадо не требуетъ земли?

Когда же одни признаютъ натуру и любятъ ее за то, что она нѣма; то другіе за то не признаютъ Церкви и ее не любятъ, что говоритъ имъ слишкомъ ясно. Не одно-ли же это? Изъ сего мы не безъ основанія заключить можемъ, что концемъ лжемистическаго ученія будетъ таже на-

тура, поелику одинъ и тотъже духъ дѣйствуетъ и въ тѣхъ, кои отвергаютъ безсмертіе, и въ тѣхъ, кои отвергаютъ Церковь. Въ однихъ онъ дѣйствуетъ токмо открыто и прямо для грубыхъ душъ; а въ другихъ тонко и таинственно подъ различными образами и видами, дабы уловить души хотя неправыя съ Богомъ, но робкія по отношенію къ своей совѣсти. У однихъ онъ обратитъ Бога въ ничто, а у другихъ онъ себя выдастъ за Бога.

Отвергаютъ безсмертіе! Но поелику отвергать не возможно безъ вѣдѣнія, а вѣдѣніе собственно принадлежитъ разумной душѣ: то надобно, чтобы она вѣдала, что дѣйствительно безсмертіе есть вымыселъ, а не истина. Вѣдать же о семъ можетъ токмо тотъ, кто прежде всѣхъ человѣковъ могъ бы быть: ибо душа живущая въ человѣкѣ не болѣе можетъ знать, какъ и всякой человѣкъ. Откуда же оное вѣдѣніе у нечестиваго? Естьли оно само отъ себя, то это будетъ не то, чтобы душа вѣдать могла свое ничтожество; но что она вѣдаетъ въ себѣ причину, для чего желаетъ онаго ничтожества: такое вѣдѣніе можетъ въ ней быть, поелику оное въ ней и совершается и начинается. Но причина, нудящая насъ отрицать что либо, носитъ уже сама въ себѣ и вѣдѣніе о бытіи того, что

отрицаетъ. Ибо, естьли бы не было сего, то не было бы и той причины. Напримѣръ, естьли бы не было грѣха, не могло бы послѣдовать и отрицанія безсмертію; хотя бы впрочемъ тѣ дѣянія, кои мы называемъ студными и грѣхами, и были, какъ то видимъ въ тваряхъ, о коихъ сказать, что они грѣшатъ, было бы столько же непристойно, какъ бы сказать о человѣкѣ, что онъ не грѣшитъ, когда грѣшитъ. Потому-то твари не могутъ вѣдать о безсмертіи, какъ напротивъ человѣку не возможно не вѣдать онаго. И такое вѣдѣніе у него будетъ непосредственное отъ самой истины. Толь присуще намъ безсмертіе. Толь не возможно намъ отрицать онаго. Самое названіе грѣха доказываетъ, что есть безсмертіе, хотя мы и заемлемъ отъ грѣха вину отрицать оное, такъ какъ всякой грѣхъ носитъ въ себѣ и осужденіе свое, вопіетъ о своей казни, которой страхъ и есть то чувство, побуждающее насъ на отрицаніе безсмертія. И такъ, не внутреннее убѣжденіе о ничтожествѣ, но казни страхъ отталкиваетъ отъ нашего сердца сію для добраго утѣшительную правду, *живъ Богъ, жива душа моя.* И сей-то страхъ есть вмѣстѣ и нашъ обличитель, и свидѣтель бытія Божія, и вѣстникъ будущей жизни, и извѣсти-

тель суда Господня, и провозгласитель нашего беззаконія, и гласъ вопіющій въ пустыни нашего сердца о ожидающей насъ казни, и наконецъ онъ есть благой увѣщаватель, зовущій на покаяніе.

Нѣтъ такаго нечестиваго, который, естьли бы у него отнятъ былъ грѣхъ, не пожелалъ бы жить и по смерти, и для котораго сіе желаніе не обратилось бы въ свѣтлое убѣжденіе правды. Сей утѣшительной истины никто отрицать не посмѣетъ, ниже самъ невѣрный. И онъ невольно воздохнетъ при сей мысли, и въ самое то мгновеніе ощутитъ внутри себя нѣкое прикосновеніе дыханія отъ страны живыя: но діаволъ, не дремлющій надъ его гибелью, не коснитъ, и поспѣшаетъ потушить оное сладости полное чувство, возженное въ немъ отъ прикосновенія жизненнаго того вѣянія, прохладу коего онъ почерпнулъ былъ въ себя мгновеннымъ вздохомъ сердца. Чувство сіе паки закрылось, и Ангелъ тмы, яко стражъ, остался назирать за онымъ. Смерть восприняла свое владычество надъ душею нещастнаго, и мстя за мгновенное почувствованіе райскія сладости, съ новою лютостію возбуждаетъ сына погибельнаго на отрицаніе безсмертія. О естьли бы онъ волею своею

хотя каплю удержалъ изъ жизни, онъ почерпнулъ бы изъ нея и ученіе жизни; но она погасла, и ему инаго источника не остается къ почерпанію вѣдѣнія, какъ источникъ смерти, и тогда онъ самъ себѣ смерть возвѣщаетъ. Ибо, чувственная смерть есть погашеніе токмо временной жизни, а не уничтоженіе бытія. И такъ съ одной стороны нечестивые правы; подлинно они умираютъ: но токмо смерть ихъ не будетъ уничтоженіемъ бытія ихъ, но отнятіемъ отъ нихъ жизни Божія. Нѣтъ ничего справедливѣе сего, какъ чтобы тотъ въ будущемъ вѣкѣ отнялъ себя отъ тѣхъ, которые отрицаютъ его въ настоящемъ. Но сего недовольно. Язычники, каковъ былъ Сократъ и ему подобные, не отрицали Бога, искали Его въ природѣ и внѣ природы, любили Его и даже приносили себя въ жертву для утвержденія таковой истины. Слѣдовательно надлежало бы допустить что естьли нечестивые за отрицаніе Бога и безсмертія лишены жизни Божіей, то оные язычники наслаждаются оною. Ибо нѣкоторые люди не могутъ вмѣстить въ себѣ, какимъ бы образомъ тѣ мудрецы могли быть отчуждены отъ жизни Божіей, когда они и проповѣдывали Бога, и сообразно съ своими о Немъ понятіями и жизнь

провождали? И поелику не могутъ обнять онаго разумомъ своимъ, а также не хотятъ, да и не могутъ усмирить въ себѣ его киченія, которое есть не иное что, какъ демонское порываніе на утвержденіе въ нихъ духа пытливости: то они мнятъ приносить тѣмъ службу Богу, когда, по волѣ своей, удѣляютъ и язычникамъ отъ обѣтованныя Христіанамъ блаженныя вѣчности. Несмысленный мистикъ разсуждаетъ о языческихъ добродѣтеляхъ, судитъ о благости и правдѣ Божіей, ибо поставилъ правду свою на мѣсто правды Божіей, и учинивъ себя судіею между тѣмъ и другимъ, сочетаваетъ ихъ вмѣстѣ, какъ бы это было домашнимъ у него дѣломъ. Но развѣ Богъ онъ по существу Божію, дабы могъ вѣдать, какъ самосущая благость разсуждаетъ сама о себѣ и о добродѣтеляхъ языческихъ по отношенію къ себѣ? Не надобно здѣсь глубокой мудрости, дабы разсудить и понять, что объ истинѣ сего никто, кромѣ Самаго Бога, знать не можетъ. Мистику однако утвержденіе такаго ученія нужно, поелику чувствуетъ, что онъ не единаго съ видимою Церковію духа. Нужно ему крайне, чтобы внѣ таковыя Церкви было спасеніе; почему и ходатайствуетъ первѣе за язычниковъ, и да-

же за діаволовъ. Тако и въ обыкновенныхъ случаяхъ человѣческихъ: вступающій на путь лукавства, не себя первѣе ищетъ оправдать, но другаго, въ защищеніи коего видитъ свое собственное оправданіе: онъ даже знаетъ прикрывать сіе мнимою своею любовію къ ближнему и снисхожденіемъ къ его слабостямъ, между тѣмъ какъ все то, въ основаніи его души, есть разчетъ одного лукавства. Когда язычникъ внѣ Церкви можетъ спасенъ быть, то и мистикъ отвергающій Церковь тайно или явно. Для того-то Церковь наша постоянно отвергала такое начало, между тѣмъ какъ въ Западной оно вкралось, и стало соблазномъ Христу (*Мат.* XVI. 23): ибо учители ея, разсуждая о милосердіи Божіи, *не мыслили яже суть Божія, но человѣческая*, и восхотѣли мудрствовать паче написаннаго. О вѣнецъ и красота Церкви, Церковь Восточная, единая истинная, единая пребывшая въ членахъ своихъ вѣрною Главѣ своей! О блаженныя чада, коихъ ты воспріемлешь и воспитываешь на злачныхъ твоихъ пажитяхъ: о да погибнутъ всѣ востающіе на тебя; да прильпнетъ къ гортани языкъ, износящій на тебя слово лукавствія, да усохнетъ рука, утверждающая противу тебя завѣтъ съ адомъ.

На ономъ-то ложномъ началѣ основалось и сіе мистическое ученіе, что якобы противно было правдѣ Божіей мыслить, что язычники добродѣтельные погибнутъ. Дадимъ искупленію понятіе какъ можно простѣйшее и съ самой вещію сообразнѣе: то и оно не токмо обнаружитъ нелѣпость таковаго начала, но послужитъ доводомъ и тому, о чемъ прежде разсуждаемо было по отношенію мнимаго, и столькоже, какъ самъ адъ, бѣснаго мнѣнія о возможности спастися діаволу. Что есть искупленіе? Не другое что, какъ заплата долга за родъ человѣческій, который Сынъ Отцу своему принесъ за спасеніе наше. Долгъ сей заплаченъ за всѣхъ вообще, а усвоивать себѣ оную заплату есть обязанностію каждаго. Но какимъ образомъ такое усвоеніе производитъ наше спасеніе? Сіе не могло быть безъ особеннаго условія со стороны Божественнаго заплатчика. Иначе толикая жертва, съ которою одна жизнь Божія сравниться можетъ, былабы принесена напрасно. Итакъ, Сынъ Божій пришелъ къ намъ въ темницу, объявилъ, что онъ платитъ отцу своему за насъ долгъ. Но поелику жертва Имъ приносимая равняется безконечности оскорбленнаго нами лица Божія, то Онъ отдается на собственный нашъ разумъ,

можетъ ли Онъ принести оную за того, кто не захочетъ принять условія Его, нужнаго для того, дабы мы паки не впали въ неоплатный долгъ предъ Богомъ: ибо другаго искупленія не будетъ, и быть не можетъ. Богъ творитъ единожды, а не дважды, хотя и оное дважды бываетъ для того, кто пріемлетъ сердцемъ глаголъ Божій: тогда въ глаголѣ ономъ Богъ глаголетъ второе, хотя собственно Онъ самъ глаголетъ единожды. Безъ онаго условія, искупленіе было бы наруганіемъ (*соблазномъ*), происходящимъ уже не отъ слабаго и невѣдущаго человѣка, но отъ самаго Сына Божія; да не будетъ! Что ужаснѣе таковой мысли? —Сынъ снишелъ въ темницу, заплатилъ за насъ жизнію своею. Правда, долгъ заплаченъ; да должникъ-то и по рукамъ и по ногамъ еще связанъ, отъ долговременнаго заключенія покрылся язвами, струпьями, весь запачканъ, чоренъ отъ грязи, въ постыдномъ и лохмотномъ рубищѣ, какъ самый грѣхъ нечистомъ, отъ духоты и спертаго воздуха паче образъ скелета, нежели человѣка, имущій, какъ между тѣмъ надобно ему предстать предъ лице Царя Царей. Ктоже развяжетъ его оковы, кто умоетъ, кто исцѣлитъ, кто дастъ ризу и одѣяніе, кто удобритъ пищею, кто наставитъ пу-

тю къ Господу, и подобающему представленію предъ лице Его, кто научитъ образу глаголанія съ Нимъ, кто дастъ ему свидѣтельство, дабы показать, что онъ дѣйствительно тотъ, за кого долгъ заплаченъ? Обо всемъ этомъ пусть каждый изъ насъ размыслитъ. Но какая возможность судить человѣку, едва дышать могущему отъ смрада и тяготы мерзостей своихъ, какая возможность судить ему о правдѣ Божіей, и вѣдать, что ей пристойно, и что предосудительно? Одно уже такое покушеніе не будетъ ли дѣломъ клятвы? Не суть Совѣты Божіи, якоже совѣты наши, ниже якоже путіе наши, путіе Господни. Но яко же отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь Его отъ путей нашихъ, и помышленія наша, отъ мысли Божія (*Исаіи* 55). Самые язычники токмо надѣялись сего, и то между страхомъ, а мистики мертвую ихъ надежду дерзаютъ обратить въ самую жизнь Божію. Но водвореніе такаго ученія нужно было аду: ибо съ принятіемъ онаго должно необходимо вкрасться и сомнѣнію о силѣ и правдѣ искупленія. Ибо, когда Богъ есть не токмо Богъ живыхъ, но и мертвыхъ, не токмо Авраама, Исаака, Іакова; но и Сократа и Зороастра, то на что Христосъ? Для того-ли только, что-

бы въ нѣкоторыхъ пространнѣе вмѣстилась жизнь Божія? Но развѣ жизнь Божія не одна и таже, хотябы, такъ сказать, въ каплѣ, хотя въ цѣлой вселенной? Развѣ для того, чтобы купить куплю жизни Божіей, довлѣло языческой правды; а чтобы купить оной извѣстное количество, опредѣляемое токмо выкладками мистики, такъ для сего потребно стало смерти и поношенія единороднаго Сына Божія? И развѣ Богъ менѣе Богъ въ каплѣ какъ и въ полнотѣ своей жизни? Но и тогда это было бы тоже, что Сынъ Божій принесъ себя въ жертву, не вообще за родъ человѣческій, но собственно за нѣкоторыхъ мистиковъ: ибо насъ правовѣрныхъ они нарекли уже Анти-Христіанами, а добродѣтельные язычники и безъ искупленія сподобились общенія съ Богомъ. Тако, по ихъ тайному понятію, искупленіе совершилось не ради помилованія и пощадѣнія нашего: но ради количества удѣляемыя отъ Бога жизни. Ибо язычники пріобрѣтали Бога по мѣрѣ своихъ добродѣтелей: слѣдовательно возможность пріобрѣтать Бога и безъ Спасителя существовала. Добродѣтель есть уже жизнь Божія, безъ которой она не будетъ добродѣтелью, но простымъ возбужденіемъ души, влекущимъ ее къ неизвѣстному, но

ею предчувствуемому добру. Слѣдовательно и до пришествія Спасителя, Богъ былъ съ язычниками, и они его вѣдали, хотя и не носили на себѣ имени Христова: но по видимости мистическая мысль есть сія, что Христосъ пришелъ въ міръ, не для искупленія его, но, видя погасающую вовсе жизнь Божію въ человѣкахъ, восхотѣлъ привлечь ее паки на землю съ новою силою. А сіе выйдетъ опять на сказанное выше, что Спаситель не за грѣхъ Адама пострадалъ, но для пріобрѣтенія извѣстнаго количества жизни Божіей; словомъ, пострадалъ не какъ Богъ, но какъ мудрецъ по превосходству. Сіе же паки открываетъ намъ тайную связь духа мистическаго съ духомъ вообще язычества. Діаволъ, который вѣдалъ, что учинитъ такое умосмѣшеніе посредствомъ онаго ученія, не не зналъ и того, что такъ какъ оно ведетъ къ совершенному уничтоженію правды Искупленія, то сіе самое и можетъ возмутить въ нѣкоторыхъ боязливую совѣсть. Для того онъ крайне опасаясь, чтобы они не пришли отъ сего въ разумъ истины, всячески старался укоренить, какъ можно глубже, то понятіе чрезъ привитіе онаго къ ихъ собственной добротѣ: ибо увѣренъ былъ, что когда успѣетъ въ этомъ, то поведетъ ихъ

совсѣмъ въ превратные толки. Главная же его цѣль состояла въ томъ, что какъ онъ не не зналъ того, что истинная Церковь ни подъ коимъ видомъ не отступитъ отъ кореннаго своего ученія: то онъ, преобразованную по своимъ началамъ доброту ихъ, и противупоставитъ чрезъ то правилу Церкви; а сіе только и надобно ему (*).

(*) Твердость Церкви, какъ самая благость Божія, не измѣнна, между тѣмъ какъ доброта человѣческая ко всему можетъ примѣнять себя, сообразуясь съ духомъ своимъ, и между тѣмъ, какъ ничто такъ удобно не обольщаетъ и самолюбіе человѣка, какъ таже его доброта сердца. Мистикъ любитъ обозрѣвать себя въ дѣйствіяхъ сей доброты, но крѣпко смѣжаетъ очи свои, дабы не зрѣть, какой духъ движетъ въ немъ оною. Почему онъ охотно станетъ по чувствованіямъ въ себѣ доброты своей разсуждать и о благости Божіей, и вмѣстѣ крайне опасаться того, дабы не увѣдать, какимъ духомъ онъ движется на разсужденіе о ней. Ибо иное есть свойство доброты, иное духъ, обращающій то свойство въ ту или иную сторону. Не доброта, но духъ разсуждаетъ: слѣдовательно лукавый духъ дастъ сообразное съ собою и направленіе благости. Хотя же по наружности образы оной, такъ какъ отъ нея, и будутъ добрые; но послѣдствія всегда гибельныя, яко отъ духа зла. Чѣмъ духъ въ человѣкѣ, при свойствѣ добромъ, преискреннѣе соединится съ духомъ лукавымъ, тѣмъ ги-

Во всемъ же этомъ діаволъ надѣялся успѣть, вѣдая, что лукавство всегда ищетъ предлога къ раздѣленію; и естьли кто имѣетъ робкую совѣсть итти прямо на истину, то изобрѣтаетъ мнимую причину.

бель его неизбѣжнѣе и бѣдственнѣе. Тогда, чѣмъ глубже станетъ онъ погружаться въ глубины благихъ своихъ свойствъ, и извлекать оттолѣ перлы ея, для наряженія въ оныя составляемыхъ имъ образовъ: тѣмъ заразительнѣе будетъ его дыханіе для міра. Тогда дерзнетъ онъ судить и о благости Божіей, и присвоитъ ей духъ свой, не вѣдая того, что онъ и о собственной своей добротѣ судитъ духомъ лукавства, и тотъ-же духъ пребеззаконный приписываетъ Богу, чѣмъ и довершаетъ свое нечестіе. Вотъ что̀ значитъ удалять себя отъ Церкви! Удивительно-ли, естьли таковый мистикъ такъ превратно разсуждаетъ о Церкви, и устремляется на разореніе ея! Вмѣсто того, чтобы доброе свое свойство привить къ духу Церкви своей, онъ, напротивъ, отдѣляетъ отъ нея духъ свой; тчетъ изъ своей хитрости одежду и творитъ въ сердцѣ своемъ храмину духу злобы. Составляя же изъ своей благости, таковымъ духомъ напоенной, нѣкакій образъ, прикладаетъ оный къ Богу, и богохульными своими устами нарицаетъ оный образомъ Божіимъ, между тѣмъ, какъ то есть образъ діавола... Естьли читатель хотя мало въ сію глубину приникнетъ безъ предубѣжденія, то уразумѣетъ тайну мистики, и содрогнется всѣми своими костями, естьли и онъ занесъ уже ногу въ бездну сію.

Такъ и въ семъ случаѣ: Вѣра состоитъ въ Богѣ; противу Бога итти мистики не дерзаютъ. Вѣра состоитъ въ вѣрованіи въ Бога чрезъ Христа. Не отрицаютъ явно и сего мистики. Но Христосъ есть уже камень претыканія для демона. Не дерзаетъ онъ возмущать мистической совѣсти открытою бранью противу Сына Божія. Но онъ знаетъ, что какъ истинный Богъ не можетъ быть познанъ безъ истиннаго Христа, такъ и Христосъ, яко истинный Богъ, не можетъ быть познанъ безъ истинныя Церкви. Но видимая Церковь состоитъ изъ людей: болѣе сего и не надобно для хитрости демонской. Недостатки сихъ людей онъ броситъ въ глаза мистиковъ, и оными заградитъ разумное ихъ око, дабы не могло видѣть святости и добродѣтелей Церкви. Нападать на Церковь не будетъ уже тогда нападать на Бога, но на людей; а сіе для мистической совѣсти уже и легче: пороки же служителей ея, и вообще стада Христова, послужатъ для нихъ готовымъ оправданіемъ. Какъ будто бы пороки духовныхъ и другихъ Христіанъ составляютъ сущность нашей Церкви; и какъ будто исправлять первыхъ было бы очищать Вѣру. О темнаго безумія! Они и того не примѣчаютъ, что самымъ

тѣмъ, что говорятъ объ очищеніи Вѣры, проговариваются, и доказываютъ, что не пороки духовныхъ и Христіанъ на умѣ у нихъ, но Церковь, отъ которой хотятъ очистить Вѣру. Иначе надлежало бы говорить, очищать Церковь, хотя и сіе не менѣе было бы дерзко и безмѣстно, особливо въ устахъ учителя. Для того-то разорять Церковь назовутъ они очищеніемъ Вѣры; и между тѣмъ какъ пороки пребудутъ тѣже въ служителяхъ духовныхъ, у Церкви мало по малу станетъ недоставать то того, то другаго: то крещеніе перестанетъ быть таинствомъ, то евхаристія тѣмъ, за что Церковь принимаетъ, и такъ далѣе. Прибавимъ къ сему, что ежели Священство умолкнетъ, видя таковое разореніе въ дому Божіемъ отъ мерзости запустѣнія, Господь изліетъ и на нихъ гнѣвъ свой и предастъ ихъ въ неискусенъ разумъ, отъ чего многіе, устрашаяся человѣковъ, а Бога не страшася, пріобщатся ученію нечестія, вдадутся въ вящшія нестроенія; а сіе то паки и послужитъ къ вящшему торжеству нечестія и къ соблазну неискусныхъ.

Діаволъ всего этаго не могъ не вѣдать, какъ не могъ не вѣдать и того, что какъ скоро разоритъ онъ въ народномъ ра-

зумѣ повиновеніе къ Церкви, тогда ученіе ея не уцѣлѣетъ въ простотѣ своей, которая одна доселѣ сохраняла оное въ безпримѣсной чистотѣ духа; и что самые тѣ, у коихъ робкая совѣсть устрашается отрицать Христа, непосредственно измѣнятъ тогда о Немъ понятія по началамъ своего сердца. Тогда удерживая имя Христа только по единому письмени, всякой между ими станетъ почитать подъ образомъ Христа, то, что придетъ ему на мысль. На примѣръ, вотъ какое заключеніе произойти должно въ самой умѣренной мистикѣ, неправой передъ Церковію и отъ нея устранившейся. Не льзя мыслить, скажетъ она, чтобы осужденіе добродѣтельныхъ язычниковъ сходно было съ благостію творческою. Они искали Его, любили, приносили Ему въ жертву жизнь свою. А когда такъ, то Богъ былъ ими вѣдомъ; а сему опять не льзя было учиниться безъ того, чтобы Богъ не сообщалъ имъ Себя. Тутъ вѣра во Христа и нужда въ искупленіи поколеблются; облако сомнѣнія обляжетъ грудь; и боязливая совѣсть возмутится. Надобно покориться Церкви; но мягкая человѣческая благость не можетъ опочивать на жесткомъ ея возглавіи, на каковомъ уснулъ Іаковъ. Она паки въ себя

погружается и судитъ по себѣ о благости Божіей, и свои возмущенія на Церковь пріемлетъ уже за внушенія свыше. Давно бы разрывъ послѣдовалъ съ Церковію, но имя Христово пока мѣшаетъ. Какимъ же бы образомъ добродѣтельныхъ язычниковъ примирить со Христомъ мимо Церкви? Весьма удобно для мистики. Христосъ есть жизнь Божія, жизнь облеченная въ Слово, оттуда глаголъ живота, и онъже есть человѣчество, слово жизни, Богомъ чрезъ духа своего вглаголанное въ человѣка, которое и привлекло къ себѣ силою своею все, что̀ есть чистѣйшаго и съ нимъ сообразнаго въ человѣкѣ. Такимъ образомъ Христосъ могъ быть и въ язычникахъ не вѣдавшихъ Христа. То есть, Богъ и въ нихъ могъ вглаголать слово жизни, какъ и сіе привлечь къ себѣ чистѣйшую сущность плоти. А сіе-то и есть у мистики вочеловѣченіе Бога. Тоже былъ у нея и Самъ Христосъ, токмо въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова; ибо не въ мѣру Богъ даетъ духа своего. Для чего же нуженъ былъ Христосъ, по понятію глубинъ сатанинскаго ученія? Очевидно, для того, для чего былъ нуженъ Сократъ для одного народа, Конфуцій для другаго, Зороастръ для той страны, а Трисмегистъ для Египта: Хри-

стосъ же вообще для многихъ народовъ и племенъ, дабы вѣдѣніе Бога не погасло въ людяхъ, но дабы еще по пророчеству исполнилось Слово Господне, *излію отъ духа моего на всякую плоть.* Вотъ какъ мистикъ самъ себя просвѣтляетъ и самымъ писаніемъ успокоиваетъ свою, духомъ лукавства омраченную совѣсть. По сему ученію, и подлинно, на что надобна будетъ Церковь, когда такъ просто и свободно и пространно и безъ нея обойтися можно. Она лишь будетъ помѣхою при разчищеніи путей къ Господу тьмы, егоже безумные нечестивцы именуютъ Господомъ вселенныя. Итакъ они по самымъ началамъ своего ученія должны вооружаться на видимую Церковь, которой свѣтъ такъ ясно открываетъ всѣ ихъ мерзости, совершаемыя ими посреди ихъ мрака. Наконецъ замѣтимъ, что съ того времени, какъ начали появляться Христіанскія книги, написанныя мистиками, гдѣ Христосъ *ей* и *ни*, съ того времени, говорю, имя Христово стало разоряться; оно стало свѣтлымъ словомъ, глаголющимъ *ей*, но полнымъ духа тьмы, оставляющимъ въ душѣ читателевой, *ни.* Отъ чего Христіанство у многихъ стало не тѣмъ, чѣмъ есть оно по существу своему, но чѣмъ кому угодно, смотря по тому,

у кого какое сердце. О Церкви же и говорить не для чего; у всякаго стала своя внутренняя, гдѣ молятся какому-то Господу, о которомъ ежели судить по наружнымъ ихъ дѣйствіямъ, производящимъ однѣ опустошенія, то сей Господь долженъ быть духомъ разрушенія и разоренія.

Итакъ у мистиковъ нѣтъ Христа, сего образа Ипостаси Бога-Отца. У нихъ вся природа Христосъ до послѣдней былиночки: ибо и она не естьли выраженное откровеніе Божіей мысли. Въ человѣкѣ же выраженіе воли Божіей есть токмо дѣло по превосходству. Ибо Духъ Святый (о мерзости запустѣнія!), ибо Духъ Святый, по ихъ Вавилонскому ученію, приспособляющій дѣйствіе свое къ натурамъ разныхъ существъ, сохраняя каждое изъ нихъ, сообщаетъ существенную имъ силу и качества имъ свойственныя, даетъ грубымъ существамъ бытіе, злакамъ растѣніе, животнымъ чувственную жизнь, человѣку умъ естественный, а Христіанину оную духовную и высшую жизнь, *жизнь внутреннюю и сокровенную въ Богѣ.* (*) Такимъ образомъ видятъ вѣрные, какъ у мистиковъ Духъ Святый,

---

(*) Христ. Философія, часть III. стр. 58.

отъ грубаго камня до сокровенной въ Богѣ жизни, есть духъ единый, облекающійся въ толикоже разноизмѣняющіяся естества, или Христы или виды выраженій мыслей и воли Бога, что̀ все у нихъ будетъ одно и тоже. Почему и здѣсь не безъ основанія и правды сказано, что у мистиковъ вся природа есть Христосъ, и Самъ Христосъ, отъ дѣвы рожденный, есть токмо въ ряду степеней твари, Христосъ по-превосходству благодати присобляющагося Духа.

Впрочемъ, ученіе о спасеніи язычниковъ мимо Церкви, первѣе родилось въ Западныхъ ересяхъ. Онѣ, видя себя осужденными отъ той Церкви, которая проповѣдуетъ, что внѣ ея нѣтъ спасенія, прибѣгли къ изобрѣтенію возможности спасенія язычникамъ, да чрезъ то сами явятся оправданнѣе противу осуждающей ихъ Церкви. Безъ сей уловки, онѣ бы сами находились въ величайшемъ затрудненіи, какъ выпутать себя изъ онаго осужденія. Итакъ не язычники въ слѣдствіе ихъ оправдываются, но они, какъ это видно, отъ язычниковъ изобрѣтаютъ свое спасеніе. Вотъ что̀ значитъ отдѣлять себя отъ Церкви!.... Ибо, естьли бы и оныя Ереси утверждали относительно язычниковъ, что имъ не мо-

жетъ быть спасенія внѣ Церкви, то имѣли бы право вопросить у нихъ, внѣ какойже Церкви? Трудность сію онѣ чувствовали, и для того-то принуждены были, дабы не казаться въ глазахъ своихъ преступными, разорить неприкосновенность Церкви, противу точнаго глагола Господня (*Апок.* XII. 15). Горе міру отъ соблазнъ!

Церковьже наша знаетъ единаго Христа, и только въ немъ знаетъ Бога. Всѣхъ язычниковъ отвергаетъ отъ себя безъ изключенія, поелику она есть тѣло Христово вся безъ изключенія. Таковая ли непоступная твердость Церкви не покажется черствою для той благости, въ которую завилъ себя духъ лукавый, и онъ-ли не станетъ обращать въ человѣкѣ оной благости противу суда Церкви, которой строгость есть на собственное его осужденіе? Собственнымъ своимъ возмущеніемъ онъ возмутитъ духъ человѣческій; а дабы такое въ себѣ возмущеніе человѣкъ непочелъ за укоризну совѣсти, то поспѣшитъ внушить въ него противное, и увѣрить, что оное происходитъ отъ праведнаго негодованія на то, что якобы Церковь жестокость своихъ служителей вмѣнила въ правду Божію, и превратила Судъ Бога по началамъ человѣческимъ. Отсюда благовид-

ный предлогъ для лукавыхъ противу Церкви, и для раздвоенія ихъ съ нею, что обыкновенно оканчивается враждою на нее, на служителей ея, и на все, что къ ней прикасается. А какъ нужно, дабы таковый предлогъ могъ быть оправданъ и въ глазахъ другихъ, и чтобы ополченіе на Церковь не показалось богопротивнымъ дѣломъ, то они, въ успокоеніе таковыхъ, нарекли поступокъ свой благимъ дѣломъ очищенія Вѣры, дѣломъ Самаго Бога. Но сіе беззаконіе, чтобы выше главы своей возноситься, на толико же удалено отъ Церкви, на колико Западъ отстоитъ отъ Востока. Для нея нѣтъ ни Сократа, ни Конфуція: одинъ Христіанинъ есть сынъ ея. Всякое другое имя есть для нея чуждо. А можетъ-ли быть какое средство, или паче возможность къ помилованію, такъ называемыхъ добродѣтельныхъ язычниковъ, сіе предоставляетъ строительству тогоже Промысла; увѣрена будучи, что пытливое вѣдѣніе о семъ ни сколько не содѣйствуетъ къ спасенію вѣрныхъ, и ни до нея, ни того болѣе, до нихъ не касается. Будутъ-ли они осуждены или нѣтъ, знать сіе нѣсколькими минутами прежде или послѣ, все равно. Предварять же Судъ Божій не есть уже добраго духа. Осудитъ-ли ихъ Господь или

помилуетъ; въ томъ и другомъ случаѣ не менѣе Онъ будетъ Богъ правды и благости. И сіе собственно единому принадлежитъ Богу. Дѣломъ Церкви оно быть не можетъ. Она печется о своихъ. Христосъ о семъ умолчалъ. Молчитъ и она. Церковь, доколѣ она носитъ имя Христово, и имѣетъ Его главою, не можетъ инаго говорить, какъ что внѣ ея нѣтъ спасенія, хотя пути неизслѣдимыя благодати Божіей открывались бы и кромѣ ея, или сокращались, такъ какъ кратокъ былъ на крестѣ и путь разбойника въ Рай со Іисусомъ Христомъ. Всякой другой языкъ былъ бы на собственное ея разореніе, на истребленіе имени Христова, на уничтоженіе истиннаго служенія Богу. Тогда она была бы ничто, ибо была бы и *ей* и *ни;* и бывъ таковою сама, не могла бы инаго проповѣдывать Христа, какъ подобнаго себѣ; между тѣмъ какъ проповѣданный Апостолами Божій Сынъ, Іисусъ Христосъ *не бысть ей и ни, но въ немъ самомъ ей бысть* (2 *Кор.* I. 19). Но естьли Христосъ есть весь *ей*, то какъ Церковь его будетъ и *ей* и *ни?* А то развѣ не было бы и *ей* и *ни*, когда бы смѣшать ученія всѣхъ Церквей, изъ коихъ одна другой противурѣчитъ, кольми паче смѣшать и всѣ языки? Вотъ почему истинная Цер-

ковь, пріявшая отъ Христа одно *ей*, всякое *ни* отъ себя бодрственно отрѣваетъ. Одинъ закланный за грѣхи наши Агнецъ имѣетъ власть снять печать съ сей тайны: но сіе не прежде какъ на судѣ Господнемъ, въ который день книги совѣстей разогнутся, да единъ Господь оправдится. Есть-ли есть таковымъ язычникамъ спасеніе, то оно не индѣ обрѣтается, какъ въ той же Господней волѣ, которою Господь основалъ и Церковь свою: и въ томъ не будетъ противурѣчія, поелику Церковь проповѣдуетъ то одно, что открыто ей; а что отъ нея до времени сокровенно, о томъ гадать не дерзаетъ: это было бы говорить не токмо по произволенію своему, безъ твердаго основанія, но и вопреки Божіей воли. Это-ли знаменія истинныя Церкви? Когда Богъ запечаталъ, откуда дастся твердость мнѣнію, и какъ можетъ оно быть когда либо истиною? Мало-ли чего утаилъ Господь отъ своей Церкви для ея же будущаго прославленія, и для оправданія пребывшихъ ей вѣрными сыновъ ея? Церковь точію въ томъ *ей*, что открыто ей. Итакъ, ежели есть спасеніе избраннымъ язычникамъ, то оно включено въ чертежъ промыслительнаго Божія о Церкви своей строительства, и поелику обрѣтает-

ся въ воли Божіей и Христа, то равно находится и въ самой Церкви. Когда печать вскроется, тогда хотя бы язычники оные осуждены были, хотя бы спасены, Церковь равно явится оправданною, всегда будучи сама въ себѣ *ей*. Она была *ей*, поелику во всѣ концы вселенныя проповѣдывала, что внѣ ея нѣтъ спасенія и быть не можетъ. Она была *ей*, поелику и самое спасеніе язычниковъ заключалось въ явленіи будущей ея славы у Бога. Первымъ случаемъ она оправдывала Христа, послѣднимъ неизмѣнное упованіе свое на Бога. Ибо и Богъ, осудитъ или помилуетъ оныхъ язычниковъ, всегда въ самомъ себѣ пребудетъ *ей*, а такимъ образомъ и Церковь, которая и нынѣ не осуждаетъ ихъ, ибо не были они дѣтьми ея, равно какъ и не отвѣчаетъ за нихъ; но токмо не пріемлетъ въ лоно свое наравнѣ съ чадами своими и принять не можетъ. Имя Христово не вмѣщаетъ ихъ въ себя, а потому и Церковь его. *Нѣтъ бо иного имене подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ* (*Дѣян. IV*. 12). Глава Церкви Христосъ; члены Церкви Христіане; какимъже образомъ содѣлаетъ она своими членами язычниковъ? Допустить язычниковъ въ сію Церковь, было бы измѣнить ее въ началахъ ея, ра-

зорить ее; это было бы, посредствомъ таковыхъ приставленныхъ членовъ, внести въ нее совсѣмъ иной духъ, противный тому духу, которой обитаетъ въ ней, которымъ она созидается и держится. Это было бы на мѣсто сей Церкви поставить совершенно другую на ея разореніи. Какая же Церковь можетъ согласиться на свое собственное разореніе? Итакъ, какъ бы ни называли нѣкоторые самоосужденные еретики духа живущаго въ нашей истинной Церкви, сама Церковь именуетъ Его духомъ Христовымъ; и потому проповѣдуетъ, что внѣ Церкви, есть и внѣ Христа; а что и у Бога внѣ Христа никто спастися не можетъ, о семъ Церковь столь же увѣрена, какъ и въ томъ, что она есть Христова, а Христосъ Божій. И потому, естьли есть у Бога нѣкоторымъ язычникамъ мѣсто спасенія, то не мимо воли Христовой, какъ это окажется и на судѣ Господнемъ. Прежде же сего рѣшать о семъ было бы дѣломъ беззаконія, и Церковь потерпѣть сему не можетъ: ибо это было бы сказать на себя ложь, яко бы и внѣ ея и внѣ Христа могло быть спасеніе. Колико заблужденій, колико мистическихъ уклоненій породило одно такое мнѣніе въ пользу спасенія языческаго, но вопреки мнѣнію о семъ

Церкви! Оно поколебало на Западѣ все основаніе Церкви, произвело превратные толки богослововъ, и самая Церковь въ послѣди ничего не могла сказать рѣшительнаго о семъ предметѣ: толико-то мнѣніе міра преобладало между ея учителями. Одна Восточная Церковь сама себѣ пребыла вѣрною, и ни на шагъ никогда не хотѣла уступить міру. О Церковь свыше благословенная, всегда мудрая и богатая въ неизмѣнной простотѣ своей!

Но куда перенесемъ нынѣ дѣло наше, дабы увѣриться въ точности ученія Церкви, истинно-ли внѣ оной нѣтъ спасенія? Естьли что святѣе Церкви? Когда есть, то уже Церковь не можетъ наречься святою: ибо ежели Духъ Божій обитаетъ въ ней, то какая дерзость будетъ наименовать иную вещь святѣе Церкви. Когда же Духъ Божій не обитаетъ въ ней, такъ она не будетъ болѣе Церковію, но кумирницею, и всякое совершаемое въ ней служеніе, такъ какъ никакое служеніе не бываетъ безъ относительнаго своего лица, будетъ тогда службою идолопоклонническою. Хотявсѣ таковыя простыя разсужденія сами собою указываютъ, какого понятія мистики о Церкви истинной, и какого они сами духа; однако, дабы въ дѣлѣ толикой важ-

ности ничего не оставить, что можетъ послужить къ нашему успокоенію, то продолжая наши разысканія, вопросимъ куда обратимся съ нашимъ переносомъ на Церковь? Одинъ остается разумъ, или паче то, что называютъ разумомъ. Но гдѣ начала, гдѣ основаніе сего разума? Можетъ-ли зданіе стоять ни на чемъ, можетъ-ли образоваться какая либо наука и не имѣть своихъ собственныхъ началъ? Да укажутъ намъ начала и основаніе сего разума; да укажутъ тѣло его, до котораго ни чья бы рука прикасаться святотатски не дерзала; да укажутъ хотя двухъ человѣкъ, которые бы мыслили въ слѣдствіе того разума одинаково, и за точность таковой въ себѣ одинаковости ручались искренностью совѣстей своихъ; чтобы они живя въ свѣтлости того разума, не токмо бы одинъ другаго усматривали въ основаніи своихъ сердецъ, но еще бы видѣли утвержденными на себѣ и пресвѣтлые очи того разума, и притомъ отличали бы и бывшихъ его вѣрныхъ служителей въ строительствѣ его храмины, такъ какъ посреди бѣла дня видятъ себя взаимно собесѣдующіе, и видятъ свѣтило небесное, осіявающее ихъ. Но есть ли такое требованіе должно оставаться безъ удовлетворенія: то что будетъ ра-

зумъ, и что тѣ, кои обращаютъ насъ къ оному всякой разъ, когда дѣло идетъ о Церкви? Но какъ скоро доходитъ до повѣрки разума каждаго изъ таковыхъ учителей, тогда, не терпя сего, вопіютъ на нетерпимость. Словомъ, разумъ ихъ въ сущности есть не другое что, какъ одно одушевленное сумазбродство: это безобразный змій, котораго весь составъ изгибается во всѣхъ своихъ частяхъ, и каждое мѣсто на его тѣлѣ служитъ ему точкою опоры и, пособляетъ лишь его пресмыканію.

Гдѣ же оный разумъ, съ которымъ должно совѣщать и повѣрять глаголы Церкви? Да не обольщаетъ насъ и то, когда укажутъ на Св: Писаніе. Произвольное о немъ сужденіе не можетъ и не должно быть признаваемо за руководство въ чтеніи онаго. Ежели оно написано вдохновенными непосредственно самимъ Духомъ Божіимъ, то произвольное разумѣніе или толкованіе онаго ни подъ какимъ образомъ не можетъ имѣть здѣсь мѣста. А чтобы произвольность не могла имѣть мѣста въ семъ случаѣ, чего и самые лукавые умы не признать не могутъ; то нѣтъ толь простаго разума, который послѣ сего не согласился бы по самой очевидности дѣла, что дабы Писаніе изъясняемо было безъ произволенія, какъ тому и быть должно: то для сего необходимо потребно

руководство, которое было бы не отъ міра сего, но отъ того же духа, который есть творецъ онаго Писанія. Потребно, чтобы руководство оное было видимо и равно для всѣхъ неприкосновенно; а сего сдѣлать не льзя инако, какъ лишь посредствомъ людей: ибо мы не на небѣ покуда. Руководство сіе должно быть кпому постоянно; и поелику отъ Бога, то и освящено паче всякія на земли вещи. Власть сего руководства необходима, дабы каждый покорялъ оной себя до обнищанія своего духа, да съ покореніемъ пріиметъ въ себя духа того разума, который объясняетъ и то, что написалъ онъ въ тѣхъ книгахъ для нашего спасенія: ибо читать Священное Писаніе собственно не есть читать письмя его, но Духа Божія. Для того-то нужно и то руководство, дабы приступали къ принятію Духа Божія съ такимъ сердцемъ, которое было бы предварительно предуготовлено для того тѣмъ же Духомъ, а не всякимъ духомъ (*Еф.* IV. 14); чего однако, какъ сіе для всякаго ощутимо, безъ видимаго руководства, во власть облеченнаго, которая бы обуздывала всякое произволеніе духа, учинить не возможно. Безъ сей же власти руководствующей приступать къ чтенію Писанія значитъ дѣ-

лать оное пастбищемъ всякаго животнаго, которое, нечистымъ своимъ рыломъ, можетъ быть, все взроетъ на поверхности, но глубины его не достанетъ: ибо письмя, яко вещь земную, можно взрывать и избугрить, но Духъ Божій укрывается, и не приходитъ къ намъ, когда мы сами о себѣ свидѣтельствуемъ, яко праведницы есмы. *Не хваляй бо себе сей искусенъ, но его же Богъ восхваляетъ* (2 *Кор.* 10. 18). *Да хвалитъ насъ искренній, а не наша уста* (*Прит.* 27. 2). А оная-то власть и есть Церковь видимая со всѣмъ своимъ соборомъ. Безстудный мистикъ да не указываетъ намъ на пятна такого-то духовнаго служителя: какъ бы худы нѣкоторые Церковные стражи ни были, худость ихъ не должна соблазнять насъ противу Церкви, въ которой мы чтимъ Главою Христа, членами же Апостоловъ и Пророковъ, потомъ Святыхъ, которые соблюдали ее и устрояли въ ней нужное, не по порочнымъ намѣреніямъ, но, Духомъ Святымъ. Сію Церковь мы чтимъ, и другой не знаемъ.

Никакая книга не читается безъ отношенія нашего разума къ тому, кто писамъ оную, и когда читаемъ, то желаемъ приникнуть въ разумъ того, кто писалъ ее, а не свой; и въ случаѣ недомы-

шленія нашего, не относимся-ли къ самому сочинителю, а естьли нѣтъ его въ живыхъ, то не стараемся-ли узнать тѣхъ, съ которыми онъ близокъ былъ или тѣсно соединенъ: не отъ нихъ ли ищемъ пособія къ объясненію своего сомнѣнія? Тако отрицаются отъ своего разума и по отношенію книгъ мірскихъ; даже и онѣ потеряли бы для насъ прелесть свою, естьли бы, на мѣсто разума сочинителева, вздумали вставлять свой, что было бы сущимъ признакомъ лжи, или сумасшествія нашего. И даже, когда бываемъ въ необходимости дѣлать сіе по темности мѣста, то ласкаемъ себя, что отгадали разумъ самаго писателя. Одно-ли Священное Писаніе должно оставаться на произволъ каждаго; одному-ли Богу терпѣть сіе, чтобы всякой безнаказанно не токмо могъ читать оное и толковать, какъ ему захочется, но и дерзать выдавать разумъ свой за разумъ Божій, и мерзость своего духа за правду Духа Божія? И ужели Творецъ книгъ Священныхъ, яко же человѣкъ, умираетъ, и не болѣе, какъ тотъ имѣетъ средства и возможности сохранить духъ Свой въ ученикахъ Своихъ и въ Церкви? Безъ сего, для чего бы и тѣ книги писать, когда онѣ, какъ и всѣ прочія книги, должны зависѣть отъ произволь-

наго разумѣнія каждаго? Безъ сего, существованіе сныхъ книгъ не было бы благословеннымъ даромъ Бога, но яблокомъ раздоровъ. Но кому лучше сіе вѣдать, какъ не тому же Богу, что сердце наше создано Имъ для любленія и священія Его имени, что имя Его должно быть нашимъ сердцемъ, а сердце Его Именемъ, что человѣкъ, вмѣщающій въ себѣ такое сердце, не возможетъ потерпѣть въ себѣ ничего чуждаго тому духу, который неразлученъ съ Именемъ Божіимъ, и весь живетъ въ ономъ; что таковый скорѣе согласится на всѣ поношенія, нежели допуститъ, чтобы Имя сіе было въ немъ поношаемо подъ гнуснымъ и богоненавистнымъ предлогомъ терпимости, искажающей и терзающей Имя Божіе по произволенію своему: ибо сія-то терпимость, за невозможностью учинить сего съ самой сущностью Божества, съ адскимъ сластолюбіемъ произведетъ сіе надъ писменемъ онаго. Вотъ что называется у вѣка сего терпимостью, какъ и равнодушное на сіе глядѣніе, просвѣщеніемъ.

Гдѣ же обрѣтается разумъ, къ которому имѣли бы мы право обратиться и прибѣгнуть, да узнаемъ отъ него что либо о Церкви, да повѣримъ судомъ его судъ Церкви? Не вся-ли земля передъ нами; гдѣ

же обрѣтется мѣсто разума? Мы видимъ Церкви и кумирни, но гдѣ храмина разума? И для чего разумъ, какъ не для того, дабы покланялся Богу? Гдѣ же разумъ сей, гдѣ Богъ его, и гдѣ его служеніе? Толико вѣковъ стоитъ міръ, а онъ не видимъ, и ежели есть гдѣ, то почто, яко тать, укрывается отъ свѣта, и не дерзаетъ огласить торжественно имени своего Бога? Ежели есть онъ гдѣ, почто укрывается и выжидаетъ для явленія своего удобности случая? Развѣ это свойство Бога истиннаго, того Бога, который и глаголанное Имъ во тмѣ, повелѣваетъ ученикамъ Своимъ провозглашать во свѣтѣ, иеже во уши слышатъ, проповѣдать на кровѣхъ, не страшася отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити (*Мат.* X); того Бога, который учениковъ Своихъ посылаетъ къ людямъ, яко овецъ посреди волковъ? Богу ли правды выжидать удобныхъ случаевъ? Итакъ, или нѣтъ во все самостоящаго въ мірѣ разума, или, ежели онъ есть гдѣ, но какъ разбойникъ укрывается по темнымъ мѣстамъ: то таковый разумъ будетъ, по самой необходимости, образъ діаволовъ. Богъ его будетъ Царь преисподней, и служеніе служеніемъ смерти въ снабдѣніе ада.

Однако есть разумъ, и поелику онъ есть

разумъ истинный, то и будетъ едино съ Церковію, и есть плодъ ея. Къ нему обращаться можно, но не съ тѣмъ, чтобы повѣрять Церковь, но лишь объяснять свои собственныя недоумѣнія къ большему себя убѣжденію въ истинѣ Церкви.

Гдѣ же разумъ сей? Нигдѣ какъ въ чистомъ о единомъ Богѣ понятіи и любви. И сей-то разумъ учитъ, что Богу учинить было возможно, одно изъ двухъ: либо сотворить точію тварь, или произвести Существо Себѣ подобное. Что пристойнѣе принять по отношенію къ Богу, всякой можетъ разсудить самъ собою, такъ это ясно и просто. Ибо ежели бы Богъ первоначально произвелъ тварь, то уже нелѣпо бы послѣ сего было мыслить, яко бы Онъ восхотѣлъ родить потомъ Сына: это было бы облобызать въ себѣ мысль о сотвореніи твари первѣе, чѣмъ благоволить о рожденіи Сына своего: это было бы воображать, что Богъ находитъ болѣе увеселенія въ твари, чѣмъ въ Сынѣ. Неосновательность и нелѣпость такого предположенія сама собою ясна каждому. Но естьли представить, что одна тварь сотворена, то сіе было бы ограничить всемогущество Божіе, и поставить увеселеніе его въ самыхъ ничтожныхъ образахъ. Это было бы приписать

Богу, что Онъ сотворилъ тварей изъ нѣкоего самолюбія, дабы увеселять Себя въ неисчислимыхъ капляхъ, отражающихъ въ себѣ образъ его. Единымъ созданіемъ Богъ ни подъ какимъ образомъ ограничить Себя не могъ. Правда сіятолико самосущественна, что мы не можемъ отвергнуть оной безъ того, чтобы не низвратить всякое истинное о Богѣ понятіе. Ибо тогда было бы поставить блаженство Бога въ сущемъ ничтожествѣ. Что вся тварь предъ Богомъ? Не то ли, изъ чего и изведена она, ничто? И можетъ-ли Богъ ощущать блаженство бытія Своего не въ полнотѣ всего Своего Существа? Хотя бы Онъ слилъ въ совокупности блаженство всѣхъ тварей: то не было-ли бы и оно единою каплею въ Океанѣ Его блаженства? Сверхъ того, это было бы изводить Бога Самаго изъ Себя, да вселится въ каплѣ. Однако по вышеприведенному ученію мистиковъ, таково въ сущности есть ихъ понятіе о Богѣ и Его строительномъ промыслѣ; понятіе толико же темное, какъ и тотъ духъ имъ же живутъ и дышутъ они, и въ немъ же движутся.

Когда же самою нуждою научаемся отвергнуть таковую мысль, и между тѣмъ видимъ существованіе тварей; то убѣждаемся, что Богъ не могъ въ началѣ не про-

извести Существа Себѣ подобнаго, вовсемъ ему равнаго, которое столько было бы въ Немъ блаженно, какъ и Самъ Богъ въ Немъ Самомъ, которое было бы образъ Его, Богъ истинный, тотъ же единый Богъ, кромѣ вины бытія Своего. И сей есть Сынъ Божій, Іисусъ Христосъ. Но сіе существо не могло быть сотворено, поелику ничто сотворенное не можетъ быть равно Богу. И такъ, Іисусъ Христосъ рожденъ отъ Бога, а не сотворенъ. Убѣдивъ себя и въ этомъ, съ какимъ разумомъ то будетъ сходно дабы послѣ таковаго богорожденія, Богъ восхотѣлъ изъ-за сего преизобильнаго Своего блаженства, сотворить только на увеселеніе Себѣ твари? Такъ и сіе не возможно. Но тварь существуетъ, и потому, не самымъ ли бытіемъ своимъ возжигаетъ въ насъ понятіе, что она есть для своего блаженства, а не для полноты блаженства Божія.

Отсюда мы видимъ, что Отецъ токмо въ тѣхъ благоволитъ, въ коихъ благоволитъ и Сынъ; а Сынъ въ тѣхъ, о коихъ не Писаніе, произвольно пріемлемое, но Церковь свидѣтельствуетъ, яко суть чада ея. Самъ Отецъ приводитъ къ Сыну, да мимо Сына никто къ Нему не приходитъ. *Той сотвори насъ;*

а не мы: мы же людіе его и овцы пажити Его (*Псал.* 99). Кто пріобрѣлъ о Богѣ естественное, изъ строительства природы почерпнутое понятіе, и когда понятіе сіе утверждено въ немъ на совѣсти, того Отецъ приводитъ къ Сыну, да отъ Него познаетъ Его въ истинѣ и въ Духѣ, въ сущности самой.

Не доказываетъ-ли и разумъ, что внѣ Христа нѣтъ спасенія ни для какой твари; а тварью именуетъ Писаніе всѣхъ язычниковъ безъ исключенія (*Марк.XVI.*15.), что никто мимо Христа не пріидетъ ко Отцу, что Іисусъ Христосъ есть не то, что въ мистикѣ подразумѣваютъ; но дѣйствительно есть Сынъ Божій, вкупѣ Богъ отъ Бога превѣчно рожденный, и Богочеловѣкъ во времени. Также, что дѣти Христовы не суть тѣ, кои произвольно мнятъ о себѣ, яко праведники суть, и уничижаютъ прочихъ (*Лук. XVIII.* 9), воображая, что Богъ, за вѣру ихъ произвола, посылаетъ въ нихъ Слово Свое, которое облекшися въ ихъ человѣчество, творитъ и ихъ равно Христами: но тѣ, кои вѣруютъ въ Сына Божія, страшася однако лукавства принимать въ тоже время за Христа, яко бы вселяющееся въ нихъ Слово Божіе, но именно въ Ипостась Христову; и вѣруютъ, что у нихъ не отдѣ-

ляется чистѣйшее человѣчество къ соединенію себя около дарованнаго имъ Слова, какъ земные соки около сѣмени, въ нее положеннаго: но что Самъ Христосъ даетъ имъ Себя, преобразуетъ ихъ въ Себя за покорность ихъ къ Церкви Его; что въ нихъ нѣтъ ничего чистаго, что онъ омываетъ ихъ Самъ своею кровію въ купели руками Церкви; что самая ихъ благая воля есть плодъ послушанія къ той же Церкви, и что они отъ себя ниже помыслить могутъ что благаго, не токмо быть достойными къ непосредственному принятію въ себя изліянныя жизни Божіей. (*) Какъ мистикъ, такъ бы

(*) Не льзя не обращать елико можно чаще вниманія читателя на сіе, чтобы онъ всячески старался уклоняться отъ смысла мистическихъ выраженій. Ибо мистики употребляютъ съ Христіанами одни рѣченія и слова, но разумѣютъ совсѣмъ противное. Отъ чего и бываетъ, что простодушные, обманутые наружностію, мнятъ, что и внутреннее у нихъ тоже, между тѣмъ, какъ это ничто болѣе, какъ подъ свѣтлою Христіанскія Вѣры одеждою скрывающаяся тьма духа лукаваго. Почему просимъ и убѣждаемъ всякаго обращать все свое вниманіе на начала мистическаго Христіанства: ибо вся прелесть онаго въ томъ и состоитъ, что и по онымъ началамъ они могутъ говорить языкомъ Христіанина, языкомъ, говорю, то есть, одними съ нимъ словами и рѣченіями, заемлемыми изъ Священ-

могъ воображать не токмо Сократъ, но и всякой языческой Философъ, и разность между ими была бы та одна, что тѣ, не зная Христа, не умѣли какъ назвать внутренняго въ нихъ духа, а сіи, для выраженія всего того, заемлютъ отъ Христа еди-

---

наго Писанія, не имѣя во все Духа Христова, бывши отъ духа Анти-Христова; и что когда устами они исповѣдуютъ *ей*, духъ ихъ есть весь *ни*. Вотъ отъ чего происходитъ, что когда они проповѣдуютъ миръ, а всѣхъ объемлетъ сокрушеніе; когда поютъ Христа, а духъ въ народѣ разливается Анти-Христовъ. Христіанинъ уничижаетъ, смиряетъ себя, да Христа пріобрящетъ, и мистикъ поетъ тоже, да у Христіанина Христосъ есть Христосъ, онъ видитъ особо (*различительно*) Ипостась Бога-Отца, видитъ особо (*различительно*) и Ипостась Бога-Сына, именуемаго *Христосъ*, ходатай грѣшныхъ, и въ то время, когда пріобщается естеству Его, знаетъ и исповѣдуетъ, что это именно есть общеніе съ сею второю Ипостасью Пресвятыя Тройцы. У мистика напротивъ. Не имѣя непреложныя Церкви, у него смиреніе, уничиженіе есть вообразимое, онъ такъ себѣ воображаетъ, и воображая, нѣтъ сомнѣнія, что онъ и творитъ что либо по понятію своему: но это все будетъ отъ произвола духа его, и будетъ предъ Богомъ мерзость, какъ бы жестоко ни смиряли себя: ибо всякъ произвольными жестокостями себѣ, а не Богу угождаетъ. Безъ Церк-

ные образы и слова, между тѣмъ какъ самое дѣло, по ихъ мнѣнію, совершается непосредственно между Богомъ и ими. Напримѣръ, по сокровенному у мистиковъ понятію, Богъ видитъ, яко бы благую и искреннюю ихъ волю познать Его, и вотъ сей

ви всѣ таковыя изнурительности будутъ духа гордости, воображающаго, что можетъ самъ своими силами и заслугами войти съ Богомъ въ содружество. Что можетъ быть сего мерзче? Не всякой-ли Государь, да не всякой-ли человѣкъ хочетъ, чтобы пріобрѣтали его дружество и милости, не тѣми средствами, какія каждый ему предложить можетъ по составу своего разума и сердца, но какія тотъ самъ ему предложитъ? Ибо, естьли кто хочетъ кого пріобрѣсти, то уже-ли тотъ обязанъ для того, что хотятъ пріобрѣсти его, передѣлывать и переобразовывать себя по мечтамъ каждаго? Кольми паче гнусно такъ воображать по отношенію Бога, котораго самая святость, правда и любовь къ человѣкамъ требовали дать имъ Церковь, яко единый путь спасенія и общенія съ Нимъ, для всѣхъ, единый, съ котораго бы столько же было беззаконно совратиться для раба, какъ и для Царя, для сего еще и вяще.

Вотъ отъ чего мистики видятъ Христа и въ добродѣтельныхъ язычникахъ. Не льзя о семъ довольно часто повторять, поелику нѣкоторые могутъ обманываться, и не хотя быть обманутыми. Впрочемъ

Богъ посылаетъ въ нихъ прямо отъ себя слово свое: не то слово, что мы вѣрные за Христа исповѣдуемъ, но непосредственное изъ Самаго Отца истеченіе.

Слово само собою не вселяется: убо сила доносящая оное будетъ у нихъ Духъ

всякой, кто только мало вникнетъ въ начала мистическаго ученія, можетъ безъ труда уразумѣть, что и на таковыхъ началахъ, понимая совсѣмъ противное съ Христіанами, можно выражать свои мысли Библейскими рѣченіями, употреблять Имя Іисуса Христа, Сынъ Божій, слово живота вѣчнаго, слово спасенія, искупленіе, перерожденіе, нова тварь о Христѣ, и тому подобное, какъ употребляютъ и Христіане: но совсѣмъ въ противномъ духѣ, и съ превратною цѣлію, какъ сказано о семъ у *Даніила въ XI главѣ, стихъ 32: И беззаконнующіи завѣтъ наведутъ съ прелестію;* то есть, что нечестивые станутъ Святый завѣтъ толковать по своему, и, притворно держася наружнаго писмени, смыслъ онаго низвращать своими баснями. Но не смотря на ихъ притворство духа и лукавство вымысловъ, истина познается: *и смысленіи уразумѣютъ.* Прелесть сія такъ велика, что въ Западной Церкви обманулись оною многіе искусные духовные, воображая, что сіе есть дѣло Божіе; но уже самымъ таковымъ мнѣніемъ, хотя сего и не примѣтили, укорили Церковь свою, якобы могло кромѣ ея быть совершеннѣйшее нѣчто къ

Святый, а то слово, Сынъ Божій, впрочемъ не Іисусъ Христосъ. Слѣдственно тутъ въ существѣ самой вещи не будетъ ни Христа, ни Святаго Духа, какъ разумѣетъ о нихъ Святая Церковь. Словоже оное вселяся въ нихъ, привлекаетъ къ себѣ ихъ человѣчество, творитъ плодъ свой, и тако облекается въ ихъ плоть, мнимый оный глаголъ Божій, а все сіе производство внутри ихъ, наречется ими Іисусъ Христомъ. Вотъ въ каковаго Христа они вѣруютъ, и отъ какого чаютъ своего спасенія. Но что сего мнимѣе и произвольнѣе? Такимъ то образомъ и темную въ себѣ работу діавола они называютъ дѣломъ Божіимъ, и подъ именемъ Іисусъ Христа, облекшись въ клятву, яко въ ризу, кланяются не Богу, но князю тмы. И тогда подлинно, такая вѣра дотолѣ не возможетъ успокоиться въ сынахъ своихъ, доколѣ сіи будутъ видѣть Церковь истиннаго Христа и Бога, стоящею твердо.

веденію душъ Христіанскихъ. Церковь Западная, кажется, какъ бы воздвигнута на то, дабы служители Восточныя Церкви могли предварительно усматривать шествіе зміино, и блюсти себя отъ онаго, и остерегать сыновъ ея.

Церковь, для того, кто хотя на волосъ уничижаетъ ее, не есть болѣе Церковію; а потому не сущей Церкви, кто увѣритъ насъ, чтобы и происходящее въ насъ, не было производствомъ самаго діавола? Мы ли сами? О смѣха достойное увѣреніе! Вѣра ли? Да кто паки увѣритъ насъ въ томъ, что наша вѣра есть подлинная, какою предъ Богомъ ей быть надлежитъ? Мы же опять? Но не другаго чего потребовалъ бы и діаволъ, какъ чтобы ему позволено было все то принимать за святое и правое, что за таковое онъ самъ въ себѣ признаетъ.

И такъ истинно, внѣ Христа нѣтъ Бога, ни истиннаго о Немъ вѣдѣнія, какъ и внѣ Церкви нѣтъ Христа, ни существеннаго о Немъ познанія, и потому внѣ Церкви нѣтъ спасенія и быть не можетъ. Напротивъ, воображать, яко бы безъ всякаго посредства, кромѣ нашей самовообразимой вѣры, могло вселяться въ насъ Слово Божіе, непосредственно истекающее изъ сообразующейся съ нашею волею, воли Бога, и воплощаться въ нашемъ человѣчествѣ, образуя чрезъ то Христа, есть ученія глубинъ сатаниныхъ, и есть мерзости запустѣнія. Буде бы сіе могло быть справедливо, тогда Церковь была бы ложь, Христосъ

ей и *ни*, и язычество съ своею магіею было бы единственною наукою предъ Богомъ, и единымъ къ Нему Царскимъ путемъ, и купно путемъ живота вѣчнаго. Да ужаснутся и вострепещутъ всѣ сыны Церкви отъ единаго о семъ помышленія.

И поистинѣ, естьли о Пресвятой Троицѣ должно понимать инако, нежели какъ Церковь поучаетъ, то Церковь будетъ изобрѣтеніемъ человѣческимъ; также слова: *азъ есмь путь, истина, и животъ*, и симъ подобныя, не должны ни относиться къ сыну Маріину, ни принимаемы быть въ простомъ ихъ смыслѣ, а въ духовномъ, произвольномъ. Тогда надобно будетъ допустить, что Іисусъ Христосъ самъ себѣ оныхъ не присвоивалъ, и совсѣмъ подъ оными разумѣлъ другое, и даже о самомъ Себѣ, нежели какъ училъ, увѣрялъ и проповѣдывалъ; что все то былъ одинъ образъ нѣкакого иносказанія, да и своихъ учениковъ томуже научилъ. Изъ сего выйдетъ, что онъ былъ бы паче духовный ученый, а не Богъ; Магъ, а не Сынъ Единородный Бога. А такъ мистики и понимаютъ о Немъ. Отсюда же выйдетъ, что естьли Іисусу Христу приписать (*яко человѣку*) хотя малую добросовѣстность; то онъ не могъ основывать видимыя Церкви, а потому, ниже Апостолы

его. Само собою разумѣется, что такая Церковь, утвержденная Святыми и Константиномъ Великимъ, подастъ поводъ мистикамъ поносить память и Святыхъ и онаго Государя. Вотъ какъ просто развязывается узелъ мистики.

Видите-ли нынѣ какова та Церковь, которая восприняла бренные останки вашей дочери. Можетъ-ли сѣтовать Церковь вѣдая о блаженномъ ея безсмертіи, и зная, съ какою славою имѣетъ паки возвратить ей самое тѣло ея? О! съ какимъ духовнымъ и пространнымъ утѣшеніемъ бесѣдую и я съ вами на гробѣ вашей дочери. Не о ней, о себѣ мы должны нынѣ плакаться, о себѣ стужать къ Богу живыхъ, какою нынѣ и ваша дочь, а не къ Богу мертвыхъ, да и насъ сооживитъ Себѣ со Христомъ, да не пребудемъ въ числѣ мертвыхъ, подъ коими Писаніе разумѣетъ всегда тѣхъ, кои служатъ Богу смерти, діаволу, его же завистію распаленное дыханіе погашаетъ въ насъ духа Божія, и творитъ сущими мертвецами. Мы мертвы, а не дочь ваша; мы мертвы (*грѣхами нашими. Ефес.* 2. 1.) поколику ничего сами о себѣ знать не можемъ, кромѣ сего, яко *присно заблуждаемъ сердцемъ*, и что всякъ человѣкъ есть ложь. Не знаемъ, правы-ли мы съ Богомъ въ основаніи сердца нашего, ко-

торое такъ глубоко (*Пс.* 63), не взирая на всю любовь нашу къ Нему: ибо самая сія любовь способна облекаться въ толикіе очаровательные образы, что самая ихъ прелесть можетъ обратиться для души нашей въ стрѣлы смерти. Сынъ, возвращающійся на родину свою, въ объятія своихъ родителей, уже близокъ ихъ дому, уже сладкое дхновеніе вѣтра повѣяло отъ страны его, и онъ чувствуетъ, съ принятіемъ онаго въ себя, какъ бы принесенное дыханіе Отца его, не смотря на разлуку, еще не остывшее въ его сердцѣ; радуется: но мрачный лѣсъ исполняетъ его паки ужасомъ, страхи въ видѣ грозныхъ призраковъ препинаютъ шаги его; малѣйшій шорохъ возбуждаетъ робкое его вниманіе; онъ боится шума ногъ своихъ и собственной тѣни устрашается. Онъ не имѣетъ ни слуха для сладостнаго пѣнія птицъ, ни глазъ любоваться смѣющимися передъ нимъ красотами. Тако есть шествіе Христіанина посреди міра сего. Онъ всего долженъ опасаться отъ козней демонскихъ. Самая любовь къ Богу можетъ содѣлаться для него опасною. Ибо сладость оныя толико же опасна, какъ и смерть. Поелику сладость сія можетъ быть и тогда, когда любовь оная по началу своему будетъ духа заблужденнаго. Цѣ-

ломудренная любовь сладка, но и порочная также. Ощущать и различать ихъ разность удобенъ только во истину цѣломудренный. Ибо сладость происходитъ отъ нашего естества, и есть естество наше; а любовь есть плодъ духа. Отсюда понятно, что какой бы духъ ни прикасался естества нашего, движенія его должны возбуждать въ человѣкѣ сладость, для него вожделѣнную. О сладости здѣсь сказано, яко объ основаніи естества нашего. Разность оной происходитъ отъ началъ на основаніе сіе дѣйствующихъ. Почему, кто живетъ подъ началомъ духа злаго, и изъ онаго не выходитъ, таковый токмо сего рода сладость и вкушаетъ, и оную боготворитъ въ себѣ. Напротивъ, истинный Христіанинъ испытуя дѣйствія благаго Духа и познавая инаго рода сладость, имѣетъ уже въ себѣ различеніе и возможность разсуждать о томъ и о другомъ. А сіе и научаетъ насъ, почему и діаволу не токмо нѣтъ причины сладость оную возмущать горечью, чего впрочемъ и не можетъ: но еще употребляетъ всю тонкую хитрость свою, дабы оную обратить въ пользу своихъ злыхъ умысловъ. Можно сказать, это духовная вода, въ которой діаволъ страстно любитъ купаться, и плесками своими, извѣстными

у мистиковъ подъ внутренными возбужденіями, приводить души ихъ на восхитительное таяніе. Дѣло все въ томъ, дабы человѣкъ пребывалъ въ заблужденіи касательно духа, и чтобы ослѣпленъ былъ самоувѣреніемъ, что онъ не инаго кого любитъ какъ Бога; въ этомъ состоитъ вся глубина лукавства его. Человѣкъ остается тогда безпечно спокоенъ, и не сомнѣваясь болѣе, чтобы онъ не самаго Бога любилъ, творитъ сіе убѣжденіе самою для себя истиною. Однако хотите-ли какимъ либо еще примѣромъ убѣдиться въ правдѣ словъ таковыхъ? Опытъ опытомъ свидѣтельствуется и объясняется. И такъ, естьли повстрѣчаетесь когда нибудь съ такимъ сладкимъ и свѣтлоубѣжденнымъ любителемъ Божіимъ, дайте ему хотя слегка замѣтить, что вы сомнѣваетесь, не въ истинѣ любви его, но въ правдѣ самаго того, что онъ, любя, за Бога пріемлетъ: и вы тогдаже увидите въ немъ нѣкое суровое или сухое движеніе, которое вѣрнѣе всего дастъ вамъ ощутить, какой духъ во глубинѣ его. Ибо Духъ Божій есть одна тишина, научающій вѣрнаго и тогда быть тихимъ, когда неправда уязвляетъ душу его въ самое живое ея чувство; живое поколику знаетъ, кого въ себѣ содержитъ, и слышитъ, какъ тотъ же духъ

благій претитъ ей всякой гнѣвъ, дабы научить стяжавать одно терпѣніе. Терпѣніемъ стяжите души ваши, говоритъ Божественная Правда. И оный-то лукавый духъ, когда человѣкъ, вмѣсто существенности, имѣетъ токмо мнимый образъ любви Божіей, истощается въ изобрѣтеніи всеобразныхъ движеній къ возбужденію въ ней той сладости, которая, смѣшавшись съ тончайшимъ огнемъ, живущаго въ человѣкѣ духа, производитъ оныя таянія и ахи, коими растопляются всѣ выраженія духовнаго прелюбодѣянія, на коемъ лежитъ не небесное благословеніе, но клятва.

Но естьли наша любовь отъ Духа Божія, пристойно-ли воображать, чтобы духъ сей порывалъ душу на толикія тмообразныя выраженія онаго чувства? Онъ есть едина тишина; любовь его есть едина простота. Можетъ ли Духъ сей токмо о томъ пещися, какимъ бы образомъ приводить душу въ неисчетныя обращенія, да тѣмъ какъ бы потопитъ ее въ потокахъ только собственной ея сладости? Да не будетъ. Не для таковыхъ восторговъ онъ намъ и дается; но да, съ одной стороны, являетъ Бога, исполненнаго вѣчнаго гнѣва за наши грѣхопаденія; отсюда обращаетъ потомъ на обезображенный людскою зло-

бою и смертію образъ Единороднаго Сына Божія, висящаго на древѣ крестномъ; восхотѣвшаго учиниться по насъ клятвою, да насъ изъ подъ вѣчныя клятвы искупитъ Богу. Съ другой стороны не утомляясь указуетъ намъ на собственныя наши мерзости, толико же неутомимо повсечасно нами творимыя, и ждетъ, да воздохнемъ о нихъ отъ глубины сердечныя во свидѣтельство, что желаемъ, дабы глубина сія, нами недовѣдомая, была обновлена въ своемъ духѣ: онъ ждетъ, да возведемъ молитвенныя очи на распятаго, воздохнемъ къ Богу спасающему насъ; и тогда съ кротостію врачуетъ наши язвы, отдѣляетъ мертвое отъ живаго, и все нечистое пожигаетъ божественнымъ своимъ огнемъ. По мѣрѣ же того, какъ сіе творится, Онъ, Сый благій Податель жизни, мало по малу воображаетъ въ насъ Христа, творитъ новою о немъ тварью, научаетъ познавать Его не мнимо, но существенно, да въ Немъ познаемъ Бога: тогда совершается человѣкъ, новая тварь, въ которомъ имя Божіе столь же существенно, какъ существенно пріобщается онъ естеству Христову. Тогда вѣдѣніе его о Богѣ, не есть токмо простое понятіе, но самая сущность,

злато не требующее очищенія, ни въ огни не погибающее. (*)

Это-ли тѣ обстоятельства, которыя могли бы духъ человѣческій подвигать на восхитительныя таянія погруженнаго въ созерцаніе восторга? О колико есть непомѣрная разность между тѣмъ, чтобы созерцать Бога во гнѣвѣ, Сына на крестѣ, человѣка въ ежеминутныхъ грѣхопаденіяхъ; или паки созерцать все то въ легкихъ, едва набросанныхъ чертахъ изображенія, которыя сверхъ того теряются вовсе отъ нашего зрѣнія въ блескѣ и пучинѣ свѣ-

---

(*) Богъ весь въ Сынѣ, весь въ Немъ осуществленъ единосущностію своею, и ни въ комъ осуществлять себя не можетъ. Онъ весь въ Сынѣ. Слѣдовательно Сынъ подаетъ Себя человѣкамъ, для того сниде на землю, да облечетъ себя въ плоть нашу, сообразенъ будетъ намъ по образу, да и насъ учинитъ себѣ сообразными, и принявъ отъ нашего дольньйшаго, возвратитъ намъ тое паки въ божество измѣненное, и чрезъ то сопричаститъ насъ славѣ своей: *тѣмъ же возшедъ на высоту плѣнилъ еси плѣнъ, и даде даянія человѣкомъ* (*Ефес.* 4. 8). Сего-то Христа по лицу отдѣльнаго, по единосущію со отцемъ не раздѣльнаго, привлекая и воображая въ себѣ, привлекаемъ въ себя и отца его.

та воображаемой благости Божіей, растопляющей лучами своими сердца мистическія?

О коль проста, коль богосущественна была любовь Давида! Коль не многіе знаютъ не токмо подражать ей, но хотя мало почувствовать ее. Но и сей блаженный Давидъ, естьли бы не былъ предуставленъ въ проображеніе и проповѣдь Христа, и быть образомъ народа и примѣромъ Царей: о! съ какою радостію водворился бы и онъ въ пустынѣ, яко голубь при водѣ чистой; тамо воспѣвалъ бы онъ въ тишинѣ любовь свою къ Богу. Кажется онъ самъ говоритъ о семъ, вопія: *кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ; и полещу и почію.* (*)

(*) Для чего не было по Рождествѣ Христовомъ другаго Давида, разумѣя о пламенной любви его къ Богу? Что не было, сего сказать не льзя: ибо многіе Святые были вся любовь, но они употребляли данныя имъ крилѣ голубинѣ на то, чего и Давидъ желалъ, и *полещу и почію.* Они укрылись въ пустыни, и тамо почили въ лонѣ любви самой, подобно горлицамъ оглашая любовными своими стенаніями уединенныя мѣста пустыннаго своего обиталища, между тѣмъ какъ другіе Святые, подобно Апостоламъ, подвизались на поприщѣ міра. Но тѣ и другіе во всемъ

Се даны и мнѣ крилѣ голубинѣ, да полечу и почію на гробѣ вашей дочери. Не смотря на толикое пространство, раздѣляющее насъ, они разсѣкли оное легкостью любви своей, и принесли духъ мой на ея могилу, да утѣшу рыдающую по ней матерь

этомъ творили волю не свою; отъ сего происходило, что ни бодрственные подвижники Святительскаго служенія, ни уединенные праведники, не укоряли одинъ другаго за образъ своей жизни. Первые не ставили праздности въ укоризну послѣднимъ, ни сіи вмѣняли тѣмъ въ самолюбіе дѣятельности ихъ служенія. Когда великій Аѳанасій поражалъ святительскимъ жезломъ нечестіе ереси: тогда Святый Антоній, величайшій между праведными пустынниками, услыша съ трепетомъ, что нѣкоторые злочестивые разглашаютъ, яко бы и онъ ни одинакого мнѣнія былъ съ Аѳанасіемъ, поспѣшилъ въ Александрію, и торжественно отвергъ нечестивую клевету, и исповѣдалъ, что онъ совершенно одинаковыхъ мыслей съ Аѳанасіемъ. Тако тѣ и другіе, озаренные единымъ духомъ, были единыя уста, единое сердце; и разумѣя о себѣ по просвѣщенію того же духа, вѣдали, что образъ ихъ жизни былъ равно строительства о нихъ Божія, и взаимно другъ друга уважали. Впрочемъ о пустынической жизни не должно разумѣть грубо и невѣжественно, какъ нѣкоторыя обезумленныя головы, водимыя духомъ тьмы, стараются представить оную подъ видомъ празднос-

ея. О свободы духа Христіанскаго! нѣтъ для тебя, ни вещественности, ни предѣловъ. *Аще бо плотію отстою, но духомъ съ вами есмь*, увѣряетъ Колоссаевъ Апостолъ. Но для чего бы сіе духа соприсутствіе съ людьми отдаленными? Или еще мало уязвляютъ насъ лю-

---

ти. Нѣтъ; жизнь оная была одно дѣятельное смиреніе, одинъ живый опытъ самоотверженія, одно богоугодное умерщвленіе плоти, единый многотрудный подвигъ Христіанства, благозапасный елей Вѣры на случай оскудѣнія онаго въ мірѣ, животворный источникъ спасенія, напаяющій своими водами въ образѣ величественныя рѣки; между тѣмъ какъ сокрытая оныя вершина образовалась въ сердцѣ пустынномъ. Не стало ея, и Вѣра начала ослабѣвать.

Для чего же они не оставили намъ Давидовыхъ Псалмовъ? По тому, что они лучше разумѣли свое дѣло, чѣмъ мы вопрошающіе ихъ нечестиво и безумно? Для того, что Богъ глаголетъ единожды, а не дважды, безъ повторенія единожды имъ сказаннаго. Для того, что сіе не отъ человѣческаго происходитъ желанія, но есть плодъ Духа Святаго, а Духъ Святый единожды единое творитъ, и сказавши единожды Давиду Псалмы его, не говоритъ ихъ дважды: ибо дважды сдѣланное уничтожаетъ первое, и творитъ оное безъ цѣли сдѣланнымъ; но здѣсь да не будетъ хула сія на Духа Божія. И такъ Псалмы Давидовы должны быть единожды навсегда тѣмъ, чѣмъ есть они, и чѣмъ быть

ди, дабы идти искать ихъ духомъ въ мѣста отдаленныя? Ахъ! нѣтъ, духъ любви усердно ищетъ тѣхъ, ихъже любитъ, но любитъ не своею, а Божіею любовію, *радуяся и видя вашъ чинъ, и утвержденіе вашея Вѣры, яже во Христа* (2. 5). Вотъ единая

предназначены. Давидъ былъ токмо трость скорописца. Зная сіе. Святые и не дерзали за таковое дѣло приниматься; и, не будучи на мѣстѣ Давидовомъ, поставлять себя въ его обстоятельствахъ. Иное было до откровенія, (*Евангелія*), иное по откровеніи; а потому, иное предлежало ветхозаконнымъ Святымъ, а иное сущимъ по откровеніи. Перемѣнился планъ и въ дѣйствованіи. Они чаяли, а мы и получили ими чаянное. Вѣра у нихъ была вмѣняема въ правду; а у насъ она самая правда. Ихъ преступленіе было велико, но не такъ велико какъ наше; мы уже попирая Завѣтъ, попираемъ Самаго Христа; и потому, ежели они могутъ еще надѣяться пощады, Христіане напротивъ никакой, какъ скоро учинятся преступниками на Церковь Іисуса Христа. И да не говорятъ нечестивые о Священномъ Писаніи: *Буіи и слѣпіи, что бо болѣе, даръ-ли, или Олтарь святяй даръ.* А Священное Писаніе, что̀ какъ не даръ; а Олтарь, что̀ какъ не Церковь?

Разсудимъ отсюда и о той разности, какова есть между оказываніемъ своихъ грѣхопаденій Давиду и Святымъ по откровеніи. И естьли Давидъ, не смотря на все упованіе его на благость Божію, выну имѣлъ предъ

истинная, существенная, сердца человѣческаго достойная любовь. Откинемъ сію любовь, сердце не менѣе останется сосудомъ любви, но какая уже то любовь наполнять будетъ его, гдѣ предметъ любви сей? Міръ и яже въ мірѣ. Человѣкъ, сей вѣнецъ

собою грѣхи своя, изсыхалъ въ помышленіяхъ о нихъ, хлѣбъ ему былъ горекъ, и слезы служили вмѣсто хлѣба, такъ что, кажется, онъ не зналъ на что ему взирать болѣе, на милосердіе-ли Божіе, или на беззаконія свои: *яко беззаконіе мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть выну:* то что же остается дѣлать Христіанину, когда всякое лукавство его должно содѣлываться терніемъ Христу, да не тому Христу, коего нѣтъ нигдѣ, и который мечтательно въ насъ зараждается, какъ безумствуютъ мистики; но Христу, существенному Сыну Божію, въ своей Ипостаси превѣчно сущему, пришедшему на землю насъ ради недостойныхъ, взыскавшему и предварившему благостію своею насъ сущихъ во грѣсѣхъ и мерзостѣхъ духовныхъ, коего воля также потребна была для отца, какъ Отчая для Сына, и что обѣ сіи воли, хотя суть едино, но не одна, а двѣ воли, какъ требовалось на искупленіе наше благоволеніе о насъ и третьей воли, единой съ тѣми по равнобожественному неуклоненію себя отъ оныхъ, какъ и тѣхъ отъ оныя. Всѣ сіи воли суть три воли самосуществующія, но суть едина въ истинѣ, поелику нѣтъ двухъ

и владыка его, есть ложь, и самъ міръ лежитъ во злѣ, источенномъ на оный изъ беззаконнаго его сердца. Вникнемъ хотя слегка въ любимыя человѣкомъ вещи порознь, и мы съ трепетомъ ужаса увидимъ, что онъ возлюбляетъ едину клятву, (*Пс.*

истинъ. Вотъ почему и всякой любитель истины, когда осуществляется она въ немъ, толико едино творится съ нею, что уже по самой необходимости, доколѣ стоитъ въ истинѣ, не можетъ имѣть другой воли, какъ волю истины, не по тому, чтобы она связывала ее, да не будетъ, но поелику она сама не хочетъ инако желать, какъ истина. Это ея живое сокровище, выше котораго и слаще она ничего не знаетъ во всей вселенной. Человѣкъ, привязывающій волю свою къ сребролюбію, не теряетъ своей воли, она въ немъ пребываетъ, но онъ привязываетъ ее къ любимому своему образу. Когда онъ умретъ, воля его останется при немъ, сребро пропадетъ, и онъ познаетъ тогда, но поздно, что любилъ тщету, а Бога утерялъ навѣки, и, вмѣсто его, обрящетъ Бога суетнаго, чуждаго.

И такъ да разсудятъ смыслящіи Христіане, могутъли они самую благость Божію употреблять на заглушеніе въ себѣ грѣховъ своихъ, бросая на сіи лукаво скользкій глазъ, дабы потомъ прямо уже повергаться въ сердце Божіе? Скользкій, говорю, и лукавый взглядъ, дабы было чѣмъ потѣшить себя,

108. 17); одѣвается въ нее, яко въ ризу, пьетъ на мѣсто воды, и аки елеемъ утучняетъ кости свои. О несмыслія и лукавства человѣческаго! Онъ спѣшно отвращаетъ взоръ отъ мертвеннаго образа брата своего, и проповѣдуетъ смерть его и

что они не презрѣли и сей Христіанской обязанности. Не такъ-ли мы часто лукавствуемъ и въ обыкновенной жизни, и для того спѣшно и опромѣтью иное дѣлаемъ, дабы увѣрить себя, что мы сдѣлали должное, и тѣмъ усыпить совѣсть, не разсуждая, какія гибельныя отъ того раждаются послѣдствія.

Теперь понятно для чего Святые не брались за арфу Давидову, хотя все ихъ сердце было ею.

Кромѣ сего, Духъ Святый хотѣлъ оставить вѣрнымъ образъ молитвеннаго возбужденія къ Богу. Вотъ отъ чего послѣ Пророковъ и Апостоловъ нѣтъ ничего имъ подобнаго: все уже чрезъ нихъ сдѣлано; совершишася. Безъ сего, всякой бы вздумалъ свои Псалмы писать, по своему призывать Бога, затѣялъ бы свои предпочитать другому, пріискивать приверженцовъ, отъ чего составлялись бы партіи, какъ-то и видятъ у безъ-Церковниковъ. Но Богъ дарствуетъ Себя чрезъ тѣ средства, кои онъ для того и уставилъ, Самъ чрезъ Духа своего. Для того намъ и Христосъ, Сый образъ Божій, что Богъ Себя инако дать не можетъ, какъ чрезъ принятіе въ себя Христа, когда Самъ Христосъ благоволитъ внять

тлѣніе, между тѣмъ, яко гладный хищный звѣрь, устремляется радостно на пиршественный столъ; бросаетъ умиленно любосластіемъ сверкающіе очи на множество собранныхъ яствъ, коихъ трупный запахъ обоняетъ съ восхитительною любовію,

---

нашимъ молитвамъ къ нему, изъ раскаяннаго сердца возносимымъ.

Наконецъ, Давидъ былъ Царь, и ревность его долженствовала носить на себѣ и образъ Царскій, и пребыть неизмѣннымъ правиломъ для сердца Царева. Чрезъ него Духъ Божій явилъ, что чѣмъ выше Цари надъ людьми, тѣмъ должны быть и ревнительнѣе къ дому Божію, чтобъ ревность по Немъ снѣдала ихъ, чтобы они совершеннымъ ненавидѣніемъ возненавидѣли Церковь лукавнующихъ, чтобы врази Божіи были ихъ собственными врагами, и вѣдали бы, что нѣтъ у Бога другой Церкви, кромѣ видимой. Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: ибо тѣ, коихъ Господь Самъ посылаетъ, видимы должны быть всѣми во всякое время. Не та Церковь, о которой, кромѣ демонскихъ строителей ея, никто другой не вѣдаетъ, но о коей и отцы наши повѣдаша намъ (*Пс.* 77), и возвѣстили дѣло Господне, еже содѣлалъ во днехъ ихъ, во днехъ древнихъ (*Пс.* 43): ибо вѣдомъ долженъ быть во Іудеи Богъ: во Израили должно быть веліе имя его, чтобы въ мірѣ мѣсто его было, и жилище его въ

и проповѣдуетъ жизнь и веселіе. Долго еще обноситъ въ памяти своей сладость воспоминанія о семъ: и самымъ расказомъ о томъ, охотно еще пресыщаетъ утробу свою. Надъ гробомъ Отца своего проповѣдуетъ смерть, а надъ костромъ обнаженныхъ имъ костей, говоритъ о жизни. Но соберите безобразные обгрызки, послѣ великолѣпнаго стола остающіеся, и покажите людямъ тѣ остатки, для коихъ они жертвуютъ собою, ближними, настоящимъ и будущимъ вѣкомъ. Судите же по предметамъ о качествѣ любви ихъ. Убійство не естьли плодъ ада? Слѣдственно привязывать свое сердце къ вещамъ, коими иначе не можемъ насыщаться, какъ не чрезъ убійство же, не будетъ-ли свойство духа демонскаго? Тако разсуждайте вообще о люб-

---

Сіонѣ (*Пс.* 75); въ мѣстѣ для всѣхъ извѣстномъ и видимомъ; а не та потаенная Церковь, коей студные олтари на кажденіе Ваалу ставятся по всѣмъ путямъ Іерусалимскимъ (*Іерем. Гл. II.* 14), и по числу оныхъ требищъ, умножаются грѣхи и беззаконія ихъ, какъ говоритъ Пророкъ Осіа (*Гл.* 8. 11).

Словомъ, на все въ Священномъ Писаніи, яко на дѣло строительства духа Божія, должно взирать въ Духѣ же Божіемъ, а сей мимо Церкви не приходитъ.

вяхъ человѣческихъ, и вы увидите, что внѣ Христа всякая любовь будетъ любовью клятвы, любовью лжи, тщеты и вони трупныя. *Не любите міра, ни яже въ мірѣ*, вопіетъ любовь благодатная, *аще кто любитъ міръ, нѣсть любве отчи въ немъ.*

Безъ сей благодатной любве, для чего пренесся бы и я на гробъ вашего младенца-Ангела? Невинность ли ея возраста обольстила бы до того взоръ мой, дабы не видѣть тамо гноя и смрада, гдѣ есть оныя? Возсѣлъ-ли бы я на тлѣющій смертію трупъ ея для того, дабы источать сладость утѣшенія изъ смрада, и почерпать жизнь отрады изъ устъ самой смерти?

Но трепетъ васъ объемлетъ, ужасъ смѣшанный съ невольнымъ негодованіемъ простирается по лицу вашему. Не чрево уже, но ваше сердце нынѣ ношеніемъ духа дщери беременное, чувствуетъ въ себѣ ея присутствіе, ощущаетъ какъ она, полна духа жизни, изгоняетъ отъ вашего сердца мысль изъ ада въ міръ порожденную, изгоняетъ не для себя уже, но да васъ не умертвитъ оная. О! какъ тѣсно прилегла она къ вашему сердцу, съ какою любовію объемлетъ то сердце, которое нынѣ такъ ей драгоцѣнно, которому она одолжена бытіемъ своимъ и настоящимъ своимъ бла-

женствомъ, которое, чѣмъ полнѣе ею чувствуемо, тѣмъ полнѣе и желаніе ея хотя каплями источать оное въ ту грудь, коей сосцы, въ млечныхъ капляхъ своихъ, источали для нея съ любовію жизнь тѣлесную.

Успокойтесь. Любовь Христіанская также усладительна и нѣжна какъ горлицъ уединенное воркотанье. Это не то, что сластолюбивые громкіе взывы соловья, издалече оглашающіе мимо идущаго странника, и можетъ быть изъ сладкой и утѣшительной думы выводящіе его, и преклоняющіе къ суетному вниманію себѣ. Самые переломы и измѣненія, перерывающія единообразіе порывистаго его голоса, способствуютъ къ продленію вперeннаго уже вниманія, и вмѣстѣ къ удаленію насъ отъ самихъ себя. Се уже льстецъ умолкъ, но звуки его еще вьются около слуха странника; чувства имъ разнѣжены, но сердце гораздо пустѣе противу того, когда первый звукъ его возбудилъ отъ внутренняго разглагольствія: нѣкій смутный шумъ содержитъ въ онѣменіи мысленную странника силу. Правда, онъ продолжаетъ свое теченіе, но косвенно, раздѣленное между желаніемъ слышать вновь и идти далѣе, и тако самъ не вѣдая чего, медлитъ и становится менѣе собою доволенъ. Между

тѣмъ какъ когда родимая мысль согрѣвала его сердце и разливала по всѣмъ членамъ гибкотворную теплоту, ноги его неслися сами собою въ путь свой, глаза его сіяли мирнымъ удовольствіемъ, и текущіе по ланитамъ слезы давали видѣть ясно, что небо начертавалось во глубинѣ души его, и капало во грудь его, яко утреннюю росу, сладость своего блаженства. Но уже-ли наружная красота пѣвца того соотвѣтствуетъ его голосу? Нѣтъ; видъ его есть видъ хищнаго врабія, и когда восхищаетъ пѣніемъ, то смѣжаетъ очи. Не это-ли есть образъ сладкопѣвнаго нечестивца, во слѣпотѣ духовныхъ своихъ очей всегда поющаго, видъ коего есть видъ сущаго татя, выкрадающаго изъ душъ пришельцевъ міра сего, утѣшительныя мысли о безсмертіи; выкрадающаго злопагубнымъ даромъ благозвучнаго своего языка, объ гортань распростертаго въ устахъ его беззаконія ударяющаго? Успокойтесь. Не таковыми сладкопагубными пѣснями хощу нынѣ пролить утѣшеніе во грудь матери. Все искуство пѣсней соловья состоитъ въ созвучномъ біеніи воздуха, отражающаго гортанныя его ударенія, кои тогда застываютъ и разсѣваются въ воздушныхъ пространствахъ, какъ скоро языкъ его устаетъ

производить оныя. Но воркотанье горлицы есть языкъ сердца, языкъ внутреннія любви, самой въ себѣ отзывающейся, не вдали отъ своего предмета, но купно съ нимъ совоздыхающей; кажется самое толь часто примѣчаемое въ горлицахъ безпокойное порываніе приближить свои носики одинъ къ другому, не другое что означаетъ, какъ желаніе перелить свои чувства одно въ другое, слить непосредственно съ ними свое дыханіе, и чтобы никто не могъ подслышать тайнаго языка ихъ сердца. Тако истинная любовь ревнива къ себѣ, ревнива къ тому, что чувствуетъ сама и что хочетъ передать возлюбленной ею душѣ. Такова-то есть любовь Духа Святаго къ ищущимъ Его въ Сынѣ Божіемъ. Сего-то Духа крылѣ проситъ себѣ всякой вѣрный, да полетитъ и почіетъ въ лонѣ любви отчей. Ахъ! тогда не Христіанинъ любитъ, то есть, не просто человѣкъ, но Самъ Духъ Святый въ немъ, и своими возбужденіями даетъ ощущать душѣ Христіанина всю неизглаголанную сладость воздыханій къ Богу. Но таковое души состояніе, блаженнѣйшее въ семъ мірѣ, не есть однако то самое блаженство, о коемъ нѣкоторые дерзновенно увѣрены о себѣ, что уже онымъ въ Богѣ вполнѣ наслаждаются, пла-

ваютъ, и какъ капля въ Океанѣ расплываются, смѣшиваются съ естествомъ Его, теряются и тако въ немъ сами себя изъ виду погубляютъ. Но оно есть лишь предвкушеніе того блаженства. Не самъ-ли избранный сосудъ Божій учитъ. *Видимъ убо нынѣ яко же зерцаломъ въ гаданіи: нынѣ разумѣю отчасти*, и что еже *отчасти*, не прежде упразднится, какъ уже егда пріидетъ совершенное (1. *Кор.* 13. 9). На семъ-то гробѣ, яко на порубежномъ камнѣ сидя, мы лучше можемъ разсуждать, взирая съ него на треволненіе міра сего, таковъ-ли сей міръ, чтобы въ чьемъ либо сердцѣ могъ отражаться образъ Божій во всемъ непомраченномъ его величіи?

О какъ неутѣсненно расширяется сердце бесѣдуя о безсмертіи души на гробѣ младенца. Надобно, чтобы гробъ заключалъ или таковую невинность; или святость праведника, дабы душа наша ни откуда не чувствуя себѣ утѣсненія, могла свободно предаваться утѣшительнымъ своимъ размышленіямъ, которыя возбудили бы ее къ Богу, и водворили въ соборъ ликующихъ Ангеловъ.

Всякая другая смерть болѣе или менѣе препинала бы оную духовную свободу, и омрачала свѣтлость блаженнаго видѣнія

жизни безсмертныя въ Богѣ. Развѣ бы чувственная привязанность, каковую во дняхъ жизни сохраняли къ усопшему, разрѣшая горячностью своею языкъ на велерѣчіе, увлекла духъ нашъ истекающимъ изъ себя потокомъ сладости: но таковый надгробный пѣвецъ, подобно соловью, слагая пѣсни свои изъ немощныхъ и худыхъ стихій природы, и сочетавая слова на прельщеніе тщетною лестію нашего слуха, не растворилъ бы вѣрою нашего вниманія; но пригвоздилъ бы нашу душу ко звукамъ своимъ. Таковый обратилъ бы теплоту нашего возбужденнаго сердца или на соучаствованіе въ его утратѣ и скорби; или бы устремилъ умные наши взоры на изображеніе Христіанскихъ истинъ, не въ сердцѣ осуществленныхъ, но яко прядь нѣкая въ памяти соткавшихся. Оба сіи случая равно опасны. Естьли бы и подлинно скорбь была истинною, тѣмъ удобнѣе и вѣрнѣе разверзла бы она сердце ей внемлющее къ принятію въ себя горькаго ея напитка, и возбудила бы ту ложную чувствительность, которая, укоренившейся ей въ мірѣ, приключаетъ толико неописанныхъ бѣдствій, которая пожинаетъ безъ всякой пощады цвѣтъ юности, претворяетъ людей въ шатающіяся тѣни, дѣлаетъ изъ нихъ суетными

тѣхъ, кои родились по видимому съ прекраснѣйшими отъ природы качествами, низвращаетъ всякое здравое о воспитаніи понятіе, и, погубивъ напередъ отцевъ и матерей, убиваетъ заранѣе посредствомъ ихъ и души дѣтей ихъ. Сія чувствительность измѣняетъ и смыслъ истиннаго искуства разсуждать о разумѣ законовъ, и творитъ начала правительственнаго руководства совсѣмъ противными тому, чѣмъ онымъ по существу своему быть должно. Сія чувствительность, вмѣсто обѣщаваемаго ею блаженства, какъ сіе всегда случается съ языкомъ лживымъ, связываетъ жизни людей въ единую цѣпь неразрѣшимыхъ злоключеній, оставляя имъ сію на уязвленіе другъ друга. Но развѣ чувствительность противуестественна человѣчеству? Ахъ! несмысленные, вѣдаю таковые и подобные симъ вопросы; привелъ бы оныхъ и болѣе, дабы уличить васъ, сколь обнаженна мнѣ ваша утроба, естьли бы мѣсто сіе, гдѣ почиваетъ во гробѣ боголюбезное дитя, не удерживало меня отъ онаго. Такъ, чувствительность необходима человѣку: у кого она есть, тотъ на пути щастія и мира; это даръ неба; человѣкъ раждается для нея и съ нею. Но горе наше то, что многіе въ корысть ада, а къ

пагубѣ своей, не хотятъ вѣрить непосредственному дѣйствію на насъ Духа благаго и духа злобы, изъ коихъ первый есть истина, послѣдній ложь. Чувствительность есть качество естества нашего, но пріемля въ себя духа злобы, она дѣлается ложною, и всегда питается горечью ея: это *вода лживая, неимущая вѣрности* (*Іер.* 15. 18). Но она есть утѣшеніе и твердость наша, когда воодушевлена духомъ истины. Такая чувствительность поставляетъ уже насъ на пути святости и даетъ совершающую насъ любовь; она объемлетъ всѣхъ людей, яко присныхъ своихъ, однако знаетъ различать между добрыми и злыми, однихъ умѣетъ сносить тяготы, съ другими совоздыхать о горнемъ своемъ отечествѣ; терпѣлива въ ношеніи креста своего, она прощаетъ своему злодѣю; но въ дѣлѣ Божіемъ, изъ безгласнаго агнца, яко левъ возбуждающаяся на самоосужденнаго еретика (*Тит.* 3. 10), нижѐ радоватися ему хочетъ глаголати (2 *Іоан.* 1. 10), ни ясти съ таковымъ (1. *Кор.* 5. 11), и не попускаетъ, чтобы подобные симъ дерзали благими словесы и благословеніемъ прельщать сердца незлобивыхъ (*Рим.* 16. 18). Таковая чувствительность, яко даръ благій свыше, вмѣщаетъ въ себѣ нѣчто отъ

самаго Божества. Что милосердѣе, что долготерпѣливѣе, но купно что и страшнѣе Бога, когда онъ воспламеняется гнѣвомъ на ожесточенныхъ грѣшниковъ? Не льстите себя беззаконные, что яко бы изображеніе гнѣва Божія было одно піитическое представленіе для обузданія человѣка. Естьли оно и таковымъ можетъ быть, то это по отношенію Бога, а не самоосужденныхъ нечестивцевъ, для коихъ дѣйствіе того учинится самою сущностью. Богъ пребудетъ въ покоѣ, посреди коего онъ нимало не возмутится вѣчною ихъ казнію, о чемъ самъ даетъ разумѣть, что онъ посмѣется имъ въ свою очередь и восплещетъ руками, ибо Богъ поруганъ не бываетъ. Самоприсущее чувство безконечности своего величія, противу оскорбителей онаго, будетъ и для Бога тѣмъ чувствомъ, сквозь которое никакой вопль не достигнетъ до блаженства Его.

Ложная чувствительность разлучаетъ насъ съ небомъ; ибо мало по малу разрываетъ всѣ тѣ союзы, кои содержатъ человѣка въ сношеніи съ Богомъ, и по мѣрѣ того рукою діавольскою насаждаются новыя чувства, посредствомъ коихъ связываетъ онъ людей тѣснѣе съ адомъ.

Но какъ часто сія чувствительность бываетъ и плодомъ обмана, какъ часто оплакивающій друга, болѣе плачетъ для сложенія своего витійства, дабы міръ восплескалъ въ уши его похвалы свои, нежели по влеченію прямой скорби. Скорѣе смерть друга учиняется ему въ предлогъ славолюбія, чѣмъ въ облегченіе удручающей душу его печали. Наиболѣе любовная страсть чрезъ сіе выигрываетъ. Она собираетъ отовсюду прелести міра сего, пріискиваетъ краски, удобныя очаровать взоры, и знаетъ оныя подбирать одна къ другой съ такимъ неподражаемымъ искуствомъ, и потомъ съ такою тонкою хитростію извѣданнаго умѣнія наводить на все то прелестно сочетанныя тѣни, сквозь кои, аки чрезъ нѣкую черную легкую ткань, перебираются мелькающіе цвѣты, играющіе въ томныхъ отливахъ, что духъ нашъ переносится въ нѣкій волшебный міръ, гдѣ духи злобы, преображенные въ духи свѣтлые, пріемлютъ его на свои руки, мягко качаютъ, и сладостно усыпивъ гласомъ лести и обвивъ цвѣтами, тако спускаютъ въ долъ вещественностей. Человѣкъ пробуждается, томными взорами окидываетъ окрестъ себя, желаетъ, воздыхаетъ, ищетъ блаженства. Тогда чувства становятся живѣе, тонкій огнь про-

ницаетъ ихъ, сердце разверзается, и се мгновеніе стрегомое адомъ къ воспаленію онаго студною любовію, которая приноситъ все въ жертву себѣ, и напослѣдокъ учинясь сама себѣ жертвою, всесожигаетъ себя въ воню всегубительства.

Тако пѣсни тлѣтворныя любви или усыпляютъ насъ на днѣ адовѣ, или творятъ сердце наше пространнымъ жерломъ, клокочущимъ изъ себя въ міръ сей духа смерти.

Что же касается до тѣхъ, кои заемля истины отъ Христіанства, поютъ на гробахъ безсмертіе: то они не увѣрятъ насъ въ ономъ, какъ скоро убѣжденіе о немъ не сливается съ собственнымъ бытіемъ ихъ, когда оно не составляетъ свѣта и жизни души ихъ, когда оно не даетъ очей дерзающихъ разсѣкать таинственную занавѣсъ, раздѣляющую міръ сей отъ будущаго, время отъ вѣчности, и останавливать оный на престолѣ, на коемъ возсѣдящій раскроетъ нѣкогда совѣсти наши, и каждаго противупоставитъ лицу его такимъ, какимъ онъ есть въ сущности своей, а не такъ, какъ всякой о себѣ самъ воображаетъ. Но чье око толико чисто, чтобы не робко могло простираться туда? Одно око той души, въ ней же льсти нѣтъ противу тебя,

о благодатная Церковь, Мати вѣрныхъ; той души, которая иной похвалы себѣ предъ Богомъ, инаго свидѣтельства предъ Іисусомъ, инаго оправданія предъ Духомъ Святымъ, иной печати братства предъ Святыми, инаго обрученія съ Ангелами, нежелаетъ, какъ по твоему разсмотрѣнію о чистотѣ любви ея къ Тебѣ, предстательница о душахъ нашихъ, къ Тебѣ, благословенная свыше, купленная драгоцѣннѣйшею кровію божественнаго Страдальца, жениха твоего, да пребудешь во вѣки вѣковъ нескверною и неблазною Его невѣстою, всегда раждающею насъ вѣрныхъ, и по рождествѣ вѣчно дѣвою. О, Мати-Дѣва! Мати, яко предуставлена на рожденіе вѣрныхъ; Дѣва, поелику сіе должно пребыть аки печать всегдашнія чистоты твоей во знаменіе племенамъ земнымъ, что самъ Господь есть твой женихъ и Духъ Святый обручитель твой, и что имѣя таковыхъ ревнителей по твоей непорочности предъ Богомъ, огнь проклятія нѣкогда поястъ всѣхъ тѣхъ нечестивыхъ, ихъ же скверныя уста, дышущія изъ себя смрадомъ адовой утробы, дерзаютъ нынѣ укорять честнѣйшую твою утробу.

Какое утѣшеніе прольетъ въ душу тотъ, кто хладенъ, или равнодушенъ къ

Церкви своей, кто на чинимыя ей поруганія смотритъ очами сына беззаконнаго, кто самъ учинясь невѣрнымъ къ чистотѣ произведшаго его нѣдра, и сплетшися непотребными объятіями съ духомъ ереси, собственную скверну свою вмѣняетъ породившей его, и содружается на Матерь свою съ ея клеветниками, и присяжными врагами (*Пс.* 49, 16, 20)? Сей-ли подъиметъ предъ нами занавѣсъ и вскроетъ вѣчность, которая бы перваго его и облистала карательнымъ лучемъ оскорбленной своей правды?

Нѣтъ; сего рода люди знаютъ себя, и потому остаются охотно токмо живописателями безсмертія, шумя о гробовой камень единымъ растертіемъ подложныхъ своихъ красокъ. Корень безсмертія имъ невѣдомъ. Ибо отметая явно или тайно Церковь, не признаютъ державы твоей, Боже, въ мірѣ семъ; и отвергая преданіе Церкви, отвергаютъ отъ себя истинное о Тебѣ знаніе. *Еже бо знати тебе, всесовершенна есть правда, и вѣдѣти державу твою корень есть безсмертія* (*Прем. Сол.* 15. 3), такъ что корень безсмертія скрывается въ самомъ основаніи Церкви, безсмертія же блаженнаго. При семъ-то корени, о Мать, мною о Христѣ утѣшаемая, опочиваетъ нынѣ дщерь твоя, именемъ благодатная.

Но между тѣмъ, какъ Церковь, яко дражайшую свою вѣтвь, восприняла въ нѣдро свое плоть ея, свидѣтельствуя устами самой правды: *аще духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ насъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣлеса наша* (*Рим.* 8. 11); душа ея воспарила къ Богу, радостно привѣтствуема служебными духами, имѣя Ангела Хранителя руководителемъ въ горняя. О Мать благополучная! возведи очи твои въ премирную обитель вѣчныя славы и утверди ихъ тамо въ сердцѣ твоей дщери! Что слезы сіи, яко біющій изъ скалы ключъ, внезапу съ стремленіемъ исторгшіеся изъ очей твоихъ, и потокомъ своимъ повергшія тебя долу? Се невинное сердце ея, не успѣвшее изъ бреннаго сего міра изнести съ собою ничего не достойнаго, удержало въ себѣ единую къ тебѣ приверженность и въ чувствѣ семъ начертанное имя твое, нынѣ толико для нее безцѣнное. Самъ Господь оставляетъ ей оное, да ходатайствуетъ о Тебѣ у Престола Его. Блюдись отнынѣ, да своею невѣрностію къ Церкви и Богу, не утратишь онаго и не изгладишь на истребленіе въ конецъ памяти твоей въ собственномъ сердцѣ твоей дочери, и тако да не прер-

вешъ сего единственнаго, въ твоей утробѣ образовавшагося уза, связующаго тебя нынѣ съ небомъ. Содѣлай, да сіе имя твое, горящее жизнію твоей дщери, и яко въ ковчегѣ хранимое, содѣлай, да оно болѣе и болѣе отъ вѣры твоей просіяваетъ; да всякое благое твое и въ тайнѣ творимое дѣло, яко безсмертный бисеръ влагается въ него, да паче и паче украшается и блистаетъ. Блюдись, да не померкнетъ оно. Нынѣ же радуйся. Дщерь твоя у престола Вышняго и воспріемля въ сердце лучи славы его, отражаетъ оныя на осіяніе, скорбію пріосѣненнаго, лица твоего, и на разгнаніе тмы души твоей, хотя мало сумнящейся о дѣйствительности настоящаго ея блаженства.

Гдѣ нынѣ тлѣніе, гдѣ смерть, гдѣ ничтожество? Столько времени присѣдя и собесѣдуя на гробѣ семъ, мы яко изъ Израилева источника, почерпаемъ изъ него единую воду въ животъ вѣчный. Ключъ блаженнаго безсмертія шумитъ у подножія его и освѣжаетъ цѣлебною своею прохладою чувства, утомленныя и расслабленныя отъ полуденнаго зноя заботъ и попеченій міра сего. На гробѣ мы нашли успокоеніе, на мѣстѣ смерти вкусили жизнь, заглуша-

емую посреди многопечальныхъ суетъ дней нашихъ. Мы-ли, не сущей вашей дщери, сообщаемъ ей жизнь мечтательную, или разглагольствіемъ о ней воскрешаемъ сами въ себѣ жизнь толико существенную, что присутствіе оной превозмогаетъ въ насъ самое ощущеніе бытія жизни тѣлесной, и творитъ для насъ оную познавательнѣе чрезъ собственный нашъ опытъ? Отречься сего опыта было бы отречься своего собственнаго свидѣтельства. Уже-ли и сіе мечта? Но мечта есть ложь и слѣпота, и созерцаетъ предметъ свой посреди мраковъ, разцвѣчаетъ оный любимыми красками своего воображенія, по коемъ, тоскуя, таетъ она желаніемъ, и дотолѣ не успокоивается, доколѣ не обрящетъ онаго, и обрѣтши, съ жадностью наслажденія бросается къ нему: но едва напряженныя долгимъ алканіемъ чувства пресытились, прелесть изчезаетъ, мечта пропадаетъ, и предметъ, яко изваяніе, разсыпается самъ собою. Тогда погруженная въ саму себя душа на долго пребываетъ, аки оглушенная разрушеніемъ своего обмана. Чаяла блаженства, вкусила тѣнь; ждала Бога, и обняла кучу пепла, подобно какъ въ подземельяхъ Геркуланскихъ находятъ цѣлые образы человѣческіе, неподвижностью спер-

таго воздуха, въ истлѣвшемъ прахѣ цѣло сохраняемые: но малѣйшее прикосновеніе къ нимъ наружнаго, обращаетъ ихъ въ горсть пепловиднаго бренія. Но и здѣсь не очевидное-ли есть различіе между душею и тѣми вещьми, коихъ она желаетъ? Вещи суть мечта, но что душа желавшая оныхъ? И у насъ не о вещахъ идетъ дѣло, но о душѣ. Ахъ! закруженная въ вихрѣ мечтательныхъ своихъ видѣній, чудно-ли, естьли она, обрѣтая оныя таковыми, каковыми есть онѣ дѣйствительно, именуетъ ихъ по ихъ собственному имени, именуетъ мечтою? Но, о! несмысленная, чего же она желала! чего искала? Не сама-ли она обличаетъ себя и въ семъ случаѣ? Дерзнетъ-ли она лжесвидѣтельствовать на себя, якобы желала завѣдомо мечты единыя? Не блаженства-ли искала, не жизни-ли своей? Не естьли уже такое желаніе само отъ начала жизненнаго? Но что есть и душа, какъ не существо живое? Правда, и она есть мечта, но только мечта въ бытіе облеченная, мечта по тому, что желая жизни, ищетъ оныя внѣ жизни, въ призракахъ, не своею, но ея же жизнію, и не внѣ ея, но въ ней самой, одушевленныхъ (*). Ибо что

(*) Не худо, естьли бы при семъ всякой читатель

суть чувственныя всѣ образы, какъ не одни предлоги, данные на возбужденіе въ ней жизненныхъ ея силъ? Она желаетъ сребра, но поднеси къ ней оное, ссылаемся на собственный ея опытъ, кромѣ твердыя вещи, она ничего не найдетъ въ немъ, ве-

---

остановилъ вниманіе свое на душѣ, составляя о ней свои разсужденія по соображеніямъ, примѣненнымъ къ тѣлу, въ различныхъ обстоятельствахъ находящемуся касательно своей пищи: ибо измѣнительные виды тѣла суть токмо наружные указатели образовъ души по отношенію ея къ Богу. Тѣло не можетъ быть безъ пищи, и чѣмъ сія скуднѣе и менѣе питательности въ себѣ содержитъ, тѣмъ и оно тоще и безобразнѣе; такъ и душа не можетъ не имѣть своей пищи; но кто можетъ быть ее брашномъ, какъ не Богъ, а потому крѣпостію ея, силою, красотою, сущностію? Душа лишенная Бога, вкупѣ лишается доброты и крѣпости, и есть болѣе образъ тѣни, нежели существа. Потому-то душа по мѣрѣ своего удаленія отъ Бога ослабѣваетъ, обезсиливаетъ и въ самомъ существѣ своемъ истончевается въ подобіе шатающейся тѣни. Душа должна жить и питаться Богомъ: *Вкусите и видите, яко благъ Господь.* Пища сія не есть иносказаніе, но самая сущность, дающая сущность и душѣ: ибо душа, яко бытіе, не можетъ жить сама о себѣ. Такъ только Богъ живетъ. Изъ сей точки да взираютъ на язычниковъ, ко-

щи мертвенной, не заключающей въ себѣ никакого утѣшенія; но вещь сія, яко возбудительный предлогъ, движетъ ее, и движеніе сіе, по качеству предлога своего, образуетъ въ ней чувство любви къ сребру, и нарицается сребролюбіемъ. Что же въ семъ

торые естьли бы имѣли оную пищу, не шатались бы такъ какъ тѣни, и умъ бы ихъ тогда былъ стоящая о Богѣ существенность. Изъ сейже точки должны взирать и на таинство причащенія, подъ тайнообразными коего видами подаются вѣрнымъ дѣйствительно самое тѣло и самая кровь Христова во обновленіе естества нашего и для насыщенія души нашей. Се хлѣбъ Божій, хлѣбъ животный, хлѣбъ нашъ въ истину насущный. *Плоть бо моя*, сказалъ Спаситель, *истинно есть брашно, и кровь моя истинно есть пиво: ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣки.* Не душа же ради тѣла, но тѣло души ради, и потому душа жива будетъ во вѣки, насыщая себя небеснымъ хлѣбомъ, а съ нею и тѣло. Ибо Спаситель всего Себя даетъ въ причастіи; чрезъ что и душу насыщаетъ и насъ обновляетъ. Христосъ *существенно пребываетъ во Святой Евхаристіи, и поелику въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ*, то всѣ вѣрные ядятъ Христа (*Іоан. VI.* 57), и чрезъ сіе приходятъ въ общеніе съ Богомъ. Безъ сего, всякое существенное сношеніе души съ Богомъ прервано, и душа остается въ состояніи горшемъ самаго языче-

существеннаго? Сладость чувствас ребро-любія, не въ сребрѣ, но въ самой душѣ; тамъ оно ожило въ чувствѣ ея. Вещь любимая удерживается, но сребро переходитъ изъ рукъ въ руки: это есть ходячая монета. Не это-ли есть сущая мечта, однако

ства, такъ какъ отъ язычниковъ сіе сокровенно было. — Отсюда оказывается, что измѣняющіе о І. Х. свои понятія, превратятъ оныя и о семъ таинствѣ; какъ и обратно, не почитающіе сего таинства по образу ученія истинныя Церкви, приведутся въ послѣди къ ложнымъ понятіямъ и о Іисусѣ Христѣ, и извратятъ Христіанство по своимъ мечтательнымъ началамъ. — На примѣръ: иные нарицаютъ совѣсть Христомъ, но истинный Христосъ хощетъ, чтобъ вѣрные яли его; такъ надлежало бы ясть совѣсть, когда бы она была Христосъ. Поелику же совѣсть ѣсть не льзя, то плевельные учители вынуждены будутъ принимать и подобныя онымъ Спасителевымъ изрѣченія въ иносказательномъ смыслѣ, отъ чего истина таинства у нихъ разорится, и вѣрныхъ души останутся безъ пищи, какъ скоро повѣрятъ такому злочестивому ученію. Тогда, по мѣрѣ распространенія въ народахъ такого ученія, связь земли съ небомъ станетъ прекращаться. Вѣра потеряетъ силу свою и перестанетъ привлекать силу Божію и благословеніе на землю. Иная же вѣра иную и силу привлечетъ къ себѣ, и тогда . . . . . Но оставимъ

сребролюбецъ, смѣющійся надъ безсмертіемъ, сію-то мечту и называетъ существенностью, какъ напротивъ душу свою мечтою. Внемля съ коварностью проповѣднику будущія жизни, съ усмѣшкою указуетъ ему на груды собраннаго имъ металла, и посмѣвается проповѣднической его бѣдности, будучи слѣпъ видѣть богатства отложенныя ему въ небесной сокровищницѣ благости Божіей. Онъ нарицаетъ его нищимъ, и съ презрѣніемъ оставляетъ ему его Бога, яко возлюбленное его богатство, а самъ нарицаетъ сребро вожделѣннымъ своимъ сокровищемъ. *Се человѣкъ, иже не положи Бога помощника себѣ, но упова на множество богатства своего, и возможе тщетою своею* (*Пс.* 51). Кто же правъ изъ

сіе, а лучше замѣтимъ сію страшную истину, что таинство Евхаристіи столь самосущественно, какъ учитъ о немъ истинная Церковь, что токмо на немъ одномъ держится (*видимо изъясняется*) и все ученіе о Пресв. Троицѣ, и что низвращать оное есть не токмо низвращать послѣднее, но и ускорять паденіе всего Христіанства. Ибо, какъ скоро прямое и существенное вѣдѣніе о Божественной Троицѣ погибнетъ, а оное погибаетъ отъ измѣненія понятія о Іисусѣ Христѣ; то и Христіанству непремѣнно погибнуть должно будетъ.

нихъ? Нужно-ли на сіе глубокіе доводы? Воззрите токмо на сребро неподвижно лежащее, и оно обличитъ ложь одного, и явитъ правду другаго. Пришелъ врагъ, похитилъ сребро, и гдѣ крѣпость упованія на него, гдѣ гордыня, гдѣ торжество? Блѣдность смертная обезображиваетъ лице его, трепетъ разливается по самымъ сокровеннѣйшимъ составамъ тѣла его. Но оно еще не похищено, однако сребролюбецъ не не вѣдаетъ, что таково есть дѣйствіе и послѣдствіе, когда сокровища непріязненнымъ случаемъ восхищаются отъ руки его. Но хотя бы онъ обладалъ онымъ, хотя бы лишился, равно останется для него непреложнымъ то опытомъ, что и удовольствіе отъ обладанія онымъ, какъ и ужасъ отъ лишенія, происходятъ единственно въ душѣ его; что посреди всѣхъ совершающихся измѣненій образовъ свѣта, одна душа его пребываетъ свидѣтельницею всего того, и видитъ и познаетъ все то, чрезъ воспріемлемыя ею въ себя впечатлѣнія, пребывая одна тѣмъ, чѣмъ есть она въ единичности своей, которая и тогда пребудетъ, когда міръ сей разорветъ съ нею стихійную свою связь, похититъ свое и оставитъ ее на произволъ уготованнаго ей жребія въ другомъ мірѣ.

Для чего же оные предлоги (вещи), какъ не для того, дабы человѣкъ взималъ отъ нихъ случай къ обнаруженію своей внутренности, лукавства или искренности предъ Богомъ? Господь отъ самаго начала сотворилъ человѣка, и оставилъ его въ руцѣ произволенія его, да испытаетъ послушаніе его къ заповѣдямъ своимъ, да извѣдаетъ благую волю его къ Вѣрѣ. Предложилъ ему огнь и воду, и на неже хощетъ, простретъ руку свою. Предъ человѣкомъ животъ и смерть, и еже аще изволитъ, дастся ему (*Сир.* XV. 14. 17). Понятно-ли это? Одинъ воззрѣвъ на сребро, возгарается къ нему любовію, для пріобрѣтенія котораго побуждается на средства, воспрещаемыя въ заповѣдяхъ Божіихъ, и глотаетъ въ себя духа смерти. Другой, хотя при воззрѣніи на оное возбуждается также подобнымъ чувствомъ, но имѣя страхъ Господень, и памятуя его заповѣди, потушаетъ огнь чуждый дуновеніемъ благодати; и даже, когда богатство течетъ, не прилагаетъ сердца (*Пс.* 61). Тогда онъ употребляетъ оное, не ко вреду, но для блага души своей, и колико кратъ беретъ оное, и простираетъ руку на подаяніе и удѣленіе бѣдному, толикократно разверзаетъ небо и душу свою къ принятію въ себя жизни

Божіей, между тѣмъ, какъ восходящія молитвенныя воздыханія о немъ къ Богу, привлекаютъ ему благословеніе Его, разливаютъ жизнь Христову въ сердца дѣтей и присныхъ, творятъ ему путь по смерти легчайшимъ въ Царство небесное, гдѣ къ обрадованію увидитъ не токмо ничего не погубленнымъ изъ всего того, что подавалъ; но что все то сторицею и болѣе возвращено ему въ сокровищахъ, коихъ ни тати не подкапываютъ, ни тля тлитъ. Такимъ образомъ чрезъ предложенныя намъ на испытаніе вещи, мы сами по своему изволенію избираемъ или животъ или смерть; то есть, путь къ Богу, или путь къ діаволу.

Далѣе сего, мы не должны никакого другаго дѣлать употребленія изъ міра, его же образъ преходитъ. Насыщаться познаніемъ натуры есть тоже, что питать себя тѣнями. Утверждать себя на семъ знаніи, и хотѣть почерпать изъ него существенное вѣдѣніе Тріипостаснаго, есть тоже, какъ бы утверждать себя на зыблющемся и на пескѣ основанномъ зданіи, которое отъ малѣйшаго воднаго притеченія, или упора вѣтреннаго, можетъ и само обрушиться, и насъ обрушить въ пропасть бѣдствій, надъ коею поставлено. На семъ-

ли висящемъ ни на чемъ мірѣ искать того вѣдѣнія, которое есть сокровенно со Христомъ въ Богѣ (*Кол.* III. 3)? На измѣняющихся-ли повсечасно образахъ его основывать не долженствующее, какъ Самъ Господь, никакому подлежать измѣненію, знаніе объ отношеніяхъ человѣка къ Создателю? На текущемъ-ли времени утвердить вѣчность? На тлѣніи-ли нетлѣнное? На суетѣ-ли непостыдное и паче адаманта крѣпчайшее наше упованіе? И естьли поучавшійся на персяхъ Христовыхъ о таинствѣ науки Божія, вопіетъ къ намъ не любить міра, и яже въ мірѣ: яко все въ ономъ похоть плотская, и похоть очесъ и гордость житейская (изъ каковыхъ началъ развѣ составляться можетъ наука темная, ведущая посреди мраковъ своихъ на дно адово, которой учителей всегда міръ послушаетъ, зане отъ міра суть, а не отъ Бога, и сего ради отъ міра глаголютъ: 1. *Іоан.* IV. 5): то мы-ли повѣримъ сему ученію, якобы міръ или натура есть свѣтъ Тріипостаснаго, оличающій и присносущную Его силу и существо? Мы-ли повѣримъ, имѣя Христа, чтобы сіе великое цѣлое, и каждая часть онаго, громко проповѣдывало намъ величіе неизреченнаго Сына Божія, за насъ распятаго, что вся

натура, все, все сближаетъ насъ съ Богомъ, Іисусомъ Христомъ? Мы-ли, вопію, повѣримъ, когда божественный гласъ учитъ: *яко любы міра сего вражда Богу есть; иже бо восхощетъ другъ быти міру, врагъ Божій бываетъ* (*Іак.* IV. 4), и когда справедливо таковыхъ называетъ прелюбодѣйцами, поелику мимо Церкви, по гордости духа своего, любодѣйствуютъ съ нечистыми духами? А что Апостолъ точно сіе о таковыхъ разумѣетъ, то поясняетъ слѣдующими за тѣмъ стихами, и заключаетъ: *Повинуйтесь убо Богу, противитеся же діаволу, очистите руцѣ грѣшницы, исправите сердца ваша двоедушніи.* Но повиноваться Богу, есть повиноваться Христу Его; а повиноваться Христу, есть повинитися Его Церкви, которую Онъ, яко плоть свою, питаетъ и грѣетъ (*Еф.* V. 29), поставивъ оную быти столпомъ и утвержденіемъ истины (1. *Тим.* III. 15). Ибо любовь къ ней Того, Кто стяжалъ ее кровію своею, не можетъ быть скуднѣе Самаго Его. И потому не можетъ инако любить Церкви своей, какъ всею полнотою Себя Самаго.

Никогда ни вся вмѣстѣ натура, по отношенію будущаго нашего жребія, къ чему наипаче и должно прилѣжать наше помышленіе отъ юности, и что должно со-

ставлять конецъ всѣхъ нашихъ знаній, ни когда о семъ толико высокомъ и насъ близкомъ предметѣ не скажетъ того, что̀ одинъ гробъ Христіанина. Приходя къ нему, мы приходимъ какъ бы на край міра, и вопрошаемъ съ нѣкою живою, расстаться съ тѣмъ прахомъ не могущею, скорбію, уже-ли все кончилось? Уже-ли сей гробъ поставленъ надъ пропастью одной неизвѣстности? Но скорбь-ли привлекла насъ ко гробу? Нѣтъ, любовь, а скорбь есть случайный видъ ея: это одежда ея. Самая любовь есть чувство одушевляемое духомъ, мѣра коего есть и мѣрою силы и жизни любви нашей. Духу угасающу охлаждается и чувство. Душа наша состоя подъ наитіемъ Духа благаго, или духа злаго, оттуда заимствуетъ и видъ печали своей. Въ Богомудромъ скорбь есть нѣкое тихое и мирное сѣтованіе души уповающей. Духъ Святый не возбраняетъ человѣку быть человѣкомъ; но таковый, будучи подъ Его вожденіемъ, не преступаетъ за предѣлы, и не унываетъ, аки надежды не имущій. Въ самомъ Духѣ Божіемъ онъ видитъ Царство небесное, видитъ и того, съ кѣмъ расталcя, ежели сей, подобно вашей дщери, можетъ увѣрить наше сердце въ истинѣ сего блаженнаго вселенія со Святыми. Изъ

сего мы удобно постигаемъ, что осѣняемый Духомъ Божіимъ никогда не предастся излишеству въ печали; равнымъ образомъ не будетъ онъ и безчувственъ подобно камню; ибо обѣ таковыя крайности происходятъ не отъ духа благаго. Одинъ діаволъ старается содѣлать человѣка нечувствительнымъ, дабы сей извиняя въ себѣ таковое нечувствіе, оправдывалъ оное уничиженіемъ естества человѣческаго, и отрицаніемъ будущія жизни. Или повергая его въ малодушіе, на то доставляетъ ему силы, да продленіемъ привязанности къ умершему, являетъ чувство сіе съ лучшей стороны изящества человѣческаго сердца, питаетъ въ немъ сладость унынія и примѣшивая по временамъ отчаяніе, яко силу любви, приводитъ на ропотъ противу Бога. (*Мат.* XVI. 23: 1. *Кор.* III. 3).

Но коснувшись сего по отношенію дѣйствія на насъ Духа Божія, разсмотримъ человѣка съ этой точки. Ибо чѣмъ менѣе духъ человѣческій въ сношеніи съ небомъ, тѣмъ и самъ человѣкъ менѣе человѣкомъ есть. Духа естество и цѣль есть, да научаетъ насъ, объясняетъ внутреннее свое слово; но надобно, чтобъ самъ онъ былъ просвѣщаемъ. А это приводитъ къ заключенію, что человѣкъ чрезъ духа постав-

ляется въ связи и сношеніи съ духовнымъ міромъ. Отвергать сію истину, было бы столь же неосновательно, какъ бы кто сталъ отвергать дѣйствія стихій на тѣла наши, и солнечныхъ лучей достиженіе на то и другое. Но для объясненія духу своего слова, надлежитъ, чтобы и то слово отъ чего нибудь бралося: подъ словомъ же мы разумѣемъ покуда впечатлѣніе на душу, въ коей оно, осуществляя себя, творится чувствомъ ея, словомъ внутреннимъ. Тогда съ отрожденіемъ сего слова вселяется духъ, отверзаетъ око свое на углядѣніе онаго, и желаетъ познать его. Но сіе слово само себя не объясняетъ, а и духъ откуда возъимствуетъ свое разумѣніе? Что самъ отъ себя онъ учинить сего не возможетъ, то это понятно и для всякаго. Одинъ Богъ есть самъ въ себѣ разумѣніе, источная премудрость. Итакъ явственно, что разумѣніе со вперениымъ вниманіемъ нашимъ втекаетъ въ душу, но не отъ Бога безпосредственно, а отъ духовъ, имѣющихъ свой міръ. Ибо непристойно мыслить, чтобы Богъ при всякомъ напряженіи пытливаго духа сообщалъ ему себя, угождая, воображая, приспособляя Себя ко всѣмъ самоизвольнымъ и прихотливымъ его обращеніямъ. Но чтобы вознестись до поз-

нанія о Богѣ, то надобно, чтобы познаніе то было существенное, также изъ естества Божественнаго составленное (*почерпнутое*). Обыкновенно же вѣдѣніе духа сообразуется по существу своему съ качествомъ духовнаго міра, могущаго впечатлѣвать вѣдѣніе свое въ сообразное съ нимъ естество наше. И понятіе о Богѣ, приходящее изъ онаго міра, стольже отдалено отъ сущности истиннаго боговѣдѣнія, колико небо небесъ отстоитъ отъ неба и земли, и колико Христосъ есть превыше всякаго Ангела. Сей-то ради вины язычники названы тварью. Человѣкъ творится человѣкомъ точію о Христѣ Іисусѣ, поелику съ Нимъ пріемлетъ истинное и существенное познаніе, а не языческое понятіе о Богѣ. И поелику язычники самимъ Христомъ названы тварью (*Мар.* 16.), то явно отсюда, колико ложно то ученіе, коимъ хотятъ увѣрить насъ, что яко бы и они могли имѣть Христа, разумѣя подъ симъ внутреннее слово, и вѣдать Бога. Ежели бы такое внутреннее слово могло быть Христосъ, то язычники имѣя Его, знали бы и Отца Его: *никто же знаетъ Сына, токмо Отецъ: ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ, и ему же аще волитъ Сынъ открыти.* Ибо, обладая самимъ Христомъ, невѣдѣніе имени Его по сложенію

человѣческаго слова, уже было бы малостію. Но язычники не вѣдали Бога, что доказывается, какъ ихъ собственными писаніями, исполненными одними противурѣчіями и сомнѣніями, такъ и тѣмъ, что Самъ Христосъ нарекъ ихъ тварью, всѣхъ неизъемлемо; слѣдовательно внутреннее слово не есть Христосъ, и смѣшивать сіи понятія было бы духа нечестія. Истина сія такъ ясна, какъ всякая математическая аксіома, не требующая никакого потому доказательства, что сохраняетъ всю ясность своего довода въ самомъ предложеніи.

Какая же натура дастъ намъ оное богосущественное вѣдѣніе? Какой Ангелъ сообщитъ намъ оное по образнымъ въ насъ отпечаткамъ природы? Кто дерзнетъ, кромѣ Самаго Бога, наставлять въ истину о Богѣ? А безъ существеннаго, такъ скажу, изъ естества Божія произшедшаго вѣдѣнія, можетъ-ли быть несомнѣнное увѣреніе о безсмертіи души нашей? Удѣлять Богу о себѣ вѣдѣніе, не знаю, можетъ-ли быть безъ приискренняго пріобщенія самой сущности его? А когда не можетъ, то какимъ образомъ, безъ явнаго умоотступленія, согласить, чтобы общеніе естества Божіяго могло происходить и

совершать себя въ клятвенной мерзости поврежденнаго естества человѣческаго? И сіе самое обстоятельство не проповѣдуетъ ли намъ, что дабы сіе быть могло, то надлежитъ, дабы благость Божія напередъ изобрѣла средство къ облеченію естества своего въ человѣчество, да тако примиритъ себѣ оное, и въ немъ примиритъ себя человѣчеству, какъ учитъ и Церковь Апостольскими устами, что *Богъ бѣ во Христѣ міръ примиряя себѣ* (2 *Кор.* 5. 19).

Тогда уже понятно, что оное воплощенное естество (*Слово*) Божіе, удѣляя (*сообщая*) себя человѣку, даетъ ему существенное знаніе о Богѣ: ибо слово Его, вселяющееся въ благопокорнаго сына Церкви, не изъ стихій міра составлено будетъ, но изъ собственнаго начала Его. Едва же Слово оное вселится въ человѣка, смирившаго себя подъ иго Христово, еже есть Церковь Его, которую и нарицаетъ игомъ благимъ и легкимъ бременемъ для желающихъ послушать ее; тогда духъ воспрядаетъ, и будучи нищъ въ своей воли, поелику отдалъ ее всю Церкви, пріемлетъ въ себя духа живущаго въ ней; а сей-то духъ и просвѣщаетъ отродившееся въ насъ слово, которое одно и достойно именоватися словомъ: тако Богъ чрезъ Бога вразумляетъ человѣка о Богѣ.

Сей-то Единый Духъ знаетъ Бога, какъ Онъ есть, и знаетъ Сына, и отъ Его пріемлетъ, и отъ принятія сего возвѣщаетъ намъ, поелику Отецъ всего Себя отдалъ Сыну (Іоан. 16. 15). Тогда пріобрѣтенное съ симъ словомъ познаніе о Богѣ будетъ самою сущностью Божіею, живымъ и новымъ Его именемъ. И се таинство, совершающееся въ человѣкѣ, на которое и Ангелы со трепетомъ приникнуть желаютъ; таинство, коего первообразіе всякой вѣрующій блаженно лобызаетъ въ совершаемомъ преложеніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову, совершаемомъ благодатію Духа Святаго при священнодѣйствіи служителей Божіихъ. Горе! горе! уничижающимъ оное таинство. Горе посягающимъ на святость священническаго чина. Проклятіе поястъ ихъ.

Послѣ толь самояснаго убѣжденія себя въ таковой правдѣ, какъ двигнемъ языкъ свой на признаніе натуры за отверзстое предъ очами всѣхъ Слово Божіе, въ которомъ всемогущій Строитель всяческихъ толь велелѣпно, толь убѣдительно открываетъ не токмо безконечную Свою премудрость, силу и красоту; но въ которомъ якобы толь ясными письменами начерталъ и Святую волю Свою? Какое Христіанское сердце, разумѣвающее, что понимать дол-

жно подъ Словомъ Божіимъ, оличитъ симъ словомъ натуру, которая и въ первосущихъ силахъ своихъ ничто какъ сотворенныя начала, несравненно низшія началъ души и духа нашего, поелику для нихъ и сотворены; кольми паче въ настоящемъ ея образѣ, послѣдствіи человѣческаго паденія? Уже-ли мистики, выхваляющіе намъ числительную свою мудрость, сами преткнулись о камень ея, и забыли сіе правило науки оныя, что ежели два уравненія равны одному какому нибудь, то и сами они порознь равны между собою, и что слѣдовательно, ежели Христосъ есть Слово Божіе, и натура также, то надобно, чтобы и натура и Христосъ было у нихъ одно и тоже. Иначе, какъ бы имъ нарекать вещь несвойственнымъ ей именемъ, когда они же учатъ, и справедливо, что всякая вещь заключаетъ сама въ себѣ сущность своего имени. Какимъ же образомъ природа содѣлаться можетъ Словомъ Божіимъ, когда Слово Божіе есть не иное что, какъ образъ Божій, единаго съ нимъ естества? Уже-ли и природа изъ того же естества?

Лже-мистикъ воображаетъ, что отдѣляя отъ первообразныхъ началъ природы всякую вещественность, онъ составляетъ отвлеченныя понятія, а по онымъ особен-

ную науку, въ которой паче всякія другія науки созерцаетъ Бога; поелику мнитъ, что оныя начала суть изъ Самаго Бога, и что оная то невещественная натура и составляетъ Слово Божіе. Что иное могли мечтать и язычники? Могутъ-ли въ Богѣ быть начала иныя, какъ не Онъ Самъ? Какъ одѣть Бога въ самые гнусные образы и вещественности? Ибо какая вещь, какъ бы подлою она ни была, не имѣетъ своего начала неразрушимаго? Не явно-ли это дѣлать натуру какъ бы Христомъ? Не это-ли *непотребная мудрость* Исавлина (*Іер.* 49. 7: *Авдіи* 8)? Ибо хлѣбъ духовный, небесный, не гіероглифическій, не вообразимый, но существенный, душенасущный, не естьли Христосъ, Сынъ Бога живаго, Духомъ Своимъ насъ согрѣвающій, и тѣломъ Своимъ питающій? А также и хлѣбъ обыкновенный не естьли образъ натуры вещественной? И какъ Исавъ за ядъ продалъ отцовское благословеніе, не такъ-ли и мистикъ за укругъ натуры своей продаетъ Христа и Отца Его небеснаго благословеніе? Не Исавъ-ли родился, *весь яко кожа косматъ*, во знаменіе естественной, но естества обыкновенно человѣческаго грубѣйшей натуры, и того, что мудрость изъ таковой натуры почерпаемая потому непо-

требна, что она не возвышаетъ человѣка, но творитъ его предъ Богомъ равно тварью, *весь яко кожа звѣря?* Не онъ-ли бысть человѣкъ вѣдый ловити, сельный? Не его-ли имени значеніе есть работникъ или *человѣкъ совершенъ*, какъ о себѣ и мистикъ мечтаетъ?

Но какъ сіе собственно не касается до существа нашей бесѣды, и мы коснулись онаго, сколько нужно было для вскрытія хотя мало той завѣсы, которая длиннымъ своимъ спускомъ скрываетъ бездну нѣкакой науки, надъ коею носится духъ тьмы: то я и обращаюсь къ Апостолу, яко извѣстившемуся непосредственно о сихъ вещахъ чрезъ откровенное Слово Божіе; онъ наставляетъ: *блюдитеся, да никто же васъ будетъ прельщая Философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ: яко въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (*Кол.* 2. 8). Примѣтимъ силу послѣдней рѣчи, яко въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ: ясно, что здѣсь *тѣлеснѣ* не потому токмо сказано, что Христосъ былъ человѣкъ; но дабы вѣрные, подъ предлогомъ познанія Бога, не уклоняли отъ него взоровъ своихъ къ натурѣ, какъ къ видимому образу; но что и Христосъ подаетъ

оное знаніе также видимо, какъ присущій образъ, *тѣлеснѣ*. И даже изрекши, *яко въ томъ*, какъ бы нѣкакою присущею слову его силою невольно отвращаетъ насъ какъ сущихъ младенцевъ, отъ натуры, и обращаетъ къ Христу, вѣдая, колико сильно есть прилѣпленіе къ ней растлѣннаго естества нашего: *яко*, что и есть доводъ и утвержденіе, а *въ томъ*, сила обращенія къ лицу, отъ коего не должны уклонять себя ни подъ какимъ предлогомъ. Но какой Христіанинъ научась отъ Самаго Господа Іисуса Христа знать Бога, пойдетъ еще отыскивать онаго знанія въ натурѣ? Надобно, чтобы таковому Христосъ во все не былъ вѣдомъ; или чтобы сей вѣдая о Немъ нѣчто по слуху, впрочемъ воображалъ Его по своей мечтѣ; и тогда у всякаго можетъ быть свой Христосъ, но не истинный, нарицая свою мечту столь же несвойственно, какъ и натуру называютъ отверзстымъ Словомъ Божіимъ. *Лучше бо бѣ имъ не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять отъ преданныя имъ Святыя заповѣди. Случися бо имъ истинная притча: песъ возвращся на свою блевотину, и, свинія омывшися, въ калъ тинный* (2 *Петр.* 2. 21). Ибо какъ тотъ же камень Вѣры говоритъ: *отбѣгше скверны*

міра въ разумѣ Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, сими же паки сплетшеся побѣждаемы бываютъ. Вотъ что значитъ отъ познанія Христова обращаться къ стихіямъ Натуры. Ибо послѣ Христа, что не будетъ скверною, блевотиною, тиною? Естьли бы то справедливо могло быть, чтобы Бога познавать изъ натуры, то и Христа. Но кого же первѣе надлежитъ въ ней познавать, Бога, или Христа? Ежели Бога, то Христосъ не нуженъ, поелику Христосъ для того и пришелъ, да отъ него единаго познаютъ Бога. Когда же Христа, то что сего нелѣпѣе, какъ чтобы учиться познавать Христа не у Христа, а у Натуры, развѣ подъ Христомъ нѣчто не то разумѣть станемъ, какъ учитъ о Немъ Святая Церковь Его. А что подъ скверною міра или Натуры Апостолы нѣчто общее разумѣли, то это явно и оттуда, что Священное Писаніе вообще такъ именуетъ языки. Почему и Павелъ укоряетъ Галатовъ. *Нынѣ же, познавше Бога, паче же познани бывше отъ Бога, какъ возвращаетесь паки на немощныя и худыя стихіи, имѣже паки свыше служити хощете*, и въ слѣдъ объясняетъ, что онъ чрезъ то хощетъ сказать имъ: *дни смотряете и мѣсяцы и времена и лѣта.*

Говорятъ, Сократъ вѣдалъ Бога; но еже знати Его всесовершенна есть правда (*Прем. Сол.* 15. 3); а такое познаніе подается только Христомъ. Мистики подразумѣваютъ, что подобные Сократу язычники имѣли въ себѣ Христа. Но вотъ о чемъ они не помыслили. Такъ знать Бога, какъ языческій мудрецъ, требовалось непремѣнно знанія природы, долговременнаго упражненія; слѣдовательно языческіе младенцы, умирая, не могли уже быть восприняты отъ Бога, между тѣмъ, какъ Христіанская Церковь устами Самаго Спасителя обѣщаваетъ имъ (*своимъ младенцамъ*) царствіе небесное, хотя они ни почему не могли вѣдать ни Бога, ни Христа. Потому, что наша Церковь разумѣетъ совершенно другаго Христа, чѣмъ мистики. Цѣлое должно отвѣчать частямъ и части цѣлому. Вотъ свойство и признакъ истины. Въ нашей Церкви Христосъ единожды всемъ существомъ и образомъ рожденъ отъ Бога, и вочеловѣчился, и отъ естества своего питаетъ всѣхъ вѣрныхъ, омывая и очищая ихъ чрезъ Церковь, и всѣмъ даетъ себя туне: убо и младенцу нѣтъ надобности быть непремѣнно мужемъ для стяжанія Христа. Во Христа крестилися, во Христа и облеклися, и таковымъ еже умрети, пріобрѣтеніе есть (*Фил.* 1. 21).

У мистиковъ выходитъ напротивъ; и всѣ дѣти по необходимости слѣдуютъ къ осужденію.

Что! Природа будетъ нашею наставницею о Богѣ, та природа, о которой сказано, что истаютъ вся силы ея, небо свіется аки свитокъ, и вся звѣзды спадутъ яко листвіе съ лозы (*Исаіи* 34); которой стихіи сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дѣла, сгорятъ (2. *Петр.* 3. 10); и всяка гора, и островъ отъ мѣстъ своихъ двигнутся (*Апок.* 6. 14). И уже-ли, когда будетъ тако потребляемъ отъ лица живыхъ непотребный учитель, ученикъ-ли уцѣлѣетъ? Или еще съ вящею хулою на Святаго Духа возразятъ, что не природа есть наставница, но Духъ оный? Какъ! Духъ Бога живаго восхощетъ употребить немощныя и худыя стихіи въ посредство къ отрожденію въ насъ Слова Божія; Духъ Божій восхощетъ для сего употребить еще несравненно низшія самаго естества человѣческаго начала орудіемъ своимъ для осуществленія въ насъ имени Божія? Ахъ, несмысленные! помышляютъ-ли они о томъ, что говорятъ и чему учатъ?

Мы показали, что разумѣется въ мистикѣ подъ натурою; но какія бы отвлеченныя начала не извлекали изъ оныя, не

естьли верхъ заблужденія человѣческаго мыслить, яко бы тѣ начала могли отродить въ насъ имя Божіе, которое инако не можетъ быть, какъ изъ сущности естества Божественнаго, какъ мы вѣрные о Христѣ и разумѣемъ? Не выходитъ ли это всегда одно и тоже, что мистикъ пріемлетъ натуру за непосредственное истеченіе изъ Существа Божія, за Слово Божіе, за Христа? Не выходитъли это изъ его началъ, что такимъ образомъ и язычникъ могъ имѣть Христа? Не будетъ-ли это, что Христосъ можетъ пріобрѣтаемъ быть всѣми, кромѣ истинныхъ Христіанъ, отвергающихъ таковыя нелѣпыя о натурѣ понятія, и признающихъ, что они инако Христа стяжать не могутъ, какъ чрезъ повиновеніе Церкви; какъ напротивъ у мистиковъ всякой мнимый праведникъ вправѣ уже мечтать о себѣ, что онъ Самъ есть Христосъ, Сынъ Божій, потому только, что такъ вообразилъ себѣ, составя послушаніе Богу по своимъ началамъ; послушаніе потому только, что онъ самъ призналъ оное за таковое.

О! коль иное проповѣдуетъ Духъ Божій, вопія очищенными огнемъ пророчества устами: *устыдится луна и посрамит-*

ся солнце: яко воцарится Господь въ Сіонѣ и во Іерусалимѣ (*Исаіи* 24. 23). *Воздвигнете на небо очи ваши, и воззрите на землю долу, понеже небо яко дымъ утвердися, и земля яко риза обетшаетъ, живущіи же на земли яко же сія изомрутъ, спасеніе же мое въ вѣкъ будетъ, и правда моя не оскудѣетъ* (*Исаіи* 51. 6). Но желаете-ли слышать еще ужаснѣйшее нѣчто на возлюбляющихъ таковые образы тлѣнія и смерти, внемлите, что глаголетъ Богъ о таковыхъ устами Іереміи, отъ чрева матерня освященнаго въ Пророка на проповѣдь Божію. Господь чрезъ него угрожаетъ извергнуть кости Царей Іуды, и кости Князей его, и кости Священниковъ, и кости Пророковъ, и кости обитающихъ во Іерусалимѣ, изъ гробовъ ихъ, и повергнуть ихъ противъ солнца и луны, и противъ всѣхъ звѣздъ небесныхъ, и противъ всего воинства небеснаго. Но какая бы могла быть вина таковыя страшныя казни? Поелику прибавляетъ за тѣмъ писаніе, что они всѣ тѣ вещи *возлюбиша, и имже служиша, и въ слѣдъ ихъ ходиша, и ихже держахуся, и имже поклонишася: не оплакани и непогребени будутъ, и въ примѣръ на лицѣ земли будутъ. Яко избраша паче смерть неже животъ* (*Глав.* 8.). Тако повсюду Писаніе предста-

вляетъ Натуру въ ея уничиженномъ видѣ, въ образѣ смерти, дабы отвращая отъ оной, пригвоздить наше сердце къ единому не мимоидущему Слову Божію, животу нашему, Іисусу Христу; Слову, якоже Самъ Онъ, вѣчно пребыть имѣющему: *яко въ немъ благоволи всему исполненію вселитися* (*Кол.* 1. 19). Почему и Самъ Онъ какъ бы отвратить желая насъ отъ того, что насъ самихъ отъ него отвращаетъ, говоритъ: *Небо и земля мимоидетъ, словеса же моя не мимоидутъ.* Въ сихъ-то словесахъ живота вѣчнаго, а не въ смѣняющихся непрестанно явленіяхъ натуры, человѣкъ поучаться долженъ въ истину познавать Бога. Вотъ единое на потребу. Наука о Богѣ должна почерпаема быть изъ источника и естества столь же превѣчныхъ и безсмертныхъ, какъ Онъ Самъ. Иначе, мы Бога на столько же уничижимъ въ своемъ понятіи, колико низки будутъ сами по себѣ орудія, избираемыя въ посредство къ достиженію онаго вѣдѣнія. Но какъ Богъ уничиженъ быть не можетъ, то мы сами себя на толико унижаемъ и удаляемъ отъ Него. И тако одѣянные въ свѣтлость Христіанскихъ истинъ, но имѣя темнотою помраченный духъ, низвергаемся въ пропасть адову.

Мы разсуждали здѣсь о Натурѣ по отношенію единственно къ Вѣрѣ, а не къ наукамъ, имѣющимъ въ обществѣ свое назначеніе, пользу и цѣль. Богъ далъ Вѣру не на строеніе кораблей, мѣльницъ и тому подобнаго, и потому одного съ другимъ смѣшивать не должно. Зная колико пища душевная превыше насыщенія чревнаго, мы очень удалены отъ того, чтобы при таковомъ духовномъ богатствѣ завидовать дѣламъ міра, и тѣмъ орудіямъ, посредствомъ коихъ онъ совершаетъ оныя. Мы оставляемъ охотно міру науки его, яко сѣни смертныя, посреди коихъ онъ изждиваетъ свою неключимую дѣятельность; и естьли бы науки могли пребыть сами въ союзѣ и мирѣ съ Вѣрою, конечно, мы ниже бы словомъ укорили оныхъ. Для чего не увеселять себя твореніемъ Господнимъ и не исполнять себя радостію при воззрѣніи на дѣла рукъ Божіихъ (*Пс.* 19)? *Ибо небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку его возвѣщаетъ твердь.* Однако не сказано-ли, *мужъ безуменъ не познаетъ, и неразумливъ не разумѣетъ сихъ.* А таковыми суть всѣ тѣ, кои изъ невиннаго упражненія творятъ особливую науку къ познанію таинствъ Божіихъ, забывъ, яко та погибнутъ, Господь же единъ пребываетъ: и вся яко риза

обетшаютъ, и яко одежда совьются и измѣнятся; но единъ Господь тойжде есть и лѣта Его не оскудѣютъ (*Пс.* 101). Такъ, науки всегда первыя учиняются виною вражды, прежде на Вѣру, потомъ и на Бога: или справедливѣе, первѣе на Бога, для чего вѣру имѣютъ только предлогомъ, какъ то видѣли во всякое время на ученыхъ, о коихъ не худо замѣтить, что они шли прямо или на Вѣру, или явно отрицали Бога, а о Церкви едвали и помышляли. Но есть другой родъ ученыхъ, которые, по самому исповѣданію своему, Бога и Вѣры отрицаться не могутъ: но поелику тотъ же духъ и въ нихъ втекаетъ чрезъ Натуру, то оный духъ и возбуждаетъ ихъ на разореніе Церкви, да будутъ *послѣдняя горша первыхъ*. Мірскіе ученые нападая на Вѣру и Бога явно, самымъ тѣмъ спасали вѣрныхъ противу прелести своей, почему сіи продолжая ходить въ Церковь, исправляли въ ней немощные свои слухи, и снова силою свыше утверждали разслабленныя свои колѣна. Безуміе таковыхъ учителей было толь явно противуположено выгодамъ и стоянію гражданства, что Государи, хотя бы и склонны были податься на оное ради частной своей пользы, не могли бы потерпѣть укорененію онаго въ ихъ Госу-

дарствахъ. Одинъ Фридрихъ, наиболѣе углѣбнувшій въ тинныхъ пакостяхъ таковаго заблужденія, благопріятствовалъ оному; но въ послѣди и онъ горько раскаялся (*). Онъ потому достоинъ вящаго осужденія, что самъ видѣлъ и признавалъ нелѣпость философовъ; но увлекаемъ былъ единственно славою міра сего, въ которомъ желалъ всѣ роды оныя стяжать на главу свою, какъ будто на главѣ Царской вѣнецъ благочестія Христіанскаго не краше всякаго вѣнца земнаго.

Мы же Христіане видимъ и въ семъ дѣло Промысла. Гной поврежденія нравственнаго сталъ заражать уже многихъ; и многіе стали смердѣть ученостью и са-

---

(*) He was extremely sorry that his indifference had produced such effects; that he was sensible it had greatly contributed to hurt the peace and mutual good treatment of his subjects; and he said, that he would willingly give up the glory of his best-fought battle, to have the satisfaction of leaving his people in the same state of peace and satisfaction with their religious etablishments, that he found them in at his accession to the throne. — *John Robison.*

мымъ смерденіемъ своимъ похвалятся: изъ сего на прелесть многихъ составилась въ мірѣ слава, съ которою вѣрные начали любодѣйствовать. Въ подобныхъ случаяхъ Богъ избираетъ всегда изъ роду сего сильнаго, дабы чрезъ него распространить желаемое міромъ, и насытить его собственнымъ его желаніемъ, и чрезъ то явить, кто чѣмъ доволенъ. Съ одной стороны хощетъ Онъ обнаружить двоедушіе однихъ; съ другой поставить на опытъ любящихъ Его и усовершить ихъ. Чѣмъ это все кончилось, извѣстно всему міру.

Но какъ древній змій не утомляется въ гоненіи Церкви, то радуясь уже приключившемуся въ сынахъ ея разоренію, и видя, что съ одною мірскою ученостью онъ не успѣетъ: ибо она слишкомъ скудна, да скоро и оскомину набиваетъ своею недозрѣлостію; то онъ въ нѣдрѣ самой Вѣры ищетъ утвердить престолъ свой, и возсѣдя на ономъ, поучаетъ истинамъ ея, а духъ проливаетъ свой, и творитъ своихъ учениковъ, да оными, аще бы возможно было, прельститъ и избранныхъ.

Не надобно здѣсь отмѣнной ума проницательности, чтобы усмотрѣть сего правду. Мы уже имѣемъ дѣло не съ учеными міра, которые равно посмѣваются и

откровенію и бытію діаволовъ, не вѣря ни тому, ни другому. У насъ дѣло съ тѣми, кои сказываютъ, что все это признаютъ, и которые равно съ нами говорятъ, что духовный змій есть, и что онъ изобрѣтаетъ всѣ средства къ погубленію истинныхъ Божіихъ и Христовыхъ поклонниковъ. Вотъ этаго съ насъ и довольно. Мы уже имѣемъ съ ними хотя одну точку общую.

Послѣ этаго, естьли толико простый умъ, чтобы не могъ разсудить, что поелику мірскою ученостью, какъ мы то сей часъ показали, не льзя совратить міръ сей, то оный змій помыслитъ на завѣтъ Святый, и попытается навести на него прелесть свою? Кто не видитъ, что сего не льзя учинить ему явнымъ ученіемъ отрицанія Іисуса Христа? Кто не видитъ равно, что поелику *не льзя*, то ему инаго къ тому средства не останется, какъ проповѣдывать Самаго Христа, но только по своему духу? Кто не видитъ также и сего, что проповѣдуя Христа, онъ долженъ будетъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, елико можно, притаивать жестокость духа своего, и поддѣлываться подъ всѣ Христіанскія добродѣтели, и уже по случаямъ и обстоятельствамъ разнообра-

зить выходки своего голоса. Напримѣръ: индѣ то будетъ холодное благочестіе; индѣ пожигающая ревность; индѣ смѣшеніе языка набожнаго съ такими подлыми или страстными выраженіями, что едва неопытная душа расположилась къ облобызанію имени Христова, какъ тутъже начитываетъ такое словцо, отъ котораго по неволѣ хохотаніемъ развѣется въ сердцѣ имя Христово, какъ будто для того онымъ воспринятое, дабы отдать на поруганіе духа демонскаго, который тогда въ таковомъ сердцѣ и дѣетъ надъ онымъ всевозможныя пакости? Кто не видитъ, кто не пойметъ, что ежели уже должно діаволу проповѣдать Христа, да собственною проповѣдію убьетъ Его въ душахъ вѣрныхъ; то для достиженія сего ему не возможно будетъ успѣть съ оставленіемъ въ цѣлости всего Христіанства, и что ему на что нибудь да надобно будетъ устремить свое нападеніе, и изсунуть жало свое? Отвергнуть Писанія не возможно, зане есть свидѣтельство о Христѣ. Да и на что ему это? Писаніе хотя писанное Духомъ Святымъ, и писано о Христѣ, но не есть само по себѣ, ни Христосъ, ни Духъ Святый, ни осуществленная истина; но человѣческія письмена, слова, которыя мо-

гутъ быть изкажаемы и низвращаемы по духу каждаго: слѣдственно онъ можетъ еще, *наведя на оное прелесть свою*, употребить и писаніе на совершеніе дѣла своего. Нельзя проповѣдывать Христа и не вѣрить; слѣдовательно и Вѣра, яко слово, оставится имъ. Сверхъ того, Вѣра есть также нѣчто само по себѣ неопредѣленное, какъ скоро сердце каждаго учинится ковчегомъ ея, истолкователемъ силы ея: это такъ просто, что токмо одинъ развѣ совершенно безумный не возможетъ ощутить сего; или оное станетъ отрицать присяжный соработникъ змія, въ жестокости упорства діавольскаго всемъ сердцемъ своимъ пребывающій. Что же послѣ сего остается въ Христіанствѣ? Одна Церковь, ковчегъ Вѣры, и Хранительница Духа Божія. Чрезъ нее Богъ подаетъ Духа Своего, и цѣлость Вѣры и здравый смыслъ на истолкованіе писанія.

Къ сему привелъ насъ самый разумъ. Посмотрите послѣ сего на всѣ болѣе или менѣе ложныя, болѣе или менѣе дерзскія книги Христіанъ мистиковъ, и вы увидите, что общая цѣль ихъ стремленія есть Церковь.

Согласясь въ этомъ, безтрудно согласимся и въ послѣдующемъ. Церковь должна

состоять изъ всего народа, устно ее и чрезъ нее исповѣдующаго Бога и Христа и Святаго Духа. Я сказалъ устно не потому, чтобы исключить сердце, когда оно-то и должно быть едиными устами, изрекающими имя Божіе: но поелику испытаніе сердца принадлежитъ единому Богу и послѣднему дню Его; а не намъ обремененнымъ собственными своими грѣхами, которые и малѣйшей частицы мерзостей въ своемъ усмотрѣть не можемъ: такъ далеко и глубоко зазирать во внутренность ближняго есть гордости демонскія. Сердцемъ вѣруется въ правду, а и усты во спасеніе. Мы люди, и должны взирать на наружное, хотя нѣтъ такого безумца, который бы не вѣдалъ, что сердце лучше устъ, и что когда уста не раздвоиваются съ сердцемъ, такъ это лучше, чѣмъ то, чтобъ устами быть Христіаниномъ, а сердцемъ сыномъ блуднымъ. Вотъ почему мы сказали объ устномъ исповѣданіи, поелику сердечное само по себѣ разумѣется; ибо сего только требуетъ Богъ, Христосъ, Вѣра и Церковь. Но какъ мы сего, со всею нашею мистикою, сдѣлать не можемъ, ибо это есть дѣло единаго Бога, такъ какъ Онъ уже и за нашими сердцами назираетъ; и не для чего же, какъ для обнаженія

сердецъ и судъ уставилъ: то намъ, яко гражданамъ-Христіанамъ, остается крѣпко настоять на устномъ исповѣданіи, и оное употреблять во спасеніе свое и братіи. Утверждая оное въ громадности народа, сберегаютъ чрезъ то Вѣру въ цѣлости въ сердцахъ по частно, да сіи паки возмогутъ быть обращены въ источники Духа Святаго къ напоенію народа. Слѣдовательно внѣшнее Христіанство неразрывно со внутреннимъ. О внѣшнемъ есть правило и способъ судить каждому равно, а внутреннее подвержено всякому толку и кривому понятію; но сему не подвергается внѣшнее, которое ограждая себя неприкосновенностію, сберегаетъ чрезъ то и цѣлость внутренняго. Никто не хочетъ смотрѣть на себя съ худой стороны, но какъ можно съ лучшей. Слѣдовательно, дозволить всякому судить о внутренности Христіанства есть тоже, что допустить судить объ ономъ по состоянію духа каждаго, и всякую мерзость водворять на мѣстѣ святѣ. Но внѣшность связываетъ языкъ каждаго. Въ семъ разумѣ Государя можно наречь внѣшнимъ Епископомъ, слугою Церкви, который паче престола своего обязанъ охранять неприкосновенность и святость наружныя Церкви, и каж-

дый изъ нихъ имѣетъ наипаче за сіе воздать отвѣтъ предъ Богомъ. Для чего Вѣра, Церковь, Христосъ? Всѣ отвѣчаютъ, да Духъ Божій водворится въ людяхъ. Слѣдственно, нужны люди, нужна наружность. Церковь наша есть сердце, однако она имѣетъ и уста, коими исповѣдуетъ, да обратитъ къ сердцу. Устные Христіане, о которыхъ такъ презрѣнно судятъ лукавые мистики, никогда не исповѣдывали того, что Церковь ихъ не есть Церковь сердца; да и говорить о семъ не имѣли надобности столько же, какъ не имѣютъ надобности кричать и оглашать воздухъ, что свѣтъ отъ солнца, и тѣмъ доказывать остроту своего зрѣнія. Устные Христіане сохраняя и внутреннее, не тщеславятся послѣднимъ; но мистики также не могутъ обойтися безъ устности, съ тою токмо разностію, что они похваляясь своею мнимою внутренностію, по необходимости должны быть образцами святости: но таковы-ли они, отдаю на судъ другаго. Мистики наполняютъ столицы, города, почти всѣ званія и состоянія, отъ высшихъ до низшихъ: но за то и мерзость въ народахъ прибавляется, такъ что естьли бы возможность была уму человѣческому, то бы увидѣли, что оная со-

размѣрялась всегда сообразно силѣ дѣйствующей лже-мистики.

Итакъ, Церковь Христіанская будетъ состоять изъ народа, имя сіе носящаго на себѣ. Сей народъ долженъ будетъ потому имѣть посреди себя и Церковь видимую, гдѣ оное имя проповѣдуется; и безъ которой всякой бы воленъ былъ называть себя храмомъ Божіимъ, упираясь и на Священномъ Писаніи, глаголющемъ, *не вѣсте-ли, яко храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1. *Кор.* 3. 16). На что болѣе сего Апостольскаго свидѣтельства? Вотъ каждый изъ насъ не токмо храмъ Божій есть, но Апостолъ говоритъ, что уже и Духъ Божій живетъ въ насъ. Почему же такой-то мистикъ хочетъ, чтобъ мы повѣрили ему, что онъ-то есть оный храмъ живаго Бога; а когда говоритъ о себѣ тоже самое другой, то онъ называетъ сіе сатанинскою гордостью? Нѣтъ Церкви, нѣтъ и образа, нѣтъ и правила, нѣтъ потому и судіи, ибо не почему судить: а Священное Писаніе можетъ учиниться игрушкою духа обѣихъ сторонъ. Но мистики не хотятъ вникнуть въ сіе, что когда Апостолъ говоритъ оное къ Коринѳяномъ, то онъ въ тоже время и укоряетъ ихъ, чѣмъ и доказываетъ, что они могутъ быть таковымъ

храмомъ и имѣть Духа Божія, но на условіи, аще подчинятъ себя Церкви. Безъ каковой предосторожности не льзя бы было и сего согласить, какимъ образомъ всѣ имѣя духа Божія, и будучи Его храмомъ, а живутъ такъ богомерзско? Почему льстятъ мистики, когда примѣненіемъ таковыхъ рѣчей вообще къ народу, возбуждаютъ его на самолюбіе, и чрезъ то стараются уклонить отъ видимыя Церкви, яко не нужной. Ибо тотъже Апостолъ пишетъ къ нимъ: *отъ насъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати, да не единъ по единому гордитеся на другаго.*

Отсюда доводится, что наружная Церковь должна быть, что весь народъ съ Царемъ своимъ должны быть отрожденными чадами ея и охранителями, по мѣрѣ власти своей; а какъ власти всѣхъ гражданъ въ рукѣ единыя освященныя власти Царскія: слѣдовательно вся власть оная должна обращена быть на защиту оной Церкви. Какимъ же образомъ безумные мистики, тако нынѣ посмѣваются Царямъ, что дерзаютъ увѣрять ихъ, якобы Церковь была нѣчто наружное, не имущая своей внутренности, когда и древесная кора не можетъ стоять безъ своего внутренняго, и когда сама она не изъ ничего взя-

лась, а изъ того же внутренняго. Можно-ли безстыдство свое простирать такъ далеко, чтобы самую Царскую власть возбуждать на разореніе Церквей и потребленіе Священства (*)?

(*) Wilt der Priester sie euch vorenthalten: Gehet hin und fordert sie vom Thron.

. . . . . .

Priester!

Fürsten mussten euch zum Frieden zwingen!

Edle Fürsten, Gott ist euer Lohn.

Какъ! можно-ли дозволить о комъ бы то ни было мыслить столь позорно и уничиженно, чтобы онъ не могъ разсудить, что гдѣ наружное, тамъ и внутреннее. Ежели же мистики воображаютъ сами, что видимая Церковь есть токмо *холодныя кирпичныя стѣны*,

nur kalte Mauersteine

что оную-то Христіане посвящаютъ Богу и называютъ Христіанствомъ слова и угрюмые, тоскливые обряды:

Worte sind es, ängstliche Gebräuche
Und das nennen sie ihr Christenthum!

то надобно думать, что уже Божіе наказаніе постигло ихъ до того, что Онъ отнялъ отъ нихъ всякой умъ по отношенію къ Себѣ. Естьли такое дитя, которое можно бы было увѣрить, что есть нѣчто наружное, которое одно своего внутренняго не имѣетъ и не имѣло? онъ сорвалъ бы былинку и уличилъ бы того въ безуміи; потомъ далъ бы

Когда же мы опытно показали, что мистики, оглашая Христово Имя, должны по духу нападать тайно и явно *на нѣчто*, и что оное *нѣчто*, по существу дѣла должна быть Церковь: то пусть читатель пробѣжитъ всѣ мистическія книги, и сіе

усохнуть ей, и стирая оную двумя своими пальчиками, посрамилъ бы снова коварный языкъ, и вмѣстѣ обнаружилъ бы, чего добиваются мистики, дабы и имъ съ такою же удобностію можно было стереть изсохшее Христіанство, которое подлинно, отнято будучи отъ своей жизни яко трава увядаетъ, изсыхаетъ и погибаетъ.

Слѣдовательно противу сей-то Церкви, подъ видомъ устныхъ Христіанъ, изъ коихъ состоитъ всеобщность Христіанства, и коихъ сердца Богъ единому Себѣ судить предоставилъ, противу сей-то Церкви мистики станутъ двигать свои враждебныя силы и подвигать власти міра сего, увѣряя, что это дѣло Божіе.

Edle Fürsten, Gott, ist euer Lohn.

О Цари! человѣческій языкъ можетъ обѣщавать вамъ и самаго Бога въ награду за истребленіе видимыя Церкви: соритъ именемъ Божіимъ по произволу, было изкони у человѣковъ нечестивыхъ. Но познайте по самой легкости, съ каковою они дарятъ васъ онымъ, познайте по самому дерзновенію, съ каковымъ нечестіе, яко даръ свой, раздаетъ, кому хочетъ. Бо-

заключеніе онъ увидитъ у нихъ на самой вещи.

И сего-то рода мистики будутъ тѣми духовными учеными, которыхъ воздвигнетъ змій на уязвленіе Церкви. Натура и ея силы содѣлаются у нихъ главною наукою.

га, что въ семъ, кромѣ прелести зміиной, инаго ничего не кроется. Кто раздаетъ Бога, долженъ быть выше Бога. Церковь не имѣетъ языка сего; она передаетъ языкъ Божій и предлагаетъ вамъ обѣщаніе Его, и средство получить оное. Уже-ли вы менѣе повѣрите ей, чѣмъ безумцу изъ среды мірскія мерзости къ вамъ взывающему? Пощадятъ-ли мистики тронъ, власть и лице ваше, когда они низпровергнутъ Церковь и власть духовную? Вспомните, что обѣщавали философы, и чѣмъ все кончилось. Но для насъ вѣрныхъ вы нужны. Съ вами стоитъ Церковь, а съ Церковію держимся и мы.

Чтожъ касается до оныхъ стиховъ, гдѣ мятежнымъ противу Церкви духомъ Государи призываются призвать Священство предъ тронъ, дабы принудить ихъ къ общему миру чрезъ соглашеніе всѣхъ исповѣданій, что собственно значитъ уничтоженіе оныхъ: то надобно, чтобы у писателя онаго голова до того уже закружилась отъ бѣснованія, что онъ и не вспомнилъ о другихъ Христіанахъ, изъ которыхъ многіе, хотя бы и всѣ пастыри приложились къ нечестію, согласятся скорѣе пожертвовать своимъ животомъ, чѣмъ кратко-

Они равно станутъ презирать мірскихъ ученыхъ, какъ и клеветать на Христіанъ. Первымъ припишутъ они кору природы, а послѣднимъ кору Христіанства, непщуя о себѣ, яко они одни обладаютъ внутренностью того и другаго, и сольютъ то и другое воедино. И собственно не сольютъ, ибо Христосъ самъ отвергнетъ ихъ, и предастъ въ неискусенъ умъ и сатанѣ на изможденіе въ работу; почему внутреннее у нихъ будетъ одна натура, по началамъ которой станутъ разсуждать о внутреннемъ Христіанствѣ; и находя оное не согласнымъ съ натурою, назовутъ прямое Христіанство корою, суевѣріемъ, антихристіанствомъ, и въ своей рабочей передѣлаютъ христіанство по духу своему, и подъ знаменами сего духа объявятъ вражду истиннымъ Христіанамъ.

Въ такомъ-то разумѣ мы охуждали здѣсь Натуру, поколику она есть орудіемъ въ людяхъ діавола, къ отвращенію вѣрныхъ

временный животъ свой купить толикимъ страшнымъ пожертвованіемъ.

Не это-ли есть взываніе лже-Христовъ и лже-Пророковъ къ Господу своему анти-Христу?

отъ Церкви. Она то есть оная *зѣло высокая гора*, съ которой духъ искуситель показывалъ и Христу вся Царствія міра и славу ихъ, обѣщавая Ему все то отдать, аще падъ поклонится ему. Но Іисусъ рекъ: *иди за мною сатано*. Замѣтимъ, что когда и Петръ началъ прерѣцати Христу, то и ему было сказано: *Иди за мною сатано: соблазнъ ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божія, но человѣческая*. Итакъ Петръ соблазнъ былъ потому, что онъ о дѣлахъ Божіихъ дерзнулъ разсуждать по началамъ человѣческой натуры, что и есть внушенія сатанинскаго. Христосъ же повелѣваетъ за собою ити, а не самаго его влечь за нашимъ разумомъ, изъ натуры почерпаемымъ: преступленіе сіе толь велико, что Христосъ и самаго Петра нарекъ сатаною, хотя слова Петровы были дѣломъ болѣе необдуманности, и происходили повидимому отъ добраго намѣренія. Что же послѣ сего сказать о мистикахъ? Не диво, естьли они досадуютъ, когда называютъ ихъ симъ именемъ: ибо всякая вещь носитъ сама въ себѣ имя свое, какъ и они сіе утверждаютъ. Они же суть существа разумныя, и не могутъ не вѣдать, какое они имя во внутреннѣйшемъ своемъ скрываютъ. Было время, когда и язычники поношали

именемъ Христовымъ вѣрныхъ Его; однако сіи не сердились, не умягчали онаго разными изворотливыми толками, но паче всякаго сокровища благоволили въ семъ поношеніи: ибо и они вѣдали, какое имя носили въ себѣ, имя, за которое рады были отдать жизнь свою, и естьли бы обладали всѣми мірами, ниже бы усумнились яко изгребіе повергнуть оные, и обречь себя на сугубѣйшія поношенія, лишь бы имя сіе сохранилось въ нихъ.

Какъ бы о сихъ вещахъ ни разсуждали, сіе одно для всѣхъ будетъ ощутимою истиною, что природа, кромѣ понятій, ничего дать не можетъ, но понятія не составляютъ сущности. Что прекраснѣе Астрономіи, что привлекательнѣе Физики, что хитрѣе Механики, что заманчивѣе Химіи, но что онѣ какъ не голыя понятія, сущность коихъ внѣ ихъ обрѣтается, и никакой сущности сами по себѣ не дающія? Да и какой ученый захотѣлъ бы осуществлять себя по понятіямъ своей науки? И не всякой-ли ученой трудится изъ укруга насущнаго хлѣба, имѣя славу побочнымъ уже дѣломъ, славу, которая сама по себѣ есть дымъ, ничто? Какимъ же образомъ всѣ таковыя словесныя понятія могутъ осуществлять въ насъ имя Божіе, которое

одно можетъ доставлять и существенное понятіе о Богѣ? Самая благороднѣйшая наука, это неоспоримо есть наука нравственная, ведущая къ познанію о Богѣ; но могутъ-ли знанія даровать намъ Самаго Бога? Что легче было бы тогда (*какъ стяжать*) Бога, котораго такимъ образомъ могутъ познавать и злые, а діаволы и подавну невѣдать не могутъ? Такъ легко никакой человѣкъ не расточаетъ и своихъ милостей, не токмо удѣлять себя самаго. Скажутъ: Богъ даетъ Себя добрымъ и любящимъ Его. Но кто сей добрый, кто сей любящій? Кто можетъ сіе сказать о самомъ себѣ не усрамляясь лица человѣческаго, не токмо Божескаго? Какъ можно хотя токмо тайно въ себѣ самомъ помыслить, *что я добръ*, и не устыдиться своей совѣсти, кольми паче, когда еще сердце не исполненно Духа Святаго? Почему, дая намъ образъ смиренія, Христосъ ниже себя какъ человѣка, дозволилъ нарещи благимъ, да единъ Богъ благимъ нарицается. Но когда и о добротѣ своей преступно было бы свидѣтельствовать; то какъ упираясь на одну природу, увѣрять дерзновенно о любви къ Богу? Натура говоритъ о Богѣ, но какъ? Мы видимъ часы, и знаемъ, что есть имъ художникъ; мы видимъ природу, и сравнительно

заключаемъ, что есть и тотъ, кто сотворилъ ее: но такое вѣдѣніе есть токмо понятіе. Что Богъ есть, и камень изъ стѣны возопіетъ, и хрущъ отъ древа возглаголетъ сія (*Аввак. II.* 11). И естьли подлинно такого вѣдѣнія достаточно бы было, при вообразимой съ нашей стороны добротѣ, для стяжанія Бога; тогда и подлинно Христосъ былъ бы не нуженъ. Нѣкоторые мистическіе учители съ притворнымъ ужасомъ что либо скажутъ противу сего, и станутъ мудрованіями доказывать, что Христосъ необходимъ; однако естьли не оставятъ притомъ своего мнѣнія о спасеніи язычниковъ чрезъ упомянутое боговѣдѣніе; языкъ ихъ будетъ ложь. Но Христіанину нѣтъ надобности ни ужасаться, ни суемудрствовать; сужденіе его просто и свѣтло, какъ сама истина, къ которой одинъ путь, одни врата. Ежели Сократъ чрезъ собственное свое вѣдѣніе о Богѣ могъ стяжать Его; то онъ могъ стяжать Его и безъ Христа, развѣ подъ Христомъ станутъ понимать истеченіе изъ Бога нѣкоей существенности, отрождаемой въ человѣчествѣ, и тако Христа образующей, или тому подобное: но это будетъ по понятію мистическому, а не по знанію того Христа, Его-же исповѣдуетъ Церковь. Но естьли Богъ стяжается тѣмъ Хрис-

томъ, котораго Церковь съ вѣрными признаетъ устами и сердцемъ: то Сократъ не могъ стяжать Христа сего, а потому не могъ вѣдать и Бога живымъ образомъ.

Итакъ одинъ Христосъ есть наука наша, и одна Церковь есть путь ко Христу. Се корень нашего безсмертія, се непостыднаго нашего упованія.

Вопросимъ о безсмертіи души мудрецовъ язычества, паче другихъ возсіявшихъ свѣтомъ разума посреди тмы и мраковъ невѣжества людскаго. Сократъ признается, что безъ особеннаго свыше откровенія, человѣкъ николи не возможетъ пріити въ познаніе союза души и тѣла; и потому, хотя на многихъ мѣстахъ разсуждаетъ прекрасно о безсмертіи, но въ сущности таковое у него понятіе есть не столько достовѣрное убѣжденіе, колико на вѣроятности основывающаяся возможность. Разсуждая въ Федонѣ о жребіи, ожидающемъ его по смерти, онъ говоритъ: ,,надѣюся, что увижу себя посреди людей добродѣтельныхъ, но сего утверждать не дерзаю.— Или, ,,я отхожу ко смерти, а вы станете продолжать жить; никто изъ насъ не можетъ сказать, который изъ сихъ двухъ путей есть лучшій; единъ Богъ то знаетъ.—,,Ежели душа должна уничтожить-

ся, говоритъ Римскій Вѣтія-Философъ, то какого еще желать благополучія, какъ уснуть посреди толикихъ бѣдствій, и быть спокойно погребену въ вѣчномъ снѣ..,—Или: единому Богу извѣстны несомнѣнныя истины, мы же человѣки съ трудомъ можемъ различать и то, что есть токмо вѣроятнаго. Не будемъ полагаться на твердость нашу; иногда довольно одной хитрой мысли для опроверженія нашего. Даже въ самыхъ ясныхъ понятіяхъ, мы пребываемъ нерѣшимы и переходимъ отъ мнѣнія ко мнѣнію, а мнѣніе о безсмертіи души не безъ нѣкотораго мрака."—Плиній, у котораго читать и познавать природу, можно сказать, было страстію, за вещественностію ея образовъ и совсѣмъ не усматриваетъ будущей жизни. ,,Тщеславіе человѣческое, по его мнѣнію, хочетъ продлить себя и по смерти, и творитъ въ самой обители смерти призракъ существованія. То предполагаетъ оно душу безсмертною, то заставляетъ переходить ее изъ одного тѣла въ другое."—Въ одномъ мѣстѣ Сенека увѣряетъ, что послѣдній день жизни есть для человѣка и днемъ рожденія къ жизни вѣчной. Но вскорѣ сомнѣніе затмѣваетъ увѣреніе. Ежели правда, говоритъ онъ, что душа переживаетъ тѣло, и что она безъ

него существовать можетъ, то по истиннѣ будущая жизнь предпочтительнѣе настоящей.''—Равнымъ образомъ Конфуцій, знавшій начертать правительственныя начала для своихъ Государей, да чрезъ то самыхъ владычныхъ преемниковъ обяжетъ къ ненарушимому оныхъ соблюденію, чѣмъ токмо єдинымъ и можетъ сохраняться твердость и цѣлость Имперіи: сей самый, говорю, Конфуцій, содѣлавшій изъ науки царствовать тайну Вѣры, не вѣрилъ продолженію бытія нашего по смерти, и естьли его ученики учатъ, что Богъ добрыхъ награждаетъ, а злыхъ наказываетъ, то они разумѣютъ сіе по отношенію сего, а не другаго міра.

Но отъ чего при толь свѣтлыхъ догадкахъ такія у нихъ шаткости? Потому, что догадка не есть и быть не можетъ истиною. Сократъ говорилъ о Богѣ, о безсмертіи: съ одной стороны такое понятіе есть истина, съ другой оно есть догадка. Истинаже не можетъ быть вмѣстѣ истиною и догадкою, а таковою она является у язычниковъ. Но естьли бы она была дѣйствительно истиною, то не могла бы уже быть догадкою; язычники бы такъ не шатались мыслями и не поучались тщетнымъ. Увѣренность была бы у нихъ Наукою. Но

противное неоспоримо доказываетъ, что у нихъ истины были однѣ догадки, бѣглыя мысли, не имѣвшія своего основанія, ни корени въ душѣ ихъ. То было нѣчто подобное маннѣ, которая тогдаже растаевала, и коею долѣе единаго дня запасаться не позволялося, или она повреждалась. Имъ не доставало сущности и тѣла самой истины: словомъ, имъ не доставало Христа.

Остановимся на семъ и вопросимъ, что же значитъ *не доставать Христа?* Симъ вопросомъ я желаю возбудить вниманіе на простоту истины нашей Вѣры, дабы предостеречь себя отъ всякихъ козней духа лестча, употребляемыхъ имъ для отвращенія насъ отъ простаго понятія о Іисусѣ Христѣ. Ибо нынѣ посреди самаго Христіанства возникаютъ тончайшіе отъ лжеименнаго разума истекающіе вымыслы, въ основаніи совершенно противные началу Христову. Учители оныхъ, приспособляя хитрыя соображенія свои къ библейскимъ рѣченіямъ, одѣваютъ свою ложь въ такую свѣтлую ризу Христіанскаго ученія, что посредствомъ сей выдумки безтрудно успѣваютъ уловлять и отторгать во слѣдъ себѣ неискусныхъ, и вооружать ихъ противу настоящихъ Христовыхъ послѣдователей.

Итакъ, что же будетъ *не доставать Христа?* Довольно уже сей единой истины, что для познанія Бога народамъ не доставало Христа. Познать такое недостаточество есть великій шагъ на пути къ истинѣ. Не доставать Христа не будетъ не доставать какой либо истины, яко понятія относящагося къ Богу, естественно понимаемому. Съ этой стороны едва-ли не всѣ понятія, какія и мы имѣемъ о Богѣ, имѣли язычники: но мы видѣли, что тѣ истины недостойны были носить сіе имя, будучи одними гаданіями, для опроверженія которыхъ достаточно было одной замысловатой мысли. Свойство истины есть свѣтлое убѣжденіе въ себѣ и непреложность: почему не доставать Христа будетъ не доставать существенности, или, такъ сказать, тѣла самой истины. Слѣдовательно, ежели къ существенному познанію Бога такъ необходимъ Христосъ, то очевидно безъ Христа не льзя ни увѣдать Бога, ни пріити къ Богу. Слѣдовательно, не доставать Христа будетъ недоставать Самаго Бога; тако Христосъ и Богъ едино суть. Но нѣкоторые лживаго духа учители употребляли сію истину нераздѣлимости Христа и Бога къ уклоненію неопытныхъ отъ самой сей истины; и вмѣсто того, чтобы о

Пресвятой Троицѣ разсуждать по ученію Церкви, они стали допытываться о ней чрезъ примѣненія къ человѣку, не мысля, яже суть Божія, но человѣческая; и стали въ своей плоти и крови искать богомудрія, выдавая мысли свои за вдохновенія свыше, забывъ, что всякое мудрованіе плотское, вражда на Бога: закону бо Божію (*Церкви*) не покаряется, ниже бо можетъ (*Рим. VIII.* 7). Ибо законъ безъ Церкви не будетъ болѣе закономъ. Видя человѣка, яко единое лице, они подъ онымъ вообразили Бога-Отца; слыша износящееся изъ него слово, они примѣнили оное къ Сыну; и разсуждая о износящей оное слово силѣ, они заключили по ней о Духѣ; и какъ человѣкъ при всѣхъ таковыхъ видахъ дѣйствій своихъ, пребываетъ единъ, такъ подобно суемудрствуютъ они и о Пресвятой Тройцѣ въ единомъ Богѣ. По сему превратному ученію, Христосъ у нихъ будетъ вѣчно глаголющій Богъ; такъ какъ бы глаголалъ и человѣкъ, то всякое его слово, изображающее мысль его, будетъ сыномъ, рожденіемъ его, образомъ его, всегда изъ него исходящимъ; а гдѣ слово, тамо и духъ. Изъ сего-то заблужденнаго начала родились многія другія нелѣпыя ученія, равно прикрывающія тму свою свѣтлостію библейской ризы, сот-

канной изъ ея рѣченій. Богъ вѣчно глаголетъ; всякой Его глаголъ творитъ, а всѣ вмѣстѣ сіи глаголы составляютъ превѣчность Божія Слова или Сына безконечной мысли. Тако сводъ небесный, испещренный звѣздами представляетъ едино; такона тура со всѣми своими произведеніями есть едина. Посему ученію мистикъ вожделѣваетъ Бога, раскрываетъ Ему волю свою, молитъ оплодотворить животную землю его словомъ своимъ; и се Богъ внемля его воздыханію, посылаетъ въ него оное присущею Ему силою, и слово сіе творится плотію, воплощается, и вотъ Христосъ, силою духа въ душѣ его воображенный. Замѣтимъ, что такъ бы выразилъ себя и сущій Христіанинъ; но какая непомѣрная разность между понятіемъ того и другаго! мистикъ вожделѣваетъ, но самое сіе вожделѣніе составляется по собственному его произволу; долженствующее быть основаніемъ всему, есть само безъ основанія, и есть плодъ воображенія. Не всѣ-ли дѣти желаютъ выпросить у матери нѣкакой вещи; не всѣ-ли они увѣряютъ ее въ своей искренности: но мать, знающая судить о нихъ, отдаетъ оную тому, кто подлинно въ основаніи души не скрываетъ льсти; между тѣмъ, какъ всякой изъ нихъ судилъ се-

бя быть не хуже того, кому та вещь отдана? Тако Христіанинъ, имѣющій Церковь своею матерью, образуетъ по ней искренность свою, и сею ужѐ искренностію разверзаетъ волю свою. На сей искренности Христіанинъ основываетъ и молитву свою; между тѣмъ, какъ у мистика она образуется по собственнымъ началамъ его сердца: на подобіе того, какъ человѣкъ, предположившій достать себѣ вещь, находящуюся у его ближняго, прежде увѣряетъ самъ себя въ искренности къ нему, хотя тотъ и другой совсѣмъ противныхъ началъ и духа между собою. Увѣривъ себя въ оной, заемлетъ на тотъ разъ и образъ его мыслей и усвоиваетъ себѣ его чувства; желаніе же получить оную вещь такъ искусно все сіе склеиваетъ въ себѣ, что и подлинно ощущеніе нужды замѣняетъ у него чувство любви, и такъ подъ сію подлаживается, что подлинно онъ и самъ становится убѣжденъ въ любви своей къ тому, у кого хранится вожделѣваемая имъ вещь! Но какъ это токмо нужда, а не самая любовь, то всѣ его поддѣльныя движенія весьма примѣтны для глазъ стороннихъ. Но пусть кто нибудь попытается хотя слегка сказать ему о неискренности его; онъ кромѣ злобы или уклончиваго притворства

со стороны того, ничего не увидитъ. Такова есть искренность мистиковъ неуправленная Церковію, между тѣмъ, какъ у Христіанина все дѣло есть одна простота повиновенія. Онъ видитъ себя въ ней такимъ, какъ есть: это есть духовное зеркало, Церковію ему подаемое, а не имъ самимъ составляемое. Онъ не знаетъ себя, но онъ знаетъ, что Церковь ему повелѣваетъ; сіи повелѣнія суть для него чистѣйшее зеркало, повиновеніемъ пріемлемое; видя въ ономъ свои пятна и безобразіе, онъ не начинаетъ черпать своихъ доводовъ изъ уязвленнаго самолюбія; и не увѣряетъ себя, что то зеркало есть не настоящее, что пятна и безобразіе не въ немъ, но въ самомъ составѣ зеркала и въ дѣлательницѣ онаго, Церкви. Ложные сіи доводы мистикъ переноситъ, какъ и въ нихъ свое увѣреніе, въ самой духъ свой, и одуховляетъ въ себѣ оное, что и есть край погибели: ибо тогда таковое ложное свое убѣжденіе онъ осуществляетъ въ себѣ, обращается въ немъ духомъ своимъ, и будучи не въ состояніи изъ онаго выпутаться, поелику не имѣетъ Церкви, остается въ мертвенномъ покоѣ. Но какъ никто не отъемлетъ отъ него познавательной сладости разума, когда и язычники лишены оной не были; то естественно, къ тому,

что имѣли язычники, мистикъ можетъ присовокупить созерцаніе истинъ Христіанскихъ и усилить разумѣтельную свою прелесть, и тѣмъ еще болѣе омрачить себя на щетъ правости своей. Сего еще недовольно. Поелику мы видѣли, что все производство его искренности, вожделѣванія, воздыханія, не имѣютъ другаго основанія, кромѣ его же сердца: то весьма праведно заключить изъ того, что Богъ таковымъ дать себя не можетъ. Но поелику многіе изъ нихъ утверждаютъ, что они чувствуютъ въ себѣ воспріятіе *чего-то;* увы! и мы имъ вѣримъ въ томъ; поелику вещь такъ ясно сама о себѣ говоритъ, что не льзя тому и не повѣрить; но, о! нещастные, кого пріемлете вы за Бога? Познайте гнѣвъ на васъ Господній за оскорбленіе вами Его Церкви. Коликихъ услажденій ложь была виною у Философовъ? Фернейскій Пѣвецъ непрестанно услаждалъ себя ею: а Женевскій Философъ, можно сказать, таялъ ею, плавалъ въ оной, блаженствовалъ. Что же удивительнаго въ томъ, когда и вы, будучи еще преискреннѣе сопряжены съ отцемъ лжи, полнымъ существомъ своимъ осуществляете оную въ себѣ сладость, ика́пая медъ съ языка вашего, источаете изъ подъ онаго горечь вашего духа? Почто изъ существа

души вашей составляете слова, аки пилюли, позолоченныя Словомъ Божіимъ, а духа (силу) подаете чрезъ оныя умерщвляющаго души человѣческія? Мните-ли, что діаволъ не оставитъ вамъ сладости оной, когда ею-то онъ и васъ уловляетъ и себя насыщаетъ?

Все сіе показываетъ намъ, сколько нуженъ, сколь необходимъ Христосъ для насъ; Христосъ не по мечтаніямъ нашимъ слагаемый, но какъ о Немъ проповѣдуетъ Святая Церковь наша; дабы вмѣсто Его, не принять въ себя врага Его, и грѣхъ прилагая на грѣхъ, по одному внутреннему въ себѣ *чего-то* ощущаемому шевеленію, не выдавать за Христа. . . . Боже! удержи языкъ мой.

Сей Христосъ, проповѣдуемый нашею Церковію, есть Тотъ Христосъ, безъ котораго ни подъ какимъ видомъ человѣку нельзя познать Бога, котораго мы инако познавать не можемъ, какъ самою сущностію (ученія) Христовою; а сіе и научаетъ насъ, что сущность оная должна быть удѣляема вѣрнымъ, яко божественный хлѣбъ, отъ самаго Христа, а не отъ Отца Его безпосредственно, (1 *Кор.* I. 5, 7, 9. *Кол.* I. 13) такъ какъ слово непосредственно исходитъ изъ человѣка, и касаясь уха, чрезъ слухъ входитъ въ сердце: но точію отъ Христа,

который уже и приводитъ вѣрующаго къ Отцу Своему: *никто же пріидетъ ко Отцу, токмо мною* (*Іоан.* XIV. 6). А сіе не то значитъ, какъ бы кто сказалъ слово, да симъ словомъ далъбы выразумѣть другому волю свою, а сей по оному притекъ къ нему; нѣтъ: но ежели надобно брать отъ людей подобіе, то сіе будетъ, какъ бы сынъ возлюбя раба того, на котораго Отецъ его прогнѣванъ, но не до конца, и въ томъ *не до конца* читая волю Отца своего, что можетъ простить того; испросилъ бы у него средство ходатайства, что получивъ, поспѣшилъ бы къ тому рабу, и видя сего въ раскаяніи, принесъ бы ему благую вѣсть своего посредничества, и взявъ съ него обѣщаніе на исправленіе, повелъ бы его къ отцу своему. Здѣсь мы видимъ два лица, единаго существа, единыя воли, одно отъ другаго рожденное, одно ходатайствующее, другое прощающее, и то и другое глаголющее; а не такъ, чтобы отца принять за отца, всякое его изреченіе за сына, а дѣйствіе сего изреченія, возпріятое рабомъ, за осуществленіе того сына, и сопричащеніе чрезъ то естеству Отчу.

Сей-то Христосъ, во имя котораго, мы здѣсь бесѣдуемъ, есть существенное

наше боговѣдѣніе, хлѣбъ животный, имъ же должна питаться душа наша, да потомъ плодами своими питаетъ самаго духа, и услаждаетъ его вонею благоуханія Христовыхъ добродѣтелей. Мы Христовы, Христосъ Божій, а въ Христѣ и мы Божіи. Истина сія проста, самосвѣтла, и не требуетъ никакихъ хитростей къ обьясненію себя.

Азъ есмь путь и истина и животъ, рекъ о себѣ Христосъ. *Путь*, поелику гаданіе языческое не есть путь; такъ какъ изчерченный листъ бумаги не есть указатель пути подлиннаго. Путь долженъ быть проложенъ и видимъ. Путь ведетъ и долженъ вести къ извѣстному мѣсту. Онъ долженъ проложенъ быть тѣмъ, кто знаетъ оное мѣсто. Но кому можетъ быть вѣдомъ путь къ Богу, какъ не Богу же? Гдѣ же Богъ сей, который бы для языческихъ Философовъ проложилъ путь оный, и гдѣ сей самый путь? Развѣ путаница мыслей ихъ будетъ путь оный? Или назовемъ онымъ путемъ мистическое ученіе о сообщеніи Бога съ человѣкомъ? Но спаситель для того и назвалъ Себя путемъ, что путь есть видимая черта для всѣхъ. Впрочемъ, когда бы язычники имѣли такое богообщеніе, то бы и путь ихъ былъ прямой, какъ и во

Іудеи, гдѣ Богъ вѣдомъ былъ, (*Пс.* 75), а не одна другую перепутывающая, ломающая, изглаждающая кривизна, отъ коей скорѣе можно закружиться, а не дойти куда. Кратко: Онъ есть путь, поелику есть истина; и *истина*, поелику есть самая сущность Божія; а потому и *животъ*, поелику даетъ Себя, яко брашно небесное.

Но естьли Христосъ (какъ бы) не существовалъ для язычниковъ, то онъ (какъ бы) не существуетъ и для тѣхъ, кои не вѣрятъ въ Него; какъ и для тѣхъ, кои воображаютъ о Немъ по духу своему, а не по духу и преданію Писанія и Церкви.

Слѣдовательно, чтобы пріять въ себя Христа, то надобно вѣрить Ему и вѣровать въ Него такъ, какъ Церковь поучаетъ; а не принимать за Христа *нѣчто* произвольное, или совѣсть, которую и Сенека называлъ живущимъ внутри человѣка Богомъ. Когда бы сіе такъ было или быть могло, въ какого бы Христа одолжались вѣрные тогда вѣровать? Развѣ можетъ быть вѣра въ совѣсть? Для того-то безъ Церкви увѣреніе наше есть ложное и суетное. Ибо существенно дѣло не въ увѣреніи, но въ правдѣ увѣренія. Человѣкъ можетъ быть увѣренъ въ дѣйствительности своего увѣренія; но какъ увѣрится онъ въ

правдѣ таковаго увѣренія? Человѣкъ можетъ за многое въ себѣ ручаться, ибо то будетъ дѣйствіемъ его внутреннаго опыта; но не за правду, которая должна приходить къ Нему *отвинуда;* я хочу сказать, отъ Бога, чрезъ видимую для всѣхъ вещь, какъ почерпаютъ изъ источника чистѣйшую воду, источника, мѣсто коего всѣмъ извѣстно. Такова есть Церковь, изъ которой почерпается правда, которая сама возпріемлетъ оную отъ духа правды. Правда есть самопростѣйшее состояніе истины, безъ всякой въ ней примѣси посторонняго духа. Тако Христосъ есть самая правда; тако и Церковь Его есть единая правда, Храмъ Духа Святаго. Какъ же увѣрится въ этомъ мистикъ безъ Церкви? Больной знаетъ, что онъ имѣетъ жажду, знаетъ, что онъ пьетъ, и чувствуетъ воду; все это есть дѣло его собственнаго опыта; но имѣя растроенный вкусъ, какъ онъ увѣрится въ чистотѣ воды? Однако подающій ему оную вѣдаетъ о семъ.

Такимъ образомъ не токмо нужна Вѣра, но и увѣреніе, паче же всего во всемъ томъ правда. Вѣру и увѣреніе могутъ имѣть и язычники по образу своему; но правда едина. Вѣра имѣетъ насажденное въ сердцѣ

человѣческомъ чувство, но правда подается свыше. Всѣ язычники имѣя чувство вѣры, но не имѣя правды, творятъ по необходимости вѣру свою изо всего; потому всѣ ихъ образы, будучи внѣ правды, суть образы лжи. Истинная Вѣра, Вѣра правая, должна быть подана свыше. Собственно она есть правда. Вѣра можетъ быть, мы можемъ быть увѣрены и въ дѣйствіи ея внутрь насъ: но такъ увѣренъ и всякой язычникъ въ своей; его увѣреніе можетъ быть даже искреннѣе по отношенію къ его вѣрѣ, чѣмъ Христіанина; поелику тотъ хотя слѣдуетъ образу лжи, но слѣдуетъ искренно, не совращаясь съ предначертаннаго ему пути: онъ токмо въ заблужденіи на щетъ самаго предмета; но естьли Христіанинъ хотя мало уклоняется отъ своего пути, то уже имѣетъ и мстителя у себя за такое отступленіе. Язычникъ кланяясь лжи, хотя отступаетъ отъ установленнаго образа, отступаетъ отъ лжи; и духъ лжи, который самъ никогда не стоитъ во истинѣ, не можетъ наказывать отступающаго отъ него: но у Христіанъ совсѣмъ другое обстоятельство. Правда перестала бы тогда быть и правдою, когда бы оставила свое оскорбленіе безнаказаннымъ. Сверхъ того,

ежели язычникъ и пьетъ отъ духа лжи чрезъ установленный образъ вѣры его, то это въ мѣру того самаго образа; но ежели Христіанинъ уклоняется отъ Церкви своей, поношая оную, то уже онъ отверзаетъ сердце свое всему аду. Итакъ очевидно, что дѣло не въ вѣрѣ и не въ чувствованіи оной внутри себя опытно: но въ принятіи правды ея, или паче духа правды. Сего-же духа правды по внутреннему только темному опыту, познавать не льзя. Правда отъ Бога, и потому не можетъ быть повѣряема нашею собственною правдою, названною въ Св: Писаніи одною нечистотою (*Иса.* LXIV). Нужно, чтобы Самъ Духъ Святый свидѣтельствовалъ о сей правдѣ и о ней просвѣщалъ насъ. Надобно, чтобы она отъ видимаго образа приходила къ намъ, и чтобы мы ниже помыслить дерзали судить о ней сами отъ себя; но могли бы увѣрены быть въ ней по извѣстности ея, предваряющей каждаго изъ насъ существованіе. Она должна быть прежде насъ, восходя тако въ своей видимости до самаго образа Божія, изъ негоже въ міръ сей на люди благословеніе изливается. Тогда токмо человѣкъ избѣжать можетъ лукаваго уклоненія отъ пути истиннаго, и быть предъ Богомъ безотвѣтенъ во всей точности

сего слова. Тогда токмо люди имѣютъ возможность повѣрять дѣла свои безъ обращенія на нихъ своего разума, льстивые коего глаза всегда такъ охотно изобрѣтаютъ онымъ извиненія, и въ таинственной темнотѣ ихъ мерзости созерцаютъ самую святость; разума, который и самаго въ насъ духа злобы готовъ наречь именемъ Божіимъ. А для сего нужно неотмѣнно, чтобы оная правда подавалась чрезъизвѣстные, праведные, видимые пути, какъ видимо бы и принималась. Слѣдовательно потребно, чтобы податель оныя былъ въ видимомъ своемъ образѣ. Ясно отсюда и то, что въ въ принятіи оной правды разсужденіе столько же безполезно, какъ и въ принятіи отъ извѣданнаго врача лѣкарства, или отъ извѣстнаго по своей добротѣ источника почерпаніе воды. Такова есть Церковь.

Изъ сего слѣдуетъ, что или есть правая Церковь въ видимомъ своемъ образѣ чрезъ всѣ вѣки отъ своего начала; или оной нигдѣ нѣтъ: послѣднее же явно противурѣчитъ словамъ Іисуса Христа, и *врата адова не одолѣютъ ей*; и мистикъ, твердящій о своей какой-то вѣрѣ, якобы оная единая богоугодная, есть либо лжецъ и отступникъ, либо совершенный безумецъ. Безумецъ, поколику утверждаетъ о правой Вѣрѣ,

которой быть ни почему не можетъ: лжецъ и отступникъ, поелику ежели есть правая Вѣра, то онъ лжетъ, якобы оной въ видимомъ ея образѣ не было; и лжетъ, поелику отступилъ. Въ семъ случаѣ онъ повиненъ анаѳемѣ, а въ первомъ недостоинъ пощады по самымъ началамъ лжи, изъ которыхъ одно другаго по самому существу своему терпѣть не можетъ. Почему ложная мистика, и по отношенію къ истинной Вѣрѣ, и по разсужденію вообще всѣхъ вѣръ, есть безуміе.

Отступающій отъ видимой Церкви ни почему уже не можетъ быть увѣренъ въ основаніи правды своей, хотя, не споримъ, вѣру имѣть и можетъ. Ибо отступя отъ Церкви и пріявъ въ себя духа лжи, онъ удобно ощущеніе въ себѣ онаго дѣйствія, приметъ за дѣйствіе Духа Божія, и тако увѣритъ себя въ неложности своей вѣры, и покланяясь діаволу, возмнитъ съ полнымъ и тѣмъ для себя горшимъ и погибельнѣйшимъ увѣреніемъ, что онъ кланяется Господу небесъ и земли. Онъ можетъ содѣлаться и мученикомъ діавола и все это наречь святымъ мученичествомъ.

Многіе погрѣшаютъ лже-толкованіемъ вѣры Авраамовой, въ томъ числѣ и Фенелонъ. Онъ говоритъ: Il faut imiter la foi

d'Abraham et aller toujours sans savoir où (Lettre 125.) Que seroit-ce qu'une lumiere appercue et dont on jouiroit pour se conduire? Je remercie notre Seigneur de ce qu'il vous ôte un si dangereux appui. Allez, comme Abraham, sans savoir où; (Lettre 234). Многіе вообразили, что Авраамова вѣра въ томъ состоитъ, чтобы итти посреди мраковъ и невѣдѣнія. Сколько уродливыхъ понятій породилоодно такое понятіе, между тѣмъ, какъ вѣра Авраамова вмѣнилась ему въ правду. Подлинно и не диво, что лже-мистики, блуждая въ таинственномъ своемъ мракѣ (*sacra caligo*), не усмотрѣли того, что Авраамъ получилъ такое повелѣніе отъ Бога, и слѣдственно, хотя онъ не зналъ пути, но очень вѣдалъ, что повелѣніе дано ему не отъ кого другаго, какъ отъ Самаго Бога. *Заповѣдь же Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (*Пс. XVIII*). *Свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ твой и свѣтъ стезямъ моимъ* (*Пс.* 118. 105). А вотъ въ чемъ собственно и состоитъ свѣтъ Христіанъ. Богъ вѣдалъ куда посылалъ его, и Авраамъ вѣдалъ очень, что знаетъ Богъ куда посылаетъ его: потому очень вѣдалъ и сіе, что послушаніе паче всякія жертвы предъ Богомъ. Вѣдѣніе Божіе Авраамъ какъ бы усвоилъ себѣ вѣрою; оно было духовнымъ

окомъ его, или, скажемъ, духовное его око какъ бы опочивало въ лонѣ вѣдѣнія Божія, и видѣло то, чего тѣлесными очами видѣть немогъ. Чтобы еще оставалось послѣ этаго знать Аврааму? Первое дѣйствіе Авраамово долженствовало состоять въ послушаніи, а послушавшись, ему ничего другаго и не оставалось, какъ итти. Препятствіе же его послушанію могло быть не то, что онъ не зналъ куда итти, но рѣшиться оставить землю свою, родъ свой и домъ отца своего. А принесши въ жертву послушанія все, что было ему такъ близко и дорого, какъ бы самое его сердце, итти въ путь уже было для него ничтожнымъ предлогомъ; можно сказать, ноги его пошли бы тогда сами собою. Но это еще не есть главное. Вѣра Авраамова въ томъ имѣетъ свою правду, что онъ разставанія своего съ толь живыми для его сердца сокровищами не поставилъ себѣ въ лукавый предлогъ не повѣрить, чтобы это глаголалъ къ нему Самъ Богъ. Но онъ зная, что это гласъ Божій, покорился просто, и толь простымъ дѣйствіемъ воли своей предъ Богомъ, принялъ глаголъ Божій, и осуществилъ въ себѣ вѣру, которая и вмѣнилась

ему въ правду. (*) И едва принялъ оную внутренно, то и жертвенникъ поставилъ. Почему вѣра Авраамова не была темная, но, какъ заповѣдь Божія, свѣтлая, когда она выполняется. Авраамъ повѣрилъ Богу, и шелъ во свѣтѣ. Тотъ же напротивъ не можетъ итти какъ не во тмѣ, кто не повѣривъ Церкви, предается самъ себѣ подъ гнуснымъ предлогомъ, якобы изъ самоотверженія послѣдуетъ влекущей его воли Бо-

---

(*) *Въ правду*, т: е: въ самую вещь. Повѣрилъ Авраамъ Богу истинному, и Вѣра его была истинна, и даръ пріятый чрезъ нее былъ потому же истинный. Тако всякому вмѣнится его вѣра въ то, во что онъ вѣруетъ. Да не льститъ себя никто; никто не безъ вѣры, у всякаго есть вѣра какая нибудь, и ни одного человѣка никогда не было и не будетъ, безъ вѣры: ибо чувство сіе каждому врожденно, которымъ всякой ищетъ своего блага, и благо сіе, по его понятію творимое, составляетъ у него Бога, въ него же вѣруетъ, и даже творится мученикомъ. Напрасно нечестивецъ отвергаетъ Вѣру Христову; именуетъ ее предразсудкомъ; онъ самъ не безъ вѣры, которая и вмѣнится ему въ то, что она есть. И мистикамъ дастся ихъ Богъ, но только не тотъ, Его же исповѣдуетъ Святая Церковь, Ея-же Богъ вмѣнится въ правду только тѣмъ, кои вѣруютъ въ него по образу Церкви.

жіей, между тѣмъ, какъ онъ якоже волъ на заколеніе ведется, ияко песъ на узы, отъ того что послѣдовалъ въ объюроденіи своемъ той Церкви, которой путіе ведя къ дому адову, низводятъ въ сокровища смертная (*Прит.* VII. 22. 27). Ибо кто идетъ посвоей волѣ, тотъ идетъ во тмѣ, идетъ не знаяя куда. Тма грѣховная, лежащая воглубинѣ его сердца закрываетъ очи ему. Естьли онъ и идетъ по словамъ Писанія; но такъ, что самъ себѣ изъясняетъ оныя и изъясняетъ, какъ хочетъ: то идетъ во тмѣ и во тму. Ибо сердце ослѣпленное грѣхомъ, только можетъ слѣпотствовать, а свѣта не подаетъ. Свѣтъ отъ Господа, чрезъ уста и руки Церкви, чрезъ человѣка освященнаго, поставленнаго для поданія свѣта. Посему-то усмотренный, опытами извѣданный и доказанный въ глаголѣ Божіемъ свѣтъ, не былъ для Авраама опасною опорою, вопреки мнѣнію Фенелона; и Авраамъ былъ бы весьма самолюбивъ, естьли бы не восхотѣлъ руководствовать себя на пути таковымъ свѣтомъ и онымъ наслаждаться; поелику послѣдованіе Богу возжделѣннѣе паче злата и камене честна многа и слаждше паче меда и сота (*Пс.* 18). Такъ и мы въ простотѣ сердца должны вѣрить Церкви, и довлѣетъ. Тогда все бу-

детъ свѣтло въ Богѣ. Въ чемъ же будетъ состоять темная вѣра? Въ томъ-ли, что мы не знаемъ, что завтра съ нами случиться можетъ? Но это до Вѣры и не касается (*Матѳ.* VI. 34. 1. *Петр.* V. 7. *Пс.* LIV. 23). Сверхъ того, Богъ Аврааму рекъ: *иди въ землю, юже ти покажу*, вотъ уже сіе и не значитъ, aller sans savoir où, итти не зная куда. Когда же Авраамъ пришелъ въ извѣстное мѣсто, *явися Господь Аврааму и рече ему: сѣмени твоему дамъ землю сію: и созда тамо Авраамъ жертвенникъ Господу явльшемуся ему.* Гдѣ же темность Авраамовой вѣры? Онъ явльшагося Господа такъ вѣрно зналъ и отличалъ отъ всего, что создалъ жертвенникъ Ему, а не какому-то недовѣдомому возбужденію сердца своего. Онъ повѣрилъ свѣту, а не тмѣ. Впрочемъ Господь повинующихся ему руководитъ въ сердцѣ: *Святымъ иже суть на земли его, удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ* (*Пс.* 15). Но это именно тогда когда мы увѣрены, что Господу послѣдуемъ. А для сего надобно чтобы Господь явился, или чтобы была его Церковь, *сія земля его, о коей сказано по отношенію Святыхъ, иже суть на земли его.* Мы же Христіане особливо таковыя безпутныя тмы имѣть не можемъ; поелику имѣемъ путь сей въ Христѣ и Церкви Его и

знаемъ ту страну, куда Богъ повелѣлъ итти каждому изъ насъ, хотя и не всякой имѣетъ вѣру Авраамову; поелику не всякой хочетъ плѣнить разумъ свой въ послушаніе Церкви, сего видимаго жертвенника, вѣрою Авраамовою воздвигнутаго на память явльшагося на землѣ Бога. Христіанинъ, послѣдуя Церкви, знаетъ куда онъ идетъ, и пути тогда знаетъ, и пути его всѣ свѣтлы суть, какъ заповѣди Божіи. А ежели внезапно сдѣлается темно, то онъ объемлется весь боязнію, зане вѣдаетъ, что самая темнота сія есть признакомъ уклоненія его отъ пути Божія: и страшась, да самъ собою не заблудитъ, молитъ всепромыслительную десницу, да паки возведетъ его на свѣтлый путь превѣчныя своей правды.

Тако бесѣдуя о безсмертіи, на каждомъ шагу мы созерцали необходимость видимыя Церкви, яко пути ко Христу, который есть самъ путь. Мы видѣли, какъ оный древній змій, нарицаемый діаволъ, пытаясь прежде низвратить точное понятіе о Христѣ, отметая Божество Его, или подъ инымъ видомъ лже-ученія своего, и не успѣвши въ томъ имѣя противу себя богодерзновенныхъ Святителей; нынѣ воспріемлетъ новую и прежнихъ всѣхъ опас-

нѣйшую хитростъ. Нынѣ, говорю, онъ оставляетъ Христу все мнимо, да чрезъ то уловитъ скорѣе неискусныхъ, научая учениковъ своихъ глаголать къ себѣ о Хитонѣ писанія: *бѣже хитонъ не швенъ* человѣческою рукою, но Духомъ Святымъ *свыше истканъ весь*: глаголати *не предеремъ его, но метнемъ жребія, кому будетъ*. Онъ наустивъ все признавать во Христѣ по писанію, и пріемля слова по образу духовности своей, устремляетъ работные ему духи на разореніе Церкви; увѣренъ будучи, что съ уничтоженіемъ оной, отъяту сущу Святому Духу, онъ самъ вселится въ нихъ; что проліявъ отъ духа своего, дастъ людямъ въ себѣ превратнаго истолкователя Писанію, и убивая души ихъ чрезъ свои вдохновенія, увѣритъ, что это Духъ животворящъ. Тогда люди, упившись отъ духа злобы, до того обезумѣютъ, что станутъ осязать слово Божіе яко слѣпіи стѣну, яко суще имъ быти безъ очесъ и падутся въ полудни яко въ полунощи, яко умирающе возстенутъ, зане спасеніе далече отступи отъ нихъ (*Иса.* 59). Господь угрожаетъ въ сіи дни исполнить всѣхъ обитателей земли сея піянствомъ (*Іер.* XIII. 13). Почему тотъ же Пророкъ вопіетъ во уши Царей, и Священниковъ и Пророковъ, и Іуды и

всѣхъ обитателей во Іерусалимѣ. *Дадите Господу Богу вашему славу прежде даже не смеркнется, и прежде даже не преткнутся нозѣ ваши къ горамъ темнымъ: и подождете свѣта, и тамо сѣнь смертная, и положени будутъ во мракъ. Аще не послушаете, въ тайнѣ восплачется душа ваша отъ лица гордыни, и плачя восплачетъ, и изведутъ очи ваши слезы, яко сотрено есть стадо Господне.*

Уничижающій видимую Церковь, стираетъ ее предъ своими глазами; и вмѣсто тѣснаго пути въ Царствіе Христово, творитъ себѣ пространный въ Царство нескончаемыя тмы. Удалимъ въ мысляхъ хотя на одно мгновеніе Церковь, и что тогда останется намъ? Одно Писаніе; но мы, яко воины, хотя и оставимъ цѣлость рѣченій оныхъ, но не будемъ-ли раздирать оное, яко ризы Господни, приданіемъ почастно своего, а потому ложнаго имъ смысла? Ибо что иное означаетъ произволеніе человѣческаго духа? Что иное означаетъ собственное толкованіе, какъ не собственное же произволеніе, какъ не собственное мечтаніе, или обыкновенное самоослѣпленіе.

Толикихъ богомудрыхъ разглагольствій виною учинился гробъ, скрывающій въ

себѣ дражайшій прахъ вашей дщери. И мы-ли невоскликнемъ съ Апостоломъ. *Гдѣ ти смерти жало; гдѣ ти аде побѣда.* (1. *Кор.* XV. 55), когда онъ же утѣшительнымъ словомъ ударяетъ въ слухъ нашъ: *Аще воскресенія мертвыхъ нѣсть, то ни Христосъ воста.* Смотрите, кѣмъ онъ ободряетъ сердце ваше, и коль преискренно воскресеніе дочери вашей соединяетъ съ самимъ увѣреніемъ, что Христосъ есть Богъ, и что онъ живъ и умереть не могъ. Почему и прилагаетъ: *Подобаетъ бо тлѣнному сему облещися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облещися въ безсмертіе.* Упованіе сіе столь велико, что онъ ниже скорбѣть хочетъ намъ объ умершихъ, *якоже и прочіи не имущіи упованія* (1. Сол. IV. 13). И это не есть не скорбѣть во все, но не скорбѣть такъ какъ тѣ, кои не имѣютъ никакого упованія на безсмертіе. Христіанинъ плачетъ; но въ самомъ чувствѣ плача черплетъ утѣшеніе о безсмертіи. Это отецъ, который на время разлучаясь съ своимъ сыномъ, плачетъ и вмѣстѣ утѣшаетъ себя тѣмъ, что паки увидится съ нимъ для бо́льшихъ радостей. Самъ Господь плакалъ по Лазарѣ, и подалъ намъ образъ и правило, какъ Христіанину скорбѣть въ такомъ случаѣ, и далѣе котораго предѣла не про-

должать своей печали. Онъ Самъ похваляетъ знающаго износить отъ сердца своего не точію новая, но и ветхая (*Матѳ.* XIII. 52); токмо должно всегда подчинять ветхое новому, и душу утѣшать и просвѣщать духомъ. Христіанинъ не чуждается своего человѣчества.

Душа привлекла и васъ на гробъ сей: она пришла искать въ немъ жизни, той жизни, которая истекла изъ нея; она не вѣритъ, чтобы она престала жить въ оной; но видимое разрушеніе тѣла смущаетъ ее, она колеблется: и хотя не можетъ согласиться на изчезновеніе себя самой, однако не зная разрѣшить для себя таковой трудности, недоумѣваетъ. Тогда приспѣваетъ на помощь къ ней возбужденный духъ ея; и уже имѣя предъ собою самую душу, аки книгу, а происходящія въ ней чувствованія, аки живыя словеса ея, внемлетъ ей, и помѣрѣ сего возбужденнаго вниманія разскрываетъ себя къ принятію вышняго свѣта, объясняющаго ему словеса души его. Тако, когда первоначально душа сама приникла во гробъ, она вмѣсто чаемыя жизни, обрѣла, вопреки собственнаго своего свидѣтельства, единую смерть, и ужасъ безмолвнаго мрака. Но когда духъ ея воззрѣлъ туда, акибы сквозь очи ея,

тогда свѣтъ разумѣнія пролился въ нее, и далъ ей ощутить, первѣе, собственное бытіе ея, а потомъ, что она съ тѣломъ своимъ не есть одно, и потому можетъ пребывать и безъ онаго. Тогда озаренная по возможности свѣтомъ, отлагаетъ свой страхъ, и отраждаетъ въ себѣ у подножія гроба нѣкую надежду, сквозь которую прозираетъ уже, аки сквозь завѣсу, въ міръ духовный. Но, ахъ! возвращаясь въ міръ стихійный, паки одебелѣваетъ, и смыслъ ея, съ заключеніемъ духа, погасаетъ. Ибо душа разсѣянная вещественными образами, уже не на себя обращаетъ вниманіе, но живетъ вся въ мірѣ. Тогда духъ ея лишается совершенно возможности раскрыть себя къ горнему свѣту: онъ пребываетъ во мракѣ душевномъ; а естьли и раскрываетъ себя ко принятію чего-либо, то сіе раскрытіе сообразуясь съ образами души его, не иный духъ воспріемлетъ изъ высшаго міра, какъ духъ, коего теплота удобна не отвратить, но паче возжечь, и прилѣпить душу на любленіе міра и яже въ мірѣ. (*) Изъ сей-то теплоты состав-

---

(*) Подъ словомъ раскрытіе разумѣется здѣсь извѣстное души расположеніе, которое поставляетъ ее въ

ляется дольный разумъ, всегда подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, ищущій уклонить насъ отъ Бога, будучи съ нимъ во всегдашней враждѣ. Образы, изъ коихъ составляются науки, имѣютъ туже для души опасность. По сей-то причинѣ гробъ, какъ бы

соотвѣтственное состояніе для принятія въ себя свѣта свыше. Но дабы душа приведена была въ сіе состояніе, нужно, чтобы она была къ тому возбуждена чрезъ образы вещей внѣшнихъ, напечатлѣнные въ ней, или паче въ ея памяти. Вниманіе къ онымъ образамъ поставляетъ ее въ состояніе быть проникнутою, какъ напримѣръ воздухъ свѣтомъ; такъ и она разумѣніемъ существа высшаго. И сіе то состояніе названо здѣсь раскрытіемъ, разверзеніемъ. Такимъ образомъ, чѣмъ высшаго рода будутъ напечатлѣнные въ душѣ образы, тѣмъ и проливаемое въ душу разумѣніе естественно будетъ выше. А потому, поелику образъ Божій долженъ быть сущности Божественной, то очевидно ни міръ, ни Ангелы дать Его людямъ не могутъ. Однако образъ таковый необходимъ, дабы воспріятъ былъ нашею душею, когда желаютъ познать Бога въ истину. Тогда образъ сей разверзаетъ и душу нашу къ сообразному себѣ разумѣнію, долженствующему по той же необходимости приходить, ни отъ человѣкъ, ни отъ Ангела; но отъ духа Божія: тогда кланяются Богу въ духѣ и истинѣ. Вотъ почему можно наименовать Апостоловъ

погребая душу съ усопшимъ, отрѣшаетъ ее отъ всякой вещественной къ видимымъ образамъ привязанности, поставляетъ въ состояніе духовнаго созерцанія и возбуждаетъ воображеніе къ вѣчности. Прежде сего душа будучи сліянна съ тѣлесною дѣятель-

---

и въ семъ разумѣ ключами, отверзающими намъ Царствіе Божіе, которое аки бы заперто безъ нихъ. Ибо ихъ образъ, слово, проповѣдь, самымъ удобнѣйшимъ средствомъ разверзаютъ душу къ принятію въ себя того Духа, который творитъ сердце наше по истинѣ Царствіемъ Божіимъ. Ибо Апостолы на то и избраны и поставлены отъ Божія Сына. Безъ сихъ образовъ, какъ безъ ключей, оно бы для насъ закрыто было на небеси; но оно оттуда тогда же приходитъ, какъ скоро душа наша поставляется нашею волею въ преискреннее соразположеніе къ тѣмъ образамъ. Всѣ же оные образы нынѣ сохраняемы Церковію; почему ничего не можетъ быть справедливѣе, какъ наречь Церковь ключами Царства Божія. Къ сему-то концу дивно служатъ таинства, обряды, служеніе, Святые, Священство, уваженіе и благоговѣйное всего этаго сохраненіе и почитаніе. Въ семъ то состоитъ ключъ разумѣнія, отверзающій Царствіе небесное. Горе вамъ законникомъ, яко взясте ключь разумѣнія: сами не внидосте, и входящимъ возбранисте (*Лук.* 11. 52). Горе вамъ книжницы и фарисее

ностію, не могла различить себя съ плотію: но когда пораженная ничтожностію всего зримаго, какъ бы отъ образа ея само собою отвалившагося, она, такъ сказать, втянула въ себя силы свои, и въ собраніи оныхъ ощупила себя и стала сама для себя, какъ существо, созерцаемою; тогда познала и особность бытія своего, заключеннаго въ тѣло, яко привременную храмину свою, или паче, въ узилище. Сіе мысленное, однако не менѣе того существенное отдѣленіе души отъ тѣла, творитъ, что душа ощу-

---

лицемѣри, яко затворяете Царствіе небесное предъ человѣки; вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити (*Матѳ.* XXIII. 13).—Ибо уничиженной Церкви, какъ не уничижится и все, что въ Церкви, и гдѣ же тогда будутъ образы, разверзающіе душу ко принятію разумѣнія Царства Божія и духа осуществляющаго оное внутри насъ? Тогда тѣ образы содѣлаются токмо познавательными знаками, знаками притомъ уничиженными, какъ бы мерзость языческая. Какимъ же образомъ обратится и разогрѣется къ нимъ вниманіе наше, и какая возможность душѣ раскрыть себя ко принятію сообразнаго онымъ свѣта разумѣнія? Не навсегда-ли она заключитъ себя къ оному? Чего больше сего хочетъ и діаволъ, да поглотитъ насъ? Вотъ плоды древа мистики.—

щаетъ свою легкость, сродную небесному естеству ея. Какъ тонкое пламя не отдѣляясь отъ своего вещества обращается въ ту страну, куда вѣяніе воздуха преклоняетъ его: тако и душа отъ хладнаго дуновенія обрушивающагося міра уклоняетъ еѳирное существо свое въ страну иную, и уклоняясь, прозираетъ въ истину невещественнаго міра; невольно возноситъ духовныя очи свои въ премірную обитель, и простираетъ туда свои руки, яко къ сущему своему отечеству. Тако гробъ во всякое время, вопреки видимаго тлѣнія, возжигалъ въ душахъ человѣческихъ понятіе о безсмертіи; какъ напротивъ, міръ не смотря на жизнь свою, поучалъ о смерти. Ахъ! привлеченный на гробъ страдалецъ, оставляя въ мірѣ всѣ шумные образы, и умирая ему тамо хотя на время, водворяетъ поучительную тишину внутрь сердца, и обращаетъ душу на иные совсѣмъ предметы; а сіи то новые предметы и суть тѣ, кои одни могутъ поставить ее въ такое состояніе, которое удобно можетъ въ ней содѣйствовать къ таковому себя разкрытію, коимъ единымъ входитъ въ нее разумѣніе высшаго рода. Тако у всѣхъ народовъ возникла на гробахъ мудрость и утѣшительное безсмертіе. Гробъ былъ во вся-

кое время наставникомъ ищущихъ наставленія, и утѣшителемъ добродѣтельныхъ. Гробъ такъ близко стоитъ къ вѣчности, что кажется духъ злобы не дерзаетъ простирать туда своей прелести.

Совсѣмъ тѣмъ даруемая благимъ небомъ мысль сія, за неимѣніемъ въ мірѣ пищи себѣ, у древнихъ потухала. Она подобилась легкому облаку, носящемуся въ играющихъ на немъ лучахъ солнечныхъ, то меркнущему, то паки возсіявающему, и непрестанно по дуновенію вѣтра измѣняющемуся въ своихъ видахъ. Она зависѣла отъ всякаго ученія, поелику не имѣла существенности своей.

Слѣдовательно, чтобы увѣреніе о безсмертіи было самою сущностью, надлежало, чтобы Богъ послалъ Своего Сына, и чрезъ Него не токмо наставилъ насъ о вѣчности; но что бы и сіе понятіе было уже не понятіемъ, но существенною истиною. А сего инако быть не могло какъ съ принятіемъ самой плоти Христовой, которой на сей конецъ такъ преискренно пріобщился. Тогда мы пріемля въ себя Христа, имѣемъ самую сущность имени Божія, изъ котораго и всѣ прочія наши понятія о нравственныхъ началахъ пріемлютъ жизнь и существо свое, и творятся осуществленными въ

насъ истинами. Какая же безконечная разность между языческими гаданіями и Христіанскими истинами! Какое нечестіе хотя мало сравнивать оныя между собою!

Въ семъ-то имени мы носимъ уже блаженное безсмертіе, мы носимъ оное въ себѣ; тогда внутрь насъ есть Царство Божіе. Тогда всякое шатающееся понятіе о безсмертіи превращается въ присущую намъ истину.

Но для принятія въ себя онаго имени, необходима чистѣйшая по своей простотѣ вѣра, въ которой не было бы никакой льсти, вѣра Авраамля, безъ всякаго лукавства, раздвоенія, увертокъ, своемыслія. Такая вѣра можетъ быть не смотря на нѣкоторые недостатки. Ибо иное быть худу, иное раздвоять себя въ самомъ чувствѣ вѣры; иное хромать тѣломъ, иное же быть укрѣплену съ Богомъ. Мы не говоримъ здѣсь о совершенной вѣрѣ во всѣхъ частяхъ; но о томъ, что какъ бы скудна ни была въ комъ вѣра съ начала, только чтобы она тамъ гдѣ есть, уже не таила въ себѣ льсти; была живою, а не мертвою. Пусть то будетъ и капля, только бы капля сія была чистою, безъ примѣси чуждаго Богу духа. Вѣра не помѣшала Аврааму взять съ со-

бою Лота и вся имѣнія своя, елика стяжа, и всякую душу, юже стяжа; но когда Богъ возтребовалъ отъ него и сына, онъ и того заклалъ вѣрою въ жертву послушанія своего. Блаженъ, кто расширяетъ въ себѣ вѣру; но и тотъ блаженъ, кто сколько бы мало не имѣлъ оной, имѣетъ малое сіе въ чистотѣ и простотѣ духа; чтобы хотя въ томъ чувствѣ онъ былъ Израиль, въ немъ же льсти нѣтъ.

Когда же безсмертіе собственно принадлежитъ Богу, и когда для увѣренія себя въ истинѣ онаго паче всякаго сомнѣнія, надлежитъ ученію о немъ принесену быть отъ Самаго Бога; а сему сдѣлаться не можно было иначе, какъ чрезъ Бога же, Іисуса Христа; то сущу возприняту образу Его, или Его слову въ душу, какой духъ, какой Ангелъ дерзнетъ приступить къ объясненію онаго? Нѣтъ; ежели для принесенія ученія о Богѣ надлежало сойти Самому Богу; то и слово Божіе, воображенное въ душѣ Христіанина, никто, кромѣ Духа Божія, объяснять и осуществлять не можетъ.

Отсюда понятно, что въ комъ осуществлено такое Слово, и въ комъ такой учитель и объяснитель онаго слова, у того Богъ есть въ душѣ, у того безсмертіе

не есть токмо увѣренное понятіе, но самое небо, внутри носимое.

Итакъ міръ сей не можетъ дать ни о Богѣ, ни о безсмертіи никакого твердаго понятія. Сіи-ли мелькающіе и, на подобіе бѣгущихъ облаковъ, однѣ другихъ упреждающія и затмѣвающія понятія, назовемъ мы непреложною истиною? Сія-ли непостоянность и неутвержденность мнѣній о безсмертіи можетъ быть благоугодна Существу самостоятельному? Въ таковыхъ-ли мысляхъ, на подобіе возмущеннаго потока, пробѣгающихъ воли человѣческія, Создатель можетъ обрѣсти достойное правды своей увѣреніе о бытіи Его? Нѣтъ, чтобы понятіе о безсмертіи было непреложно и, какъ оно само, неподвижно, надлежитъ оному быть самою истиною, а истиною оно тогда можетъ быть, когда Самъ Богъ наставитъ въ оной. Одинъ Богъ безсмертенъ; одинъ Онъ и вѣдаетъ оное такимъ, какъ есть Онъ Самъ, и какимъ есть въ Немъ само безсмертіе. Тогда токмо и убѣжденіе въ безсмертіи свѣтло въ душѣ человѣческой и, не подвижется. Но напередъ нужно увѣрить себя въ истинѣ Божества Христова: ибо помѣрѣ какъ сіе ослабѣваетъ, затмѣвается и то. А дабы сіе не могло случиться, надлежитъ, чтобы

Христосъ въ насъ былъ. Тогда свѣтлая наша воля не затмѣвается никакими поверхъ ее плавающими сомнѣніями, и Богъ созерцая въ небесной тишинѣ оной образъ Своего Сына, познаетъ, что мы во истину чада Его, зане видитъ, что Вѣра, надежда, любовь и упованіе на блаженное безсмертіе составляютъ въ нашемъ сердцѣ едино съ истиною бытія Его; и что отъ насъ потому удалено всякое сомнѣніе о истинѣ безсмертія, что мы созерцаемъ Бога очами вѣры такъ точно, какъ солнце созерцается глазами чувственными. Одно лишь такое несомнѣнное о Богѣ убѣжденіе достойно имени Божія, достойно человѣческаго сердца. Но чтобы ни говорили, никогда оно таковымъ не будетъ, доколѣ Христосъ не вообразится въ насъ. Можно имѣть сильное убѣжденіе о безсмертіи, поелику совѣсть отъ насъ не отъемлется; но оно, никогда не будетъ ни ясное, ни живое, какъ скоро мы о Христѣ слагаемъ понятія не по духу и ученію Церкви. Напрасно станемъ увѣрять людей въ нашей вѣрѣ; людей увѣрять не трудно, но Христосъ не менѣе того не привлечется въ наше сердце силою по ложнымъ началамъ составленнаго о Немъ увѣренія. Для сего надобно, чтобы Христіанинъ имѣлъ міръ

сообразный съ тѣми истинами въ ихъ первообразіи. То есть, надобно, чтобы Христосъ пришелъ и осуществилъ таковый міръ для Христіанина, для котораго надѣемыя вещи были бы присущи; и невидимыя, такъ какъ бы были видимы. Такова есть Церковь Христова. (*) Въ ней Хрис-

---

(*) Естьли бы Спаситель не давалъ намъ ясть себя, не давалъ намъ плоти своей, не преобразовалъ насъ по естеству своему; то наша душа, оставаясь тою же ветхою, не могла бы оплодотворять въ себѣ истинъ божественныхъ, какъ развѣ сообразно естеству своему; отъ чего, не взирая на ихъ свѣтъ, онѣ бы походили болѣе на языческія, а не на Христіанскія. Вотъ причина, почему между западными учителями примѣчается болѣе сродства съ языческимъ духомъ, чѣмъ прямо съ Христіанскимъ, на который они даже и воюютъ. Сей духъ сталъ по нещастію распространяемъ быть и у насъ; а вмѣстѣ съ онымъ появилось и новое ученіе на счетъ Церкви и Таинствъ. О Евхаристіи дерзаютъ уже говорить, что не надобно-де разумѣть о тѣлѣ и крови Христовой по точному смыслу произнесенныхъ Спасителемъ на вечери словъ. И слова сіи, отъ коихъ бы отцы наши пришли въ трепетъ, нынѣ становятся лишь хладнымъ предметомъ тщетныхъ разглагольствій, какъ бы рѣчь шла о жителяхъ луны; то есть, какъ бы о

тіанинъ непрестанно обрѣтаетъ тѣ вещи, коихъ впечатлѣнныя въ душѣ его образы, возбуждаютъ ее къ такому вниманію, которое, ежели оно хотя мало отъ искренней воли, разогрѣваетъ ее благоугодною теплотою къ воспринятію въ себя Духа Божія, оплодотворяющаго въ насъ тѣ вещи

вещи для насъ ни почему неблизкой. Отъ сего же начала сѣются и сіи касательно Церкви богомерзскія понятія: "Безпредѣльна убо Церковь Іисуса Христа, заключающая въ себѣ весь родъ человѣческій. Ибо всѣ смертные имѣютъ въ сердцѣ своемъ Христа обитающа; и чрезъ него въ какой бы грубости и невѣдѣніи Христіанскаго закона ни обрѣтались, могутъ быть въ сей и въ будущей жизни премудрыми и блаженными, жиды-ли, могометане-ли, или язычники, естьли только препровождаютъ жизнь добродѣтельную и воздержную." *С. В. 1817. Декабря.* Не много повыше тамъ же сказано, что „Христосъ во всѣхъ смертныхъ человѣкахъ обитаетъ отъ чрева матерня." Слѣдовательно явно, что Сочинитель сего Христоненавистнаго ученія мнитъ и вѣритъ, что Христосъ уже отъ самаго чрева матерня обитаетъ въ жидахъ, магометанахъ, язычникахъ. Это также явно оправдываетъ и подтверждаетъ изложенныя здѣсь понятія лже-мистиковъ о Христѣ, что они совсѣмъ превратно понимаютъ о Словѣ Божіемъ, какъ

по ихъ тайнообразному знаменованію, подающаго намъ изобразуемыя оными силы и объясняющаго самую ихъ сущность. Тако Христіанинъ хотя всего того не видитъ, но все то, яко сокровище свое лобызаетъ въ имени Христовомъ, и имѣетъ о нихъ полное и непреложное увѣреніе. Оныя вещи не болѣе отъ него сокрыты, какъ сколько нужно для того, дабы дать мѣсто вѣрѣ его, точно ли онъ Слово Христово пріемлетъ за столь вѣрное и немимоидущее, какъ сказываетъ; и чтобы вѣра таковая послужила ему къ пріобрѣтенію Христа,

---

учитъ Церковь, и что они не исповѣдуютъ Христа собственно; но святотатски употребляютъ сіе имя для прикрытія до времени своей прелести. . . . Остается съ ужасомъ вопросить, гдѣ мы? Ахъ! до какихъ горестныхъ временъ дожили, что немолчащимъ анти-Христовымъ устамъ молчатъ уста православія. Что! Или Христосъ есть нѣкое метафизическое порожденіе, о которомъ можно позволить спорить и говорить, что на умъ взбредетъ? Малѣйше оскорбительное о Царѣ слово взыскивается отъ хулителя, а хула на Царя Царей не ужели ни во что вмѣнится! И еще на Царя, которой толико возлюбилъ насъ, что возхотѣлъ быть по насъ клятвою, да насъ искупитъ изъ челюстей адовыхъ.—

живота своего: ибо вѣрующій въ него бываетъ живъ отъ таковой вѣры. *Еже бо видитъ кто, что и уповаетъ. Аще ли его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ* (*Рим.* VIII.24. 25). Терпѣніеже содѣлываетъ все искуство, и есть первою добродѣтелію Христіанина. Ибо терпѣніе заключаетъ въ себѣ всѣ прочіе добродѣтели Христіанства въ совокупности, являя, что онѣ у него не одно слово, но и дѣло и истина. Онъ терпитъ, поелику вѣритъ въ того, ради кого терпитъ. Онъ терпитъ, поелику надѣется. Онъ терпитъ, поелику паче всего любитъ того, на кого надѣется. Онъ терпитъ, не смотря, что міръ называетъ надежду его буйствомъ; не смотря на то, что кажется весь міръ и адъ изобрѣтаютъ всевозможныя средства и приводятъ въ движеніе всѣ силы къ похищенію изъ его сердца оныя надежды, которую, ежели не можетъ отнять у него прямо, то пытается мистическими устами очернить самую надежду подъ видомъ корысти, желая увѣрить, что онъ любитъ Бога якобы изъ прибытка: но онъ терпитъ благодушно, поелику знаетъ, что любовь къ Богу безъ надежды, есть любовь языческая, темная, и что обращать Христіанскія надежды въ корысть, есть срамитъ не его, но

Бога, давшаго ему оныя; онъ знаетъ, что любовь безъ надежды есть вражда на Бога, а не любовь. Онъ терпитъ, хотя все, что ни видитъ, свидѣтельствуетъ ему противное, и потому, подобно Аврааму, какъ бы вѣритъ противу чаянія; и терпя, противится всѣмъ таковымъ искушеніямъ. Вѣра его, посреди всѣхъ таковыхъ озлобленій и обуреваній, толико же тверда, какъ непреложно самое Христово имя, которое внутрь себя имѣетъ. Потому и Священное Писаніе толико ублажаетъ терпѣніе. *Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе: зане искусенъ бывъ пріиметъ вѣнецъ жизни, его же обѣща Богъ любящимъ его* (*Іак. I.* 12). Для того то и сказано, что праведный отъ вѣры живъ будетъ: поелику не любовь родила вѣру, но вѣра возбудила любовь и согрѣваетъ ее, аки доилица, всегда присущею ей надеждою. Любовь посредствомъ вѣры и надежды, какъ бы посредствомъ двухъ сосцевъ, пьетъ жизнь Божію и ею живетъ въ семъ мірѣ.

Сіе-то терпѣніе и васъ содѣлываетъ нынѣ искусною о Христѣ вѣрою въ Него, упованіемъ на непостыдное его обѣтованіе и любовію къ Нему; сіе терпѣніе, толико утѣшившее меня въ письмѣ вашемъ: сіе терпѣніе, о немъ же мужаетесь при на-

стоящей вашей скорби: сіе терпѣніе, которое возноситъ васъ мудрствовать горняя, хотя земная хощетъ убѣдить въ противномъ; сіе терпѣніе, на коемъ опытно показали Богу, что вы пріемлете Христа за Сына Его, что вѣруете въ Него, и вѣрите необиновенно Его слову. До сего времени, можетъ быть, сердце ваше не было такъ тѣсно соединено съ небомъ; нынѣ-же оно невольно туда устремляется; и уже въ самомъ себѣ познаетъ, что есть небесное Отечество. Нынѣ самый опытъ извѣствуетъ васъ, что хотя дщерь ваша плотію въ землѣ, однако сердце ваше, въ противность видимаго, ищетъ ее на небесахъ. Нынѣ гробъ ея содѣлался для васъ не разрывнымъ узомъ соединенія съ нею. Нынѣ-то паче, нежели когда либо, вы для нее, и она для васъ живетъ; и когдабы, по видимому, надлежало погаснуть любви сей, тогда-то наипаче оная возгарается изъ пепла. Не она простираетъ къ вамъ младенческія свои руки, но вы возносите молитвенныя къ ней и о ней воздыханія. Не она порывается на лоно къ матери, да улыбкою своею испроситъ себѣ питательныхъ сосцевъ ея; но уже мать съ благоговѣйною скорбію поспѣшаетъ на гробъ ея пролить слезы благочестія, да тамо утолитъ гладъ

души своей Словомъ спасенія, и жажду водою живота вѣчнаго. *О! благо ходити въ домъ плача; нежели ходити въ домъ пира.*

Любя и самъ сего рода утѣшеніе, радостно уединился я мыслями въ ваше сердце, какъ бы въ домъ плача, да яко человѣкъ раздѣлю скорбь вашу, понесу тяготу вашего лишенія; и яко Христіанинъ поищу собственнаго своего утѣшенія въ утѣшеніи вашемъ. Мать, показавшая, что знаетъ укрѣплять себя о Христѣ, и понесшая съ благодушіемъ первое пораженіе, и отъ того тягчайшее, есть уже по сему самому и лучшею наставницею въ дѣлѣ утѣшенія. Легко сплетать языкомъ слова утѣшительныя; въ чужой печали не трудно сохранять уста краснорѣчивыя: но быть тѣмъ въ сердцѣ пораженномъ; вотъ одно, что достойно Христіанина. Не имѣя щастія быть отцемъ, не могу имѣть и случая подобнаго вашему; не могу потому вѣдать и живости чувства, когда оно уязвляемо бываетъ жаломъ смерти столь близкаго намъ человѣка, который съ нами составляетъ едино, коего отлученіе отъ насъ есть отлученіе жизни самой, оставляющее намъ жизнь на то, да жесточаѣ возчувствуемъ всю боль отъ таковой разлуки. И потому почелъ за пристой-

ное не столько васъ утѣшать, колико радоваться вашимъ утѣшеніемъ, и славить ту благодать, ея же сила толь чудесно совершается въ немощныхъ сосудахъ. Для того я избралъ лучше содѣлать гробъ вашей дочери мѣстомъ Христіанскаго поученія, назиданія, просвѣщенія, нежели надгробнымъ рыданіемъ. На видимомъ тлѣніи плоти я разглагольствовалъ съ вами о безсмертіи души человѣческой. Я показалъ вамъ, сколь недостаточно само по себѣ такое знаніе. Почему явилъ вамъ безсмертіе въ Богѣ, въ Христѣ, въ Церкви, яко пути, истинѣ и животѣ нашемъ. Наипаче же обратилъ вниманіе ваше на всѣ демонскія козни противу Церкви и точнаго понятія о имени Христовомъ, да вы неуклонно держитесь преданія и ученія Церкви, и знаете, что нападать на Церковь есть уже тайнаго умысла къ испроверженію того ученія и понятія о Христѣ, которое доселѣ преподаваемо было Церковію; и что тѣ, кои движутся на сіе, по необходимости должны имѣть превратныя начала о Пресвятой Троицѣ. Тако гробъ вашей дщери содѣлался для насъ Израилевымъ Источникомъ, изъ коего мы почерпали единую жизнь.

Вотъ что творитъ вѣра, даръ Духа Святаго, какъ увѣряетъ Апостольствующая наша Церковь, и что такъ очевидно согласно съ разумомъ самой вещи. Ибо не вѣра прирожденна есть человѣку, но чувство вѣры, сосудъ, къ принятію дара Вѣры. Что чувство сіе врожденно человѣчеству, о томъ свидѣтельствуютъ всѣ вѣки и народы; но что вѣра истинная не есть чувствомъ, о семъ также убѣждаемся всѣми языческими народами и философами, не имѣющими сего дара, и потому вѣры Христовой не постигающе, отвергшимися. Это ясно показываетъ, что вѣра, аки даръ, подается, и влагается, аки многочестный камень. Намъ дано чувство вѣры воздыхать о семъ дарѣ, поелику безъ онаго никогда не возмогли бы постигнуть тайны имени Христова. Сія-то вѣра наречена камнемъ, на немъ же начальникъ Вѣры обѣщалъ создать на мѣсто себя Церковь, которая, якоже Онъ, во вѣки не подвижется. Какъ Святый Апостолъ Петръ пріялъ ее отъ видимаго Христа, тако и мы воспріемлемъ оную отъ видимыя Церкви. Но и даръ вѣры есть двоякій, или паче сама вѣра имѣетъ два вида. Апостолы имѣли весьма искреннюю во Христа вѣру, однако Петръ троекратно отрекся Христа устрашася

рабыни, какъ и нынѣ многіе Христіане устрашаются ложной мистики, сея рабыни, или работницы духа анти-христова; другіе Апостолы разбѣжались также во образъ, что тако Христосъ въ послѣдніе дни Христіанства отъ своихъ оставленъ будетъ. Но когда Духъ Святый снишелъ на Апостоловъ, тогда вѣра осуществилась въ нихъ, и они содѣлались дерзновенными на Святое благовѣстіе. Для сей причины явленія Божіи были такъ часты въ ветхозаконіи, еще не пришедшу во плоти Христу. Безъ сей видимости Вѣра не имѣла бы ясности и достаточнаго свѣта. Почему оба сіи образа нынѣ соединились въ Христіанствѣ. Данное благословеніе Аврааму приходитъ вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ, да обѣтованіе пріемлется вѣрою (*Гал. III.* 14). Безъ чаемаго Христа не было бы дано ни благословеніе, ни обѣтованіе. Ибо днесь благословеніе оное содѣлывается для насъ сущностью имени Христова; а гдѣ имя Христово, тамъ и Духъ Христовъ. Церковь есть какъ бы видимое богоявленіе; она возбуждаетъ чувство вѣры къ возлюбленію проповѣдуемыя ею истины, и есть также подательница дара сего, осуществляемаго въ душѣ вѣрующаго дѣйствіемъ и осѣненіемъ Святаго Духа.

Сіе паки показываетъ, что никакая любовь къ Богу не можетъ до того поглотить въ себя, или слить въ себѣ вѣры, чтобы не видѣть оныя, какъ то нѣкоторые мистики утвердить хотятъ, подъ предлогомъ, да любовь наша чрезъ то явится предъ Богомъ обнаженнѣе, безкорыстнѣе. Не явно-ли, что это есть тоже, какъ бы даръ Духа Святаго привмѣнять корысти, и слѣдовательно уничижать Его, а въ Немъ и Святаго Духа? Ибо упразднять въ себѣ до того Вѣру, чтобы она, хотя бы и пребывала въ любви, но аки бы не была, опасаясь, да своею малѣйшею ощутимою видимостью, не помѣшаетъ самой любви, есть упраздненіе собственно не вѣры, но лица того, въ него же вѣровати подобаетъ (*). А кому такая надобность есть въ изглажденіи отъ среды любви нашей лица онаго, кому, какъ не врагу лица того, то есть, лица Христова; кому, вопрошаю, какъ не анти-христу? Толико-то опасно на скользскомъ пути разума, хотя мало на десно или на лѣво, удаляться отъ простоты Церкви.

(*) Таковой совѣтъ Святые подавали относительно только къ міру, изгребію. (*Пс. LXI.* 11. 1. *Кор. VII.* 31).

Благодарите же Бога, что сподобилъ вамъ родиться въ нѣдрахъ Церкви Восточныя, единыя сохранившія путь Христовъ въ той простотѣ, въ какой всякому пути быть подобаетъ. Отвращайте слухъ вашъ отъ всякаго на нее слова лукаваго.

Сія-то Церковь утѣшаетъ васъ нынѣ въ лишеніи вашей дщери, утѣшаетъ самымъ Словомъ живота вѣчнаго; которая не токмо ручается за то, что жива она, но что и блаженна.

И что есть здѣшнее наше житіе, какъ пара, яже вмалѣ является, потомъ же изчезаетъ; цвѣтокъ, который утромъ разцвѣтаетъ, а на вечеръ поблекнувъ, падаетъ. Дни наши, какъ сѣнь отбѣгаютъ; и скорѣе бесѣды скончаваются. Обратимся на собственную нашу жизнь, и поищемъ, что въ ней есть такого, что было бы достойно пожелать продолженія оной относительно къ міру сему? Вопросимъ у себя о подлинности ея наслажденій, что суть въ существѣ утѣхи, и какіе источники проливаютъ ихъ во дни наши? Куда дѣвались очарованія юности, сулившія намъ въ отдаленности какое-то блаженство, которое не иное что было какъ призракъ, призракъ, въ подобіи воздушнаго явленія, отливающій отъ себя нѣкое, мысли ожив-

ляющее, играніе цвѣтовъ своихъ, подернутыхъ слегка златопрозрачною пеленою, сотканною изъ свѣта, для лучшаго уловленія вниманія отбрасывающаго въ глаза наши томные лучи разноцвѣтныхъ огней своихъ, да чрезъ то искуснѣе сокроется обманъ и подлогъ поддѣльныхъ его красокъ; призракъ, всегда манящій и всегда отъ нашихъ преслѣдующихъ его объятій, убѣгающій; но не далѣе, какъ сколько нужно для поддержанія въ насъ томящіяся по немъ надежды; призракъ коимъ врагъ нашего спасенія завлекаетъ во глубины свои? Сей врагъ, вѣдая Богомъ въ насъ водруженное чувство на раскрытіе въ себѣ Царства небеснаго, отводитъ наше вниманіе прелестями явленій сего міра на разнообразные предметы, и тако уклоняетъ насъ отъ возможности достичь истиннаго образа нашего блаженства. О! сколь щастливъ тотъ, въ чьемъ сердцѣ вѣра сокрушила оный призракъ, и разрушила его очарованіе навсегда. Въ чемъ же заключается то щастіе, за коимъ люди съ такою безразсудностію гоняются? Нещастные, ниже того сказать могутъ въ облегченіе свое, чтобы знали, за чемъ они гоняются. Поелику все существующее внѣ Бога есть мечта, то мечту всегда они и постигаютъ. О, вы проповѣдники при-

роды! вы, дерзающіе поставлять ее достойною наукою для увѣдѣнія Бога, помышляли-ль вы о томъ, что весь міръ сей и яже въ мірѣ, хотя и есть твореніе руки Божіей, но оный будучи условнымъ созданіемъ, и потому временнымъ, по сей самой причинѣ есть нѣчто отданное во область злыя годины, да вѣрные искушенны будутъ, и познаны отъ Бога и познаютъ Его сами? И сія-то натура, яко внѣ Бога существующая, поколику подъ областію тмы, погибнетъ и яко риза обетшаетъ (*Евр. I.* 11). А равнымъ образомъ погибнетъ и обетшаетъ съ нею и всякое изъ нѣдръ ея почерпнутое понятіе.

О божественныя науки сердца Христова; о сладчайшаго помазанія и обрученія Духа Святаго; о неизглаголанныя тайны непостижимыя Троицы; о, любовь пренебесная! Можетъ-ли что быть достойно тебя въ семъ дольномъ мірѣ, гдѣ все хощетъ отвлечъ тебя отъ Бога, да представитъ въ Царство тмы; гдѣ каждая былинка, естьли мало человѣкъ не остережется, превращается въ льстивый языкъ и жало духа злобы, да умертвитъ сердце его прелестію беззаконія?

Успокойте сердце ваше и духъ на гробѣ возлюбленной вашей дочери. Она до-

стигла благоотишнаго своего пребыванія, пристанища мирнаго, не испивъ горькія чаши земныхъ озлобленій. Она достигла къ Богу не испытавъ гибельной опасности содѣлаться предъ Нимъ невѣрною, не оскорбивъ любви Его предпочтеніемъ Ему подлой твари и изгребія. Воздвизаемыя діаволомъ въ морѣ житейскомъ бури не постигнутъ ее. Всуе адъ бѣснуется видя такъ скоро отнятую у него жертву сію, между тѣмъ какъ Ангельскій соборъ воспріялъ ее въ пресвѣтлый свой ликъ.

Не напрасно, какъ то нынѣ вижу, такъ часто я дивился сему младенцу, примѣчая нѣкую необычайность (духовность) на лицѣ ея; еще не произносила она ни единаго слова лепетаніемъ, а уже видъ ея казался полнъ разума; и взоры полны нѣкоего небеснаго смысла, какъ будто прозиравшіе въ свое отечество, которое такъ не далеко отъ нее было. О! какъ желалъ я дождаться ея возраста, да увижу, что изъ нее будетъ. Но небо, сіявшее уже такъ ясно въ очахъ ея, оспорило сію дражайшую ему корысть у земли, и не попустило Ангельскому ея духу омрачиться нечистотою сего міра. Господь воззвавъ ее къ себѣ такъ скоро, явилъ чрезъ то къ ней любовь и благость свою.

Примите сердечныя сіи изліянія какъ жертву любви моей къ памяти вашей дочери. Естьли воспоминаніе о мнѣ достойно занять мѣсто въ вашемъ сердцѣ; пусть возбуждается оно на гробѣ той, которою нѣкогда любовался съ вами, и нынѣ купно съ вами здѣсь оплакиваю. Посѣщайте гробъ ея не ради печали, но для укрѣпленія себя въ вѣрѣ, толико необходимой для насъ немощныхъ къ понесенію всѣхъ тягостей житейскихъ, и къ одолѣнію непріязненныхъ козней. Не приходите безъ того, чтобы не понести оттолѣ новой истины къ разширенію въ себѣ душеспасительнаго вѣдѣнія о Богѣ. Образъ міра сего преходитъ, но душа пребудетъ во вѣки. Церковь ведетъ къ Богу: она есть путь къ жизни богоблаженной. Всѣ же прочіе пути, внѣ ея, суть пути адовы, какъ бы ни казались они быть правыми для идущихъ по нимъ. Любите Церковь сію, спогребшую вашу дочь Христу, да во Христѣ воскреситъ ее паки въ тѣлѣ, преображенномъ во славу тѣла Христова. Какъ тихая утренняя заря увеселяетъ орашая, обѣщавая ему радостный восходъ солнца: тако бесѣдуя на гробѣ вашей дщери, да возжигается въ сердцѣ утѣшительная денница, что нѣкогда для всѣхъ возлюбившихъ здѣсь Христа взыдетъ

духовное наше солнце, и не зайдетъ болѣе чрезъ всю нескончаемую вѣчность, и западъ не познаетъ вечера, да повсюду воцарится единый Востокъ.

Помните однако, что дабы увѣрить себя въ безсмертіи и блаженствѣ вашей дочери такъ, какъ бы самую подлинность созерцали своими очами: то для сего необходимо нужно претвориться оному понятію въ сущность истины; а это иначе не дѣлается, какъ естьли истина, образуясь по Христу, израстетъ, такъ сказать, изъ самаго осуществленія въ насъ плоти Его. Да будетъ. А ты,

Любезное дитя, оставя долъ родимый,
Прешедшее отъ тьмы во свѣтъ незаходимый,
Средь ликовъ Ангельскихъ воззри на мать въ слезахъ,
И будь заступницей ея на небесахъ.
Предстательствуй о ней въ твоемъ премірномъ чинѣ,
И буди Матерью для Матери отнынѣ.

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ,

сдѣланныя при новомъ изданіи сей книги.

Стр. 10. *Церковь опредѣляетъ Вѣру.* — Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ моей книги, гдѣ говорю о Церкви, яко истинной, я говорю о Церкви Восточной, православной.

Стр. 32. *Всякую вѣру вмѣняетъ намъ Богъ въ правду.* — Сія мысль объяснена мною на страницѣ 279, въ примѣчаніи.

Стр. 41. *Чтобы изъ демонскаго порожденія* — То есть, изъ людей, подобно діаволу, нераскаянныхъ и ожесточенныхъ противу Бога, Вѣры и Церкви.

Стр. 43. *Будто бы Церковь не есть Церковь видимая* — Я говорю здѣсь противъ тѣхъ лжемудрыхъ мистиковъ, которые, по собственному произволу, называютъ себя принадлежащими къ какой-то невидимой Церкви, будто въ тайнѣ пребывающей едва-ли не со временъ самаго Адама; и называютъ себя принадлежащими къ сей Церкви для того, чтобъ освободиться отъ обязанностей, возлагаемыхъ Церковію видимою, установленною Богомъ, или, чтобы и самимъ не принадлежать ни къ какой Церкви, и другихъ легковѣрныхъ увлечь за собою.

Стр. 44. *Назовутъ своимъ Господомъ отца лжи* — Назовутъ не словами, но самыми дѣлами. Іудеи не называли діавола своимъ отцемъ: однако Іисусъ Христосъ обличая дѣла ихъ

сатанинскія, говоритъ: Вы Отца вашего діавола есте (Іоан. VIII. 44).

Стр. 47. *Въ этомъ-то и состоитъ вся развязка хитрой мистики.* — Подъ словомъ мистика я разумѣю то лжеученіе, которое превращая Священное Писаніе въ иносказательный, духовный и таинственный смыслъ, старается затмить истинный разумъ онаго, и испровергнуть Вѣру и Церковь.

Стр. 65. *Въ волѣ котораго Онъ видѣлъ бы Свою волю и волю тѣхъ, за нихъ же Сынъ святилъ Себя.* — То есть: искреннее желаніе спастися чрезъ заслуги Сына.

Стр. 66. *Подъ предлогомъ терпимости.* — Я говорю о той терпимости, которая подъ видомъ нестѣсненія совѣсти, учитъ не преграждать путей распространяющемуся нечестію, безвѣрію и многоразличнымъ заблужденіямъ, которой цѣль есть испроверженіе Церкви, Вѣры, нравственности и благоденствія народовъ, и которая впрочемъ свирѣпо гонитъ обличающихъ ее.

Стр. 190. *Всѣ сіи воли* — О трехъ воляхъ я говорю въ смыслѣ различительномъ, по отношенію къ тремъ лицамъ Св: Троицы, а не въ смыслѣ раздѣлительномъ; такъ какъ и Св. Церковь различаетъ три Ипостаси во Святой Троицѣ, но ихъ не раздѣляетъ, исповѣдуя Троицу единосущную и нераздѣльную.

Стр. 193. *Нѣтъ у Бога другой Церкви, кромѣ видимой.* Говорю сіе не въ отношеніи къ самому Богу, но въ отношеніи къ членамъ Церкви Его, составляющимъ Церковь видимую.

Стр. 219. *Мы-ли повѣримъ сему ученію, яко бы міръ,* — Какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ книги моей, гдѣ говорю противъ познанія Бога изъ натуры, я говорю не въ такомъ смыслѣ, чтобы отвергалъ я богопознаніе естественное: но говорю противъ того познанія Бога изъ натуры, которое проповѣдуютъ лжемистики, по мнѣнію коихъ изъ разсматриванія природы можно познавать и таинство Пресв: Троицы, и воплощеніе Сына Божія и крестныя Его страданія, и проч: такъ какъ бы не нужно уже было и откровеніе.

Стр. 248. *Св. Писаніе можетъ учиниться игрушкою духа обѣихъ сторонъ* — то есть, когда толкованіе онаго оставить на произволъ каждому.

ОБЗ

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	*Стр.*	*Читай.*
64.	14 и 16	подражанія, подражаніемъ
193.	1 съ низу	въ мирѣ
208.	12	въ премірную
210.	12 и 13	Но мечта есть ложь и слѣпота. Обольщенная ею душа созерцаетъ

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: August 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00018986760